

КОГДА ЛЮБОВЬ

в правилах офсайда

ВНЕ ИГРЫ

13

РЕНА ОКАЦУКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рёна Окацуки

Вне Игры Тринадцатого

<https://litres.ru/74131658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ребекка Блэкмор — черлидерша с янтарными глазами и взрывным характером.

Рейвен Деверо — квотербек футбольной команды «Гост Сторм» и главный раздражитель всей её жизни.

Два года они провели в состоянии перманентной войны: перепалки на тренировках, язвительные комментарии, записки с непристойными рисунками и бесконечные споры. Он называет её Бешеной Бекс, она его — квотерхреном.

Один поцелуй на глазах у всего кампуса меняет всё.

То, что начиналось как сделка — она поможет ему с биомеханикой, а он ей отомстить бывшему, — перерастает в нечто, чего ни один из них не ожидал. Ребекка борется с болезнью, которая вернулась спустя десять лет и теперь угрожает отнять у неё всё: учёбу, черлидинг, мечты и, возможно, самого Рейвена.

Это история о столкновении характеров, о спорте, дружбе и любви, которая не признаёт правил. О том, что иногда даже самый точный пас не долетает до цели, а за финальным свистком

наступает тишина — и ты остаёшься на поле один, глядя на
пустые трибуны, где её нет.

Содержание

Рёна Окацуки	6
Вне Игры Тринадцатого	6
ПЛЕЙЛИСТ	7
Глава 2. Разогрев	8
Глава 3. Домашняя игра	42
Глава 4. Чужое поле	117
Глава 5. Точка опоры	135
Глава 6. Фол в нападении	192
Глава 7. Мышечная память	204
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Рёна Окацуки

Вне Игры Тринадцатого

Рёна Окацуки

Вне Игры Тринадцатого

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram* (организации, запрещённые на территории РФ). Meta Platforms Inc.* признана экстремистской организацией на территории РФ.

Также в книге могут упоминаться нецензурная лексика.

ПЛЕЙЛИСТ

1. Originally Performed By Jystin Timberlake Its a Cover Up,
T.I - My love
2. Counting Crows - Accidentally In Love
3. Tropic Gold - Chemicals
4. Simon Curtis - Delusional
5. ANDONIS, prodByLone - Cool For The Summer
6. She Wants - Your Love
7. Artemas - professional hertbreaker
8. The Weeknd -D.D.
9. Tolan Shaw -Gold
10. 3OH!3 - Richman
11. Dem Franchize Boyz, Lloyd - Turn Heads
12. Chase Atlantic - Slow Down
13. Michael Jackson - CHICAGO
14. Lady Gaga - Paparazzi
15. Chase Atlantic - Middle About
16. Jaymes Young – Infinity
17. Taylor Swift – Bad Blood
18. Lana Del Rey – Serial Killer
19. The Neighbourhood – Sweater Weather
20. World's First Cinema – Make Me a Monster

Глава 2. Разогрев

Некоторые игры начинаются не со свистка судьи и не с первого снэпа — они начинаются с пристального взгляда через всё поле, когда ты ещё не знаешь имени того, кто стоит на противоположной стороне, но уже чувствуешь: этот матч не закончится в овертайме, он растянется на целый сезон, а может, и на всю жизнь, и единственное, что ты можешь сделать прямо сейчас, пока трибуны ещё пусты, а солнце только начинает плавить резиновую крошку на беговых дорожках, — это сделать первый вдох и шагнуть на газон.

Рёна Окацуки

Ребекка

Солнце над Финиксом даже в октябре не знало пощады — оно ввинчивалось в макушку, плавило резиновую крошку на беговых дорожках, заставляло воздух дрожать над газонном студенческого стадиона, пока мы, двенадцать идиотов в одинаковых бордовых топах, пытались изобразить синхронность, балансируя на чужих плечах под аккомпанемент собственного сбитого дыхания и скрипа кроссовок по пластиковому покрытию. Тренировка шла третий час, и моя спина уже молила о пощаде, а ладони, скользкие от пота, грозились предать меня в самый неподходящий момент — например,

прямо сейчас, когда я стояла на правой ноге, сцепив пальцы в замок над головой, пока Рина, первокурсница с амбициями Наполеона, орала на меня снизу так, что эхо гуляло по пустым трибунам.

— Блэкмор! Дожимай, а то как дерево! Моя бабка двигается лучше!

Я не удостоила её взглядом, потому что один взгляд вниз — и вестибулярный аппарат напомнит, что я вообще-то нахожусь в трёх метрах над землёй, стоя на плечах у Мэдди, которая, благослови её Господь, держала мои лодыжки мёртвой хваткой, но всё равно слегка покачивалась, потому что Рина опять забыла проверить базу перед заходом, вот же растяпа.

— Я стараюсь, Рина! — процедила я сквозь зубы, дотягивая последний градус угла в локтях и чувствуя, как жжёт в предплечьях.

— Плохо стараешься!

Я сделала последнюю связку — поворот корпуса, бросок рук в стороны, ослепительная улыбка в пустоту (потому что улыбка на сорок процентов состоит из мышечного усилия и на шестьдесят — из чистой ненависти к тем, кто заставляет тебя это делать), — и замерла, как вкопанная, хотя ноги уже гудели, а пульс колотился где-то в горле.

— Закончили! — раздался резкий, как свисток, голос капитана Хлои.

Я спрыгнула с человеческой башни, приземлилась на обе стопы, погасив инерцию мягким приседанием — спасибо,

годы балета в детстве, хоть вы не прошли даром, — и отряхнула руки от невидимой пыли, больше по привычке, чем по необходимости. Ладони горели, как после сотни хлопков.

— Молодец, Бекка, ты постаралась отлично! — Хлоя возникла из ниоткуда, материализовалась за моей спиной с грацией хищницы, и её ладонь звонко шлёпнула меня по заднице, обтянутой тренировочными шортами.

Я резко обернулась, но Хлоя уже удалялась, виляя бёдрами в такт собственному напеванию — кажется, Рианна, что за банальность, капитан, — и я выкрикнула ей в спину, ничуть не заботясь, что нас могут услышать парни из легкоатлетической команды, которые как раз нарезали круги по дальней дорожке:

— Хватит уже шлёпать по заднице, я тебе что, шлюшка из стрип-клуба?!

Хлоя в ответ лишь помахала рукой, не оборачиваясь, и этот жест читался яснее всяких слов: «*Ты моя, Блэкмор, привыкай*». Кто-то из девочек прыснул, Мэдди сочувственно хлопала меня по плечу, а я, выдохнув остатки боевого задора, побрела к трибунам, где сиротливо валялась моя спортивная сумка с нашивкой в виде морской звезды — маленький привет с факультета морской биологии, где вместо помпонов в руках держат пробирки с планктоном.

Трибуны дышали жаром, пластиковые сиденья плавилась, и я уже прикидывала, сколько кубиков льда высыплю себе на голову, когда доберусь до душа, но тут сверху, откуда-то

с верхних рядов, где тень от навеса была гуще, а воздух — на пару градусов прохладнее, послышался голос, который я узнаю из тысячи, даже если меня разбудят в три часа ночи после бутылки текилы:

— Всегда поражаюсь, как в тебе сочетается такая секси-черлидерша и скромница-ботанша.

Я подняла голову, прикрывая козырьком руки глаза — солнце било даже сквозь козырёк, прожигая сетчатку, — и увидела Ив, которая вальяжно спускалась по ступеням, перешагивая сразу через две, с газировкой в одной руке и папкой для эскизов в другой. На ней сегодня были умопомрачительные брюки-палаццо цвета фуксии, белый топ без бретелек и массивные золотые серьги-кольца, которые раскачивались при каждом её шаге, как маятники, гипнотизируя случайных прохожих. Копна афро-кудрей была стянута шёлковым платком с принтом из ананасов — ананасы, серьёзно, Ив, — и вся она выглядела так, словно не в Аризоне находилась, а где-нибудь на Багамах, где вместо тренировок — шезлонг, а вместо воплей Рины — шум прибора.

— Ив, давно ты здесь? — спросила я, закидывая сумку на плечо и на ходу растирая ноющую мышцу бедра. — И я не скромница-ботанша.

— Ага, расскажи это моей бабушке, — фыркнула Ив, останавливаясь на уровне моего ряда и вручая мне газировку, которую я осушила в три глотка, чувствуя, как пузырьки царапают пересохшее горло. — Я здесь ровно столько, чтобы

застать последние пятнадцать минут этого цирка, который вы почему-то называете спортом, Бекка, и ещё раз убедиться, что Хлоя Родригес не просто так носит фамилию, созвучную со словом «диктатор». А ботанша ты потому, что вчера, в пятницу, вместо того чтобы пойти на вечеринку к хоккеистам — к хоккеистам, Бекка! — ты сидела в общаге и препарировала какого-то несчастного кальмара для курсовой, который, на минуточку, уже три дня как протух и вонял на весь коридор. Мадам Чен из 304-й комнаты, между прочим, интересовалась, не завелось ли у нас в крыле чумное животное.

— Кальмар был учебным пособием! — возмутилась я, но губы уже расплывались в улыбке, потому что спорить с Ив, когда она в ударе, было абсолютно бесполезно, как пытаться остановить поезд голыми руками. — И он не протух, он был зафиксирован в формалине, это, во-первых, а во-вторых, вечеринка хоккеистов — это просто пьяный каток в декорациях чьего-то подвала, где все орут, проливают пиво на ковёр и меряются клюшками.

— О, ты даже не представляешь, чем они там меряются, — усмехнулась Ив, и в её тёмных глазах заплясали те самые чёртики, которые обычно предвещали грандиозные неприятности или, как минимум, эпичный рассказ. — Но мы отвлеклись. Мы вообще-то договорились после твоей тренировки пойти в кафе, и я, как самый верный друг на этой планете, ждала тебя целых сорок минут, хотя мой желудок уже готов начать переваривать сам себя, а все эскизы, которые

я сделала за это время, превратились в портреты голодной меня с подписью «накормите это тело».

Я хлопнула себя по лбу, и мокрая прядь волос прилипла к пальцам.

— Точно, совсем забыла, прости. Эта пирамида выжала из меня не только пот, но и все остатки краткосрочной памяти. Дай мне десять минут на душ, и я готова съесть целого кита, не то что пару бургеров.

— Десять минут, Блэкмор, — Ив ткнула в меня пальцем с идеальным миндалевидным маникюром, — и ни секундой больше. Потому что я хочу успеть занять столик у окна, пока эти футбольные идиоты не оккупировали всю «Пиццу Фрэнк» после своей тренировки, и если мне снова придётся сидеть в углу рядом с туалетом, как в прошлый четверг, я лично попрошу Хлою удвоить твою нагрузку на следующей неделе, и не смотри на меня так, я знаю, что у неё есть компромат на тренера по акробатике.

Я закатила глаза, но спорить не стала — отчасти потому, что Ив действительно могла это сделать (её отец-сенатор научил её искусству политического шантажа, а мать-модель — умению подать это как невинную шутку), а отчасти потому, что мой желудок внезапно напомнил о себе утробным урчанием, которое эхом отразилось от пустых трибун.

Через одиннадцать минут (потому что я девушка, а не робот, и Ив это прекрасно понимала, хоть и ворчала для проформы) мы уже шагали по раскалённому асфальту парков-

ки в сторону моего старенького «Форда», кузов которого нагрелся так, что внутри можно было печь печенье без духовки. Ив благоразумно приоткрыла окно ещё до того, как я повернула ключ зажигания, и горячий ветер пустыни тут же ворвался в салон, пахнувший креосотовым кустарником и далёким, едва уловимым озоном — предвестником вечерней грозы, которая, впрочем, могла и не случиться, потому что Аризона славилась своими пустыми обещаниями насчёт дождя.

— Итак, — Ив полуобернулась ко мне, поправляя платок и параллельно разглядывая своё отражение в боковом зеркале, — пока ты там истязала себя ради корпоративного духа университета, я провела небольшое, но крайне продуктивное расследование. Помнишь, ты говорила, что Кейд Уокер будет сегодня на тренировке хоккейной команды? Так вот, тренировку отменили, потому что ледовый комбайн сломался, и теперь все они, включая твоего ненаглядного светловолосого защитника с бицепсами размером с небольшие планеты, тусят в спорт-баре «У Гектора», и это, моя дорогая, наш шанс.

Я резко нажала на тормоз, хотя мы ещё даже не выехали с парковки.

— Ив! Во-первых, он не мой, во-вторых, он не ненаглядный, в-третьих, откуда ты это знаешь?!

— Элиас написал, — Ив пожала плечами с тем самым наигранным безразличием, за которым скрывалось море удо-

вольствия, и я заметила, как уголки её губ поползли вверх, хотя она изо всех сил пыталась сохранить невозмутимое выражение лица. — Мы теперь вроде как переписываемся, если ты не забыла. А Элиас Норт, будь он неладен, имеет доступ ко всем расписаниям, потому что его брат — менеджер хоккейной команды.

— Элиас Норт, — медленно повторила я, трогаясь с места и вливаясь в поток машин, — тот самый парень из команды Рейвена Деверо?

— Ты произносишь это имя с таким отвращением, Бекка, словно у тебя во рту оказался кусок тухлого кальмара, — рассмеялась Ив, и её серьги-кольца снова закачались, как ловцы снов на ветру. — Да, тот самый. И он совершенно не виноват, что его квотербек — самодовольный ублюдок, который меняет девушек как перчатки и считает себя даром вселенной. Элиас, к твоему сведению, совершенно другой.

— О да, — фыркнула я, выкручивая руль на светофоре, — он, конечно, просто святой в компании придурков. Расскажи мне ещё, что он по выходным вяжет свитера для бездомных котят.

— Ну, вообще-то, — Ив сделала театральную паузу, поправляя невидимую пылинку на брюках, — у него есть лабратор по кличке Атлант, и он волонтерит в приюте для брошенных собак. Так что не «свитера», но близко. А твоя неприязнь к Деверо не должна распространяться на всю команду по принципу коллективной вины, это, между прочим,

называется предубеждением, и моя мать, модель с дипломом психолога — да, я помню все её лекции наизусть, — назвала бы это защитным механизмом.

— Моя неприязнь к Деверо, — я практически выплунула эту фамилию, одновременно перестраиваясь в левый ряд, — основана на личном опыте общения с этим напыщенным индюком, который однажды при всём честном народе назвал черлидинг «разминкой для тех, кто не умеет играть по-настоящему», а когда я ему ответила — и ответила, заметь, вполне конструктивно, — он просто рассмеялся и сказал, что у меня «милые ямочки на щеках, когда я злюсь». Представляешь? «Ямочки»! Он даже не воспринимает меня как равную!

— Потому что ты ему нравишься, — пропела Ив, откидываясь на спинку кресла и наслаждаясь эффектом, который произвела её фраза.

Я чуть не врезалась в бампер впереди стоящего пикапа.

— Что?! Ив Равенна, если ты сейчас же не прекратишь нести этот бред, я высажу тебя прямо посреди дороги, и ты пойдёшь в «Пиццу Фрэнка» пешком, и плевать, что твоя мать модель, а отец сенатор, — ядовито-зелёные туфли от Маноло Бланика сотрутся в пыль!

— Тише, тише, мой маленький вспыльчивый биолог, — Ив примирительно подняла руки, но в глазах её плясал уже откровенный смех, который она даже не пыталась скрыть. — Я молчу. Но ты подумай над моими словами на досуге, ко-

гда в очередной раз будешь препарировать моллюска и представлять на его месте кое-чью самодовольную физиономию. А теперь прибавь газу: я хочу успеть занять лучший столик, пока эти футбольные идиоты, включая, между прочим, твоего зачатого поклонника Рейвена Деверо, не заполонили всё заведение.

Сердце ухнуло куда-то вниз, в желудок, где его, судя по урчанию, уже поджидала моя голодная селезёнка.

— С чего ты взяла, что они будут именно в «Пицца Фрэнка»?

— Потому что, дорогая моя, у футбольной команды традиция: после любой тренировки, будь то победная или провальная, они идут жрать пиццу именно туда, потому что хозяин, Фрэнк, в прошлом сам играл за «Гост Сторм» и делает им пятидесятипроцентную скидку, — Ив загибала пальцы, словно перечисляла пункты обвинения в суде. — И сегодня у них была тренировка, я узнавала, так что, если мы не поторопимся, нам придётся сидеть в том самом углу, рядом с туалетом, про который я тебе говорила, и дышать ароматами хлорки пополам с тестостероном.

Я стиснула руль и нажала на газ сильнее, чем требовали дорожные знаки. В конце концов, «Пицца Фрэнка» была достаточно большой, чтобы вместить и голодных черлидерш, и стаю футболистов, — нужно просто занять столик подальше от их обычного места, желательно в противоположном конце зала, за колонной, в идеале — в другом измерении. И если

вселенная сегодня будет на моей стороне, Деверо вообще не явится, а если и явится, то подавится оливкой и его унесут на носилках, и я даже махну ему вслед платочком, потому что я не злая, я просто справедливая.

Ив, словно прочитав мои мысли, усмехнулась и включила радио. Из динамиков полился какой-то латиноамериканский мотив, и мы понеслись по шоссе, рассекая горячий воздух Аризоны, навстречу пицце, интригам и, как выяснится позже, неизбежной катастрофе под названием «столкновение с Рейвеном Деверо в радиусе одного перечницы».

Продолжение следовало — но мы ещё даже не доехали.

Кафе «Пицца Фрэнка» встретило нас запахом расплавленного сыра, чесночного масла и той особенной смеси пота с дезодорантом, которая всегда витает в местах скопления спортсменов после тренировки. Мы с Ив ввалились внутрь, когда кондиционер над входом окатил нас ледяной волной, заставив кожу моментально покрыться мурашками после уличной жары, и я, щурясь после яркого солнца, оглядела зал. Угол у туалета был ещё свободен, но центральные столики уже оккупировала компания баскетболистов, которые что-то бурно обсуждали, размахивая над головами кусками пиццы, как трофеями, а в глубине зала, под огромным телевизором, транслирующим повтор какого-то матча по регби, я разглядела знакомые фигуры.

Сердце пропустило удар — но вовсе не от восторга.

За длинным столом, сдвинутым из трёх отдельных, сиде-

ла почти вся команда «Гост Сторм», и первым, кого я увидела, был не Рейвен. Слава богу, нет. Кай Ашер, раздолбай и лучший друг Деверо, стоял на стуле (на стуле, Карл!), держа в одной руке бутылку колы, а в другой — надкусанный кусок пиццы, и провозглашал тост за «величайший перехват в истории любительского футбола, совершённый, разумеется, мной, пока остальные ковыряли в носу». Деклан Мур, бедняга с фамилией, которая была проклятьем всей его жизни, сидел рядом и безуспешно пытался стащить Кая со стула за штанину, приговаривая: «Ты позоришь нас перед той девушкой с афро-кудрями, Кай, серьёзно, слезь», — и именно в этот момент Ив, которая уже грациозно шествовала к свободному столику у окна (благо, он оказался прямо напротив выхода, а не рядом с туалетом, и она победно вскинула руку), услышала своё описание и повернулась к футболистам.

— Девушка с афро-кудрями, — громко и отчётливо произнесла она, и её голос, поставленный годами вокала в школьном хоре, перекрыл даже гул телевизора, — обычно бьёт по лицу без предупреждения, если о ней говорят в третьем лице, не представившись. Но у тебя, Мур, симпатичное лицо, так что я сделаю вид, что ничего не слышала.

Деклан покраснел до корней волос — а волосы у него были рыжие, так что контраст вышел сногсшибательный, — а Кай расхохотался так громко, что подавился колой и закашлялся, разбрызгивая её на плечи Маттео Рикардо, который смотрел на всё это с выражением человека, привыкшего к

хаосу, но не перестающего от него уставать. Элиас Норт, сидевший в углу с телефоном в руке, поднял глаза и улыбнулся Ив той самой улыбкой — тёплой, немного смущённой, с ямочкой на левой щеке, — и я заметила, как моя подруга на секунду замедлила шаг, поправила платок и только потом села за столик, как ни в чём не бывало.

— Ив Равенна, — сказала я, плюхаясь на стул напротив и придвигая к себе пластиковое меню, хотя знала его наизусть, — ты только что отчитала бедного Деклана и одновременно флиртовала с Элиасом, даже не произнеся ни слова. Научи меня так.

— Это врождённое, — отмахнулась Ив, но щёки её слегка потемнели румянцем, который на её смуглой коже смотрелся как закат над пустыней. — И Деклан не бедный, он просто объект насмешек из-за дурацкой фамилии, что, между прочим, формирует характер. Я читала исследование.

— Ты читала исследование о влиянии неблагозвучных фамилий на психоэмоциональное развитие подростков? — Я приподняла бровь, откладывая меню и уже зная, что закажу «Мясной шторм» без лука, потому что лук потом будет преследовать меня до вечера, а у меня, возможно, ещё репетиция поддержки перед завтрашним матчем.

— Мать прислала, — вздохнула Ив. — Говорит, это поможет мне «понять людей». А я просто хочу съесть пиццу с пепперони и посмотреть, как Элиас ест свою, потому что он ест очень аккуратно, Бекка, ты не представляешь, это заво-

раживает — ни крошки мимо, ни капли соуса на рубашке, и он всегда сначала вытирает рот салфеткой, а потом уже отпивает из стакана.

Я фыркнула, но прежде чем успела ответить — прежде чем успела сказать, что она анализирует манеру поедания пищи у парня, с которым даже ещё не встречается, и что это переходит все границы даже для неё, — пространство вокруг нашего столика внезапно изменилось. Стало тише на полтона, словно кто-то приглушил общий шум заведения, и воздух, и без того пропитанный запахами еды, приобрёл новую ноту: смесь дорогого парфюма, разогретой на солнце кожи и того самого самодовольства, которое, кажется, имело собственный запах.

— Блэкмор.

Голос раздался прямо над моим ухом, и я, даже не обращившись, знала, кому он принадлежит. Потому что никто во всей Аризоне — во всей Северной Америке, чёрт возьми, — не мог произнести мою фамилию с такой смесью ленивого превосходства и затаённой усмешки. Я медленно подняла голову.

Рейвен Деверо стоял, опираясь бедром о край нашего столика, скрестив руки на груди, и смотрел на меня сверху вниз, хотя я сидела. Карие глаза щурились в той самой манере, которая бесила меня до скрежета зубовного, каштановый ёжик волос был взъерошен после тренировки, и на скуле, прямо над острой линией челюсти, красовалась свежая царапина

— видимо, чей-то шлем задел на разборе. Он был в серой майке с эмблемой команды, которая предательски обтягивала грудные мышцы и бицепсы, и я ненавидела себя за то, что заметила это.

— Деверо, — ответила я, вложив в одно это слово всю ту неприязнь, которую копила с того самого дня, когда он назвал черлидинг разминкой. — Чем обязана?

— Да так, — он небрежно пожал плечами, и это движение было рассчитано до миллиметра: мышцы под майкой перекатились волной, и я услышала, как Ив тихо хмыкнула в кулак, — увидел знакомое лицо, решил проявить вежливость. Мы же теперь почти коллеги по спортивному цеху, верно? Я бросаю мяч, ты бросаешь...

— Помпоны? — перебила я, поднимаясь со стула и оказываясь с ним почти лицом к лицу — почти, потому что он всё равно возвышался надо мной на добрых пятнадцать сантиметров, и мне пришлось задрать подбородок. — Договаривай, Деверо, у тебя всегда так хорошо получается заканчивать фразы пренебрежительными шуточками, не останавливайся на полпути.

Его улыбка на секунду дрогнула — уголки губ чуть опустились, а в глазах мелькнуло что-то, чему я не могла дать названия, но это быстро исчезло, смытое привычной самоуверенностью.

— Я хотел сказать «вызов», Блэкмор, — тихо произнёс он, и теперь в его голосе не было ни усмешки, ни пафоса,

только сухие, как песок пустыни, слова. — Ты бросаешь вызов. Судьям. Соперникам. Гравитации, в конце концов, когда стоишь вон на той своей пирамиде. Я это видел.

Я открыла рот, чтобы ответить — и не нашлась. Потому что это было... неожиданно. Потому что я приготовилась к очередной колкости, к перепалке, к сарказму, а получила комплимент, замаскированный под наблюдение, и мой мозг, привыкший к боевому режиму общения с ним, дал сбой.

Ив пришла на помощь — благослови её Бог и её отца-сенатора, который научил её заполнять неловкие паузы.

— Рейвен, — пропела она, и я услышала в её голосе ту самую интонацию, которую она использовала, когда хотела одновременно разрядить обстановку и извлечь из неё максимум выгоды, — не будешь ли так любезен передать вон тому красавчику с лабрадором на аватарке, что я заказала ему гавайскую пиццу с двойным ананасом, и если он не съест её в моём присутствии, я сочту это личным оскорблением?

Рейвен моргнул, перевёл взгляд на Ив, потом на Элиаса, который как раз в этот момент поднял голову от телефона и встретился с ней глазами, и на его лице расцвела та самая мальчишеская улыбка — тёплая, с ямочкой, — которую Ив описывала мне последние три дня, засыпая и просыпаясь.

— Я ему передам, — медленно произнёс Рейвен, и в его голосе появилась новая нота, которую я не могла идентифицировать: то ли удивление, то ли что-то похожее на уважение к тому, как ловко Ив перехватила контроль над разговором.

— Но за ананас в пище он тебя вряд ли простит, Равенна, это преступление против итальянской кухни.

— К счастью, мы в Аризоне, а не в Италии, — парировала Ив, уже поднимаясь и поправляя брюки, чтобы грациозно прошествовать к столу футболистов, где Элиас поспешно освобождал для неё место рядом с собой, едва не смахнув локтем тарелку Кая. — Бекка, закажи мне пока лимонад, я скоро вернусь. Или не скоро.

Я проводила её взглядом, полным одновременно восхищения и ужаса: она ушла, оставив меня наедине с Рейвеном Деверо, который по-прежнему стоял, опираясь бедром о мой столик, и смотрел на меня своими карими глазами, в которых сейчас, без свидетелей, читалось что-то совершенно непохожее на то самодовольство, которое я привыкла там видеть.

— Садись уже, — буркнула я, кивая на стул напротив, тот самый, где только что сидела Ив. — Раз уж ты всё равно тут стоишь столбом и пугаешь посетителей своей царapiной, которая выглядит так, будто ты подрался с кустом.

Он хмыкнул — одними губами, без звука, — и опустился на стул, сложив руки перед собой, и я заметила, что костяшки его пальцев тоже были сбиты, а под ногтями на правой руке темнела полоска грязи, видимо, с поля. Он не был похож на глянцевого бабника с плакатов, каким я его себе представляла, — прямо сейчас, в этом дурацком кафе, пропахшем сыром, с царapiной на скуле и усталыми кругами

под глазами, он выглядел просто как парень после долгой тренировки. Уставший. Голодный. И почему-то решивший, что ему необходимо поговорить именно со мной.

— Ты сегодня чуть не рухнула на третьей смене пирамиды, — сказал он, и я вздрогнула, потому что не ожидала, что он вообще смотрел нашу тренировку. — Когда Мэдди перенесла вес на левую ногу, твоя правая лодыжка дрогнула, и ты компенсировала смещением корпуса на четыре дюйма. Это было... рискованно.

— Ты разбираешься в черлидинге? — Мой голос прозвучал резче, чем я хотела, и я тут же пожалела об этом, но Рейвен, вопреки ожиданиям, не огрызнулся в ответ.

— Я разбираюсь в центрах тяжести, Блэкмор, — он пожал плечами, и это пожатие было усталым, а не пафосным. — Когда ты квотербек, ты считаешь траектории, точки опоры, углы атаки. То, что вы делаете на пирамидах, — это та же геометрия, только вместо мяча и защиты у вас чужие плечи и собственный позвоночник. Не так уж сильно отличается.

Я смотрела на него, и что-то внутри меня — какой-то крошечный, вредный винтик в механизме моей неприязни — провернулся с лёгким скрежетом. Он только что сравнил черлидинг с футболом не как разминку с настоящей игрой, а как одну систему расчётов с другой. Как равную. И я не знала, что с этим делать.

— Зачем ты это говоришь? — спросила я, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди — защитный жест,

который он, конечно же, заметил, потому что его взгляд на секунду метнулся к моим локтям, а потом вернулся к лицу.

— Потому что это правда, — просто ответил он. — И потому что ты единственная, кто не смотрит на меня как на ходячий автограф с бицепсами. Ну, не считая того, что ты смотришь на меня как на ходячую мишень для своих язвительных комментариев, но это, знаешь ли, освежает.

Я не выдержала и рассмеялась — коротким, отрывистым смешком, который вырвался раньше, чем я успела его подавить.

— Ты сам попросился, Деверо. Не надо было называть черлидинг разминкой.

— Я был идиотом, — он развёл руками, и этот жест был таким обезоруживающе честным, что я на мгновение потеряла дар речи. — Я вообще часто бываю идиотом, Блэкмор, спроси у Кая, он тебе целый список зачитает по пунктам, в алфавитном порядке, с подзаголовками и сносками. В тот день я пытался понравиться тебе и выбрал для этого самую дурацкую стратегию в истории человеческих взаимоотношений, а именно — задел то, что тебе дорого. Это было глупо. И я... сожалею.

В зале повисла та тишина, которая случается, когда два человека смотрят друг на друга через стол, заляпанный соусом маринара, и понимают, что старая война только что закончилась, а новая ещё не началась. Я чувствовала, как щёки начинает заливать румянец — ненавижу свою бледную кожу,

которая выдаёт всё, — и отвела взгляд первой, уставившись в меню так, словно там были написаны ответы на все вопросы вселенной.

— Ладно, — сказала я, не поднимая глаз. — Я принимаю твои извинения, Деверо. Но это не значит, что мы друзья.

— Конечно, нет, — он усмехнулся, и по звуку я поняла, что он улыбается той самой улыбкой, которая, по слухам, разбила не одно женское сердце. — Мы просто два человека, которые сидят за одним столом в «Пицце Фрэнка» и ждут, пока их заказ принесут. Это ничего не значит, Блэкмор. Совершенно ничего.

— Вот именно, — буркнула я, подзывая официантку и делая вид, что мне абсолютно всё равно, что он остался сидеть напротив, даже когда Ив вернулась за наш столик с победоносным видом и листком бумаги, на котором, как выяснилось, был написан номер Элиаса — «на случай, если я захочу обсудить с ним преимущества ананаса в пицце, Бекка, это чисто научный интерес».

Вечер катился к закату, солнце за окнами «Пиццы Фрэнка» красило небо в цвета вуали невесты — розовый, персиковый, лиловый, — а я сидела, ковыряла вилкой остатки своего «Мясного шторма» и думала о том, что Рейвен Деверо, возможно, не совсем тот человек, каким я его себе нарисовала. И это пугало меня сильнее, чем любая пирамида, с которой можно было упасть.

Я стояла у выхода из «Пиццы Фрэнка», прислонившись

плечом к прохладной кафельной стене и лениво наблюдая за тем, как Ив прощается с Элиасом — прощание затянулось на добрых десять минут, потому что он сначала искал её платок (который, как выяснилось, она специально «забыла» на спинке стула), потом они обсуждали какую-то кинопремьеру, потом он показывал ей фотографии своего лабрадора Атланта, а она комментировала каждую с той степенью энтузиазма, которая выдавала её с головой, хоть сама Ив и отрицала любую заинтересованность с упорством, достойным адвоката в суде присяжных. Я переминалась с ноги на ногу, крутила в пальцах брелок от ключей — маленького резинового осьминога, подарок с прошлогодней конференции по морской биологии, — и считала про себя количество неоновых вывесок в витрине, просто чтобы чем-то занять мозг, который то и дело возвращался к тому, что случилось за нашим столиком сорок минут назад, когда Рейвен Деверо сказал «я сожалею», и сказал это так, словно слова имели для него значение, словно он не просто бросал их в воздух, а клал передо мной на стол, как карту в покере.

Наконец Ив, сияющая так, словно ей только что вручили корону Мисс Вселенная, отлепилась от плеча Элиаса (она успела к нему привалиться, пока смеялась над какой-то его шуткой, и я заметила, как его рука на секунду зависла над её талией, не решаясь опуститься, и от этого у меня внутри что-то потеплело, потому что нерешительность парня — это, чёрт возьми, самый верный признак того, что ему не всё рав-

но), помахала ему кончиками пальцев — жест, одновременно царственный и девчачий, — и направилась ко мне, цокая каблуками по плиточному полу и поправляя платок на голове с видом полного удовлетворения.

— Ну как успех? — спросила я, как только она приблизилась на расстояние вытянутой руки, и мой голос прозвучал чуть более заинтересованно, чем мне самой хотелось бы признать.

Ив улыбнулась — той самой улыбкой, которая предназначалась только мне, не парадной, не для публики, а настоящей, с чуть прищуренными глазами и лёгким наклоном головы, — и кивнула на дверь, мол, пошли уже, на улице расскажу. Я наконец толкнула тяжёлую стеклянную створку, и мы вышли в горячие сумерки Финикса, где воздух после кондиционированного холода кафе показался сначала обжигающим, а потом — обволакивающим, как тёплая вода в бассейне, и пахнущим бензином, пылью и откуда-то издалека цветущим жасмином, который каким-то чудом выживал в этой бетонной пустыне.

— Как обычно, — ответила Ив, перекидывая ремешок сумки через плечо и доставая из неё солнечные очки, хотя солнце уже почти село, просто чтобы занять руки. — Ты же знаешь, я не собираюсь спешить, а то мало ли, вдруг спугну. Да и к тому же я чёрная, вряд ли ему нравятся такие.

Я остановилась как вкопанная прямо посреди тротуара, и какой-то парень на скейтборде, проезжавший мимо, чертых-

нулся, вынужденный объезжать меня по газону.

— Ив, ты сейчас серьёзно? — Я повернулась к ней всем корпусом, забыв про машину, про жару, про всё на свете, потому что этот внезапный, почти будничным тон, которым она произнесла «я чёрная», резанул меня сильнее, чем любое оскорбление в мой адрес. — Ты видела себя? Будь я на месте Элиаса, у меня бы уже слюнки текли и я бы захотела подарить тебе жемчужину «Перегрина».

Ив моргнула, а потом её лицо смягчилось, и она обняла меня — крепко, по-настоящему, так что я почувствовала запах её духов (что-то цитрусовое, с ноткой мускуса) и щекотку её серёжек у своего виска.

— О-о-у, это так мило, Бекки, — пробормотала она мне в плечо и чмокнула в щёку, оставив на коже влажный след блеска для губ.

— Но тем не менее, — продолжила Ив, отстраняясь и снова надевая на лицо свою привычную маску дерзкой уверенности, хотя в глазах ещё плескалось что-то уязвимое, что она редко кому показывала, — я чёрная, а в Америке полным-полно расистов, и ты это знаешь не хуже меня. Мой отец-сенатор каждый день получает письма с угрозами только потому, что он посмел жениться на чернокожей модели и завести от неё ребёнка, и я, Бекка, с детства научилась считывать эти взгляды — те, что длятся на секунду дольше, чем должны, те, что скользят по моей коже и прикидывают, имею ли я право находиться в этом ресторане, в этом магазине, в

этой аудитории.

Я закатила глаза — но не потому, что мне было всё равно, а потому, что я слышала эту речь уже сотню раз, и каждая сотня разбивала мне сердце ровно так же, как первая, просто я научилась не показывать этого.

— Успокойся уже, Ив. Ты самая горячая штучка в университете, и если Элиас Норт этого не видит — значит, он слепой идиот, и мы найдём тебе другого, с ещё более симпатичной ямочкой на щеке и ещё более милым лабрадором, хотя Атланта, признаю, переплюнуть будет трудно — я видела фото, это просто ходячее недоразумение с хвостом и глазами-пуговками.

Ив рассмеялась — искренне, заливисто, откинув голову назад так, что её платок чуть не слетел, — и я почувствовала, как напряжение, сковавшее мои плечи, начинает отпускать.

— Ладно, убедила, — сказала она, смахивая невидимую слезинку из уголка глаза. — Но если он окажется скрытым куклуксклановцем, я лично заставлю тебя препарировать его для твоей курсовой, и не надо говорить, что ты не умеешь препарировать людей, — научишься.

Мы наконец сели в машину, и старенький «Форд» отозвался на поворот ключа знакомым утробным урчанием, которое всегда напоминало мне о том, что его пора бы отвезти в сервис, но я всё откладывала, потому что механик в нашем районе был жутким занудой и всегда спрашивал, зачем такой милой девушке разбираться в карбюраторах. Мы ехали

по вечернему Финиксу, и город за окнами разворачивался, как свиток: пальмы вдоль шоссе, подсвеченные снизу оранжевыми фонарями, бесконечные парковки перед супермаркетами, неоновые вывески баров, обещающих «самое холодное пиво в штате», и далёкие силуэты гор на горизонте, которые в сумерках становились сиреневыми, как внутренность раковины моллюска.

Спустя двадцать минут мы вышли из машины и направились к общежитию — бетонной башне, которая в лучах заката выглядела почти романтично, хоть и была на самом деле просто коробкой с окнами, пахнувшей дешёвым освежителем воздуха и чьими-то подгоревшими попкорнами с общего этажа. Мы как раз проходили мимо скамеек перед входом, когда Ив внезапно схватила меня за локоть и дёрнула так резко, что я чуть не споткнулась о бордюр.

— Бекка! Прямо по курсу ледяная сладкая задница!

Я проследила за её взглядом, и весь мир вокруг меня на секунду замер, схлопнулся в одну точку, а потом взорвался фейерверком нервных импульсов, которые побежали от макушки до кончиков пальцев, оставляя за собой покалывающий, как статическое электричество, след.

Кейд Уокер.

Он шёл через парковку в компании парней из хоккейной команды — Ронана, Дрейка и Джо, — и заходящее солнце золотило его светлые волосы, превращая их в подобие нимба, который совершенно не вязался с его репутацией главно-

го сердцеда кампуса, но, боже мой, как же ему шёл. На нём была простая белая футболка, которая натягивалась на грудных мышцах ровно так, чтобы сводить с ума любую девушку, оказавшуюся в радиусе десяти метров, и джинсы с прорехой на колене, и он смеялся над чем-то, что сказал Дрейк, запрокинув голову назад, и его кадык двигался в такт смеху, и я почувствовала, как мой собственный пульс сначала остановился, а потом рванул в галоп, как испуганная лошадь, и всё это произошло за те две секунды, пока он нас не заметил.

А потом он нас заметил.

Его взгляд скользнул по Ив (вежливо, приветственно), переместился на меня — и задержался. Всего на долю секунды дольше, чем требовали приличия, но этого хватило, чтобы мои щёки вспыхнули с температурой лавы, а ладони стали влажными, и я возблагодарила всех богов за то, что на улице сумерки и, возможно, он не заметит моего румянца. Кейд улыбнулся — той самой улыбкой, самой очаровательной и сексуальной во всём гребаном мире, улыбкой, от которой у всего женского населения университета штата Аризона подкашивались колени, а некоторые, по слухам, даже падали в обморок на стадионе во время матчей, — и помахал нам широкой ладонью с длинными пальцами, в которых так легко было представить хоккейную клюшку.

Они остановились прямо перед нами, перегородив дорогу к общаге, и мне пришлось задрать подбородок, чтобы смотреть на Кейда — он был высокий, почти как Рейвен, но сло-

жён по-другому: если Деверо был мощным, как футбольный защитник, широким в плечах и грудной клетке, то Уокер был длинным, поджарым, с рельефом мышц, который угадывался под одеждой, как у пловца или, собственно, хоккеиста — быстрого, взрывного, созданного для броска.

— Привет, девчонки, — произнёс он, и его голос — низкий, с лёгкой хрипотцой, словно он только что сорвал его на тренировке, — прокатился по моему позвоночнику, заставляя его выпрямиться. — Как дела?

Я открыла рот, но из него не вырвалось ни звука — буквально ни единого, мой мозг отключился в самый неподходящий момент, все слова куда-то испарились, и я стояла, как рыба, выброшенная на берег, безмолвно шевеля губами. Ив, благослови её Господь и её отца-сенатора, который научил её дипломатии в любой ситуации, мгновенно вступила в бой, спасая мою репутацию от полного краха.

— Привет, Кейд, Ронан, Дрейк, Джо, — перечислила она всех по именам с той лёгкостью, с какой дирижёр называет инструменты в оркестре. — Дела хорошо, пиццу поели, а вы как?

— Зашибенно, — отозвался Ронан, рыжий веснушчатый вратарь с вечной ухмылкой на лице и руками, которые, казалось, могли задушить медведя, — Ив, не хочешь завтра на свиданку пойти?

— Ты не в моём вкусе, отвали, — бросила Ив, даже не глядя в его сторону, и поправила платок на голове с видом

королевы, только что отказавшей просителю в аудиенции.

Ронан театрально схватился за сердце, пошатнулся, изображая смертельное ранение, и рухнул на плечо Дрейка, который заржал и пихнул его локтём, приговаривая: «Я тебе говорил, говорил же, что она тебя отошьёт, ты ей не по зубам, дружище», — и от этого маленького представления лёд между нашими компаниями треснул, и напряжение, которое я ощущала из-за своего онемевшего языка, слегка отпустило.

— А ты, Бекка? — Кейд перевёл взгляд на меня, и моё имя в его устах прозвучало как-то... иначе, чем обычно. Мягче. Теплее. Словно он пробовал его на вкус и находил приятным. — Как прошла тренировка? Я слышал, вы сегодня ставили новую пирамиду.

Он слышал. Он знал. Кейд Уокер знал, что у нас была тренировка, и знал, что мы ставили пирамиду, и это означало — что? Что он следил за расписанием черлидерш? Что кто-то ему сказал? Или, может быть, он просто случайно проходил мимо стадиона и заметил нас, заметил меня, стоящую в трёх метрах над землёй на чужих плечах, и запомнил это?

Мысли заметались в голове, как перепуганные птицы в клетке, и я заставила себя вдохнуть — глубоко, до самого живота, как учил тренер по акробатике перед сложным элементом, — и наконец обрела дар речи.

— Тренировка была... жаркой, — выдавила я, и мой голос прозвучал почти нормально, разве что чуть выше обычного, но он, кажется, не заметил, или сделал вид, что не заметил,

потому что просто кивнул и улыбнулся шире. — Хлоя гоняла нас три часа, и Рина, наша новенькая, опять забыла проверить базу, так что я чуть не рухнула, но в итоге всё обошлось.

— Три часа? — присвистнул Джо, темнокожий защитник с дредами, собранными в хвост на затылке. — Да вы, черлидерши, настоящие звери, я бы столько не выдержал, а я, между прочим, по три раунда в овертайме отыгрывал без замен.

— Это потому что у тебя выносливость как у беременной панды, — беззлобно вставил Дрейк, и Джо отвесил ему подзатыльник, который тот даже не попытался увернуться.

Кейд не обратил на них внимания — он продолжал смотреть на меня, и в его светло-голубых глазах (таких светлых, что на солнце они казались почти прозрачными, как лёд на катке в начале сезона) плясали искорки искреннего интереса.

— Ты занималась гимнастикой до универа? — спросил он, и это был не дежурный вопрос ради поддержания разговора, а настоящий, осмысленный, тот, на который он хотел услышать ответ. — У тебя очень плавные движения, я видел на прошлой игре, когда вы делали поддержку в перерыве. Обычно черлидерши двигаются... ну, резко, как солдатики, а ты — по-другому.

Я почувствовала, как мои щёки снова вспыхнули, и вознесла короткую молитву, чтобы румянец остался незамеченным в сумеречном освещении парковки, где единственными источниками света были жёлтые фонари на столбах и под-

светка входа в общежитие.

— Балет, — ответила я, и слово вырвалось чуть быстрее, чем следовало, но Кейд, казалось, был только рад такой поспешности. — Девять лет. Мама хотела, чтобы я стала примой, но я возненавидела пуанты и сбежала в черлидинг, где хотя бы можно носить кроссовки, а не эти орудия пытки.

— Балет, — повторил Кейд, и в его глазах мелькнуло что-то новое, какое-то понимание, словно кусочек пазла встал на место. — Поэтому у тебя такая осанка. Я всё думал, что в тебе такого... королевского, а это, оказывается, балетный станок.

— Ты разбираешься в балете? — Я приподняла бровь, и вопрос прозвучал с лёгкой ноткой сарказма, которую я не смогла подавить, но Кейд, к его чести, ничуть не оскорбился.

— У меня сестра танцевала, — пояснил он, и его улыбка на секунду стала другой — мягче, теплее, словно он вспомнил что-то из детства. — Пока не порвала ахилл в четырнадцать лет. С тех пор у нас в семье табу на пуанты, так что я немного в теме, хоть и не эксперт. Но достаточно, чтобы отличить балерину от строевого сержанта.

Я рассмеялась — коротко, отрывисто, — и вдруг осознала, что стою и разговариваю с Кейдом Уокером, как с обычным человеком, а не как с существом с другой планеты, и что он смеётся в ответ, и что его друзья, похоже, уже смирились с тем, что их капитан застрял на парковке, и теперь обсуждают что-то с Ив, которая, судя по её тону, просвещала их о

преимущества ананаса в пище с тем же пылом, с каким её отец произносил речи в Конгрессе.

— Слушай, Бекка, — Кейд внезапно понизил голос, и этот переход от общего разговора к чему-то более личному был почти физически ощутим, словно воздух между нами сгустился, — я собирался спросить тебя кое о чём ещё на прошлой неделе, но ты тогда так быстро исчезла после игры, что я не успел.

— Спросить о чём? — Мой голос прозвучал хрипловато, и я прочистила горло, надеясь, что это осталось незамеченным.

— На следующей неделе «Аризона Стейт» играет с «Уайлдкэтс», это выездной матч в Тусоне, и команда берёт с собой группу поддержки. Я подумал... может, ты тоже поедешь?

Вопрос повис в воздухе между нами, и я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, перекрывая дыхание, потому что Кейд Уокер только что спросил, поеду ли я на выездной матч — и пусть он сказал «команда берёт группу поддержки», пусть это звучало почти официально, но его взгляд говорил совсем о другом, и его поза — чуть наклонённая вперёд, сокращающая расстояние между нами до каких-то жалких сантиметров, — говорила о другом, и то, как он понизил голос, сказало о другом.

— Я... — начала я и запнулась, потому что Ронан внезапно возник прямо у плеча Кейда, хлопнул его по спине так, что

тот пошатнулся, и заорал:

— Кэп, у тебя телефон разрывается, это тренер, он хочет знать, почему полкоманды торчит у общаги вместо того, чтобы быть на собрании!

Кейд чертыхнулся, выудил из кармана вибрирующий телефон и бросил на меня извиняющийся взгляд.

— Мне пора бежать, прости. Но вопрос остаётся в силе, Бекка, — он сделал шаг назад, потом ещё один, не отрывая от меня взгляда. — Я надеюсь, ты ответишь «да».

— Я подумаю, — выдавила я, и он улыбнулся — широко, открыто, той самой улыбкой, — прежде чем развернуться и трусцой побежать к машинам, а остальные хоккеисты, на ходу прощаясь с Ив и обмениваясь какими-то шуточками, последовали за ним, оставив нас вдвоём на пустой парковке, где свет фонарей рисовал на асфальте длинные жёлтые дорожки, а сверчки в кустах уже начинали свой вечерний концерт.

Ив подошла ко мне и, не говоря ни слова, взяла под руку, увлекая к дверям общежития, и только когда мы вошли в прохладный вестибюль, пропахший хлоркой и чьими-то духами, она произнесла:

— «Я подумаю»? Серьёзно, Бекка? Тебя только что фактически пригласили на свидание — на выездной матч, детка, это вам не просто кофе попить, это целое путешествие, автобус, гостиница, — а ты говоришь «я подумаю»?

— Я не была готова, — простонала я, прижимая ладони

к пылающим щекам. — Ив, он спросил про балет! Про мой балет! Откуда он вообще знает, как я двигаюсь на поле? Он что, смотрел на меня во время игры?

— О, я тебя умоляю, — Ив закатила глаза так сильно, что её зрачки на секунду исчезли, — он смотрел на тебя с тех пор, как ты на первой игре сезона уронила помпон, наклонилась его поднять, и твоя юбка задралась ровно настолько, чтобы он подавился газировкой на трибунах. Я это видела собственными глазами, Бекка, подавился, закашлялся, и Дрейк стучал ему по спине целую минуту. Это было эпично.

— Ты никогда мне этого не рассказывала! — Я резко остановилась посреди коридора, уставившись на подружку с открытым ртом.

— Потому что ты бы сгорела со стыда и перестала ходить на игры, — пожалала плечами Ив, нажимая кнопку лифта. — А теперь, пожалуйста, собери волю в кулак, напиши ему завтра что-нибудь остроумное про балет и пуанты, и соглашайся на этот чёртов выезд, потому что если ты этого не сделаешь, я лично позвоню твоей маме и расскажу, что её дочь упускает лучшего парня в универе из-за какой-то дурацкой робости.

Лифт приехал с мелодичным звоном, двери разъехались, и мы шагнули внутрь кабинки, где на зеркале кто-то оставил маркером надпись «Ты прекрасна, не забывай», и я смотрела на своё отражение — покрасневшееся, с выбившимися из хвоста прядями каштановых волос, с янтарными глазами, которые сейчас казались слишком большими на лице, — и

думала о том, что Кейд Уокер смотрел на меня на первой игре сезона. Смотрел так, что подавился газировкой. И это, пожалуй, было самым убедительным аргументом в пользу того, чтобы перестать сомневаться и начать действовать.

— Ладно, — сказала я, когда лифт остановился на нашем этаже. — Я напишу ему завтра. Но если он окажется придурком, ты лично будешь препарировать его для моей курсовой.

— Договорились, — ухмыльнулась Ив, и мы вышли в коридор, где из-под двери нашей комнаты пробивалась тонкая полоска света, обещающая убежище, прохладу кондиционера и долгий ночной разбор всех событий этого безумного, переломного, странного дня, когда Рейвен Деверо извинился, а Кейд Уокер пригласил меня на выездной матч, и я понятия не имела, что делать с первым фактом, но уже примерно догадывалась, что сделать со вторым — и от этой догадки внутри всё переворачивалось, как во время исполнения самого сложного акробатического элемента, когда земля и небо меняются местами, и остаётся только верить, что ты приземлишься на ноги.

Глава 3. Домашняя игра

Есть момент — короткий, как пауза между вдохом и выдохом, — когда ты просыпаешься раньше будильника, и мир за окном ещё принадлежит не солнцу, а сумеркам, и ты лежишь в тишине, прислушиваясь к собственному пульсу, и вдруг понимаешь без всяких громких слов и фанфар: сегодня ты выйдешь на поле не для того, чтобы кому-то понравиться, а для того, чтобы взять то, что принадлежит тебе по праву — место в составе, уважение, своё имя, произнесённое не с усмешкой, а с придыханием, — и пусть трибуны ещё пусты, а свисток судьи ещё не прозвучал, игра уже началась, и ты в ней — не зритель.

Рёна Окацуки

Ребекка

Я проснулась от вибрации телефона, который скакал по прикроватной тумбочке, как попкорн в микроволновке, и этот звук — механический, настойчивый, абсолютно беспощадный — ворвался в мой сон, где я, кажется, куда-то плыла на яхте с кем-то светловолосым и улыбчивым, разметав остатки приятного забытья в ключья. В комнате было ещё темно — та предрассветная синеватая тьма, которая накрывает Финикс перед самым рассветом, когда даже сверчки уже замолкают, а птицы ещё не начинают, — и я, не разлепляя

глаз, нашарила телефон, чуть не смахнув его на пол вместе с тюбиком гигиенической помады и недочитанным учебником по физиологии головоногих, который так и лежал раскрытым на главе про нервную систему осьминогов. Я взглянула на экран, и яркий свет резанул по сетчатке, выхватывая из темноты цифры, которые мне совершенно не понравились.

Четыре утра. Четыре, чёрт возьми, утра, и на экране светилась надпись «Мама», а рядом — её фотография, где она стоит на фоне Капитолия в элегантном кремовом костюме, с идеальной укладкой и улыбкой, которая одновременно говорит «я люблю тебя» и «я знаю лучше».

Я простонала — низко, утробно, как раненый зверь, — и Ив на соседней кровати пошевелилась, что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок, свесив руку с матраса так, что её пальцы почти касались пола. Я сглотнула, пытаюсь вернуть голосовые связки к жизни, и провела пальцем по экрану, принимая вызов с тем чувством обречённости, с каким приговорённый к казни принимает последний завтрак.

— Привет, мам.

— Бекки! — голос матери ворвался в трубку такой концентрированной бодростью, что я инстинктивно отодвинула телефон от уха. — Приветик, ну как дела?

Я села в кровати, спустив ноги на холодный пол, и поёжилась — кондиционер в общежитии работал с той же непредсказуемостью, что и расписание хоккейных тренировок, то есть либо ледниковый период, либо сауна, без промежуточ-

ных вариантов.

— Всё было прекрасно, ровно до того момента, пока ты не позвонила.

— Как мило, — в трубке послышался тот самый смешок, который я слышала всю свою жизнь: короткий, сухой, с ноткой наигранного возмущения. — Тебе звонит твоя любимая мать, могла бы и порадоваться, а ты как обычно язвись.

— Любимая мать могла бы подумать, что её любимая дочурка спит, — парировала я, растирая лицо ладонью и чувствуя, как на подушечках пальцев остаются следы вчерашней туши, которую я забыла смыть перед сном, потому что мы с Ив полночи обсуждали Кейда, Элиаса, Рейвена и вселенскую несправедливость, заставляющую девушек терять дар речи в присутствии симпатичных хоккеистов.

— Я тебе с отцом всегда говорю, что четыре утра — это самое благоприятное время для пробуждения, — ничуть не смутившись, ответила мама, и я буквально увидела, как она сейчас сидит на кухне нашего дома в Скоттсдейле, в своём шёлковом халате, с чашкой зелёного чая, просматривая утренние новости на планшете и делая пометки в ежедневнике. — Тренирую.

— Очень благодарна тебе за это, — пробормотала я, подавляя зевок. — Как дела?

— Да пойдёт, — мама вздохнула, и я услышала, как она отпивает чай — характерный звук, лёгкое прихлёбывание, которое почему-то всегда меня успокаивало, даже когда я

была в пятистах милях от дома и злилась на неё за этот звонок. — Завтра с отцом едем в Нью-Йорк на конференцию, он так измотал меня, Бекка. У меня все нервы на взводе!

— Верю, — я позволила себе слабую улыбку, потому что знала: когда мама говорит «измотал», это означает, что отец в своём репертуаре — харизматичный, шумный, требующий постоянного внимания, — а она, как всегда, будет изображать усталую терпеливость, хотя на самом деле без него скучает уже через полчаса после его отъезда в офис.

— Как учёба?

— Всё хорошо, заканчиваю курсовую.

— Умница, дочка, — в её голосе появились те самые интонации, которые я распознавала за милую: гордость пополам с лёгким разочарованием, приправленные надеждой на то, что я когда-нибудь одумаюсь. — Но лучше бы выбрала международные отношения.

Я закатила глаза к потолку, где вентилятор лениво вращал лопастями, перемешивая тёплый воздух с холодным.

— Ты это твердишь мне уже второй год.

— И буду ещё! — мама повысила голос ровно на ту долю децибела, которая отделяла обычный разговор от лекции. — Ты оборвала династию своей морской биологией! Отец бы тебя протолкнул куда надо, у него связи в Госдепартаменте, ты могла бы уже стажироваться у посла в какой-нибудь европейской стране, а вместо этого ты препарировешь каких-то кальмаров в пустыне!

Я почувствовала, как внутри закипает знакомое раздражение — не злое, нет, скорее усталое, как мышечная боль после долгой тренировки, когда ты делаешь одно и то же упражнение снова и снова, а прогресса всё нет.

— Мам, я уже говорила, что не хочу идти вашим путём, может, пора остановиться мне утверждать обратное?

— Я надеюсь, что ты передумаешь, пока есть время, — она сказала это тоном, который подразумевал «разговор окончен», но я слишком хорошо знала свою мать, чтобы поверить в это.

— Надейся дальше.

— Неблагодарная девчонка, — в её голосе не было настоящей обиды, только привычная, почти ритуальная ворчливость, как у актёра, который в тысячный раз произносит одну и ту же реплику, но всё ещё вкладывает в неё чувство. — Ладно, как дела у Ив?

Я посмотрела на спящую подругу. Ив лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку так глубоко, что её афро-кудри разметались по наволочке, как облако тёмной сахарной ваты. Одна нога свешивалась с кровати, рука тоже болталась в воздухе, и вся её поза выражала такое полное, такое абсолютное отрешение от реальности, что я на секунду позавидовала — и тут же одёрнула себя, потому что завидовать спящему человеку, когда ты сама не спишь из-за материнского звонка, было как-то мелко.

— Спит, — ответила я, не удержавшись от короткого

смешка. — А дела хороши.

— Вы одной породы, — вздохнула мама, и я услышала, как она отставляет чашку на блюде — звон фарфора, лёгкий, но отчётливый. — Она тоже могла пойти куда-нибудь в политику, и отец бы её так же протолкнул, но нет! Выбрала чёртову морскую биологию.

— Наверное, поэтому мы и сдружились.

— Ну и славно, — в голосе матери появилось что-то похожее на одобрение, и я поняла, что гроза на этот раз миновала. — Мальчики у вас уже появились?

Я фыркнула в трубку, прежде чем успела себя остановить.

— Нет. Тут одни придурки.

— Как же, — мама хмыкнула, и я буквально услышала, как она улыбается той самой улыбкой, которая всегда предшествовала какой-нибудь истории из её собственной молодости. — Я так же думала про твоего отца, но как видишь, уже двадцать два года живём душа в душу.

— И ты хочешь его убить, — подсказала я, уже предвкушая её ответ.

— Только когда намечается конференция, — она рассмеялась, и я тихо посмеялась вместе с ней, чувствуя, как остатки раздражения уходят, растворяются в этом общем смехе, который связывал нас крепче любых споров о карьере.

— Ладно, дочка, я пойду, — сказала мама после короткой паузы, и её голос стал мягче, теплее, лишённым привычной брони. — Хорошего тебе дня, целую.

— Пока, мам, я тебя тоже.

Экран погас, и комната снова погрузилась в синеватую предрассветную тишину, нарушаемую только мерным дыханием Ив и отдалённым шумом кондиционера, который как раз в этот момент решил сменить режим и загудел басовито, как шмель в банке. Я отбросила телефон на подушку и рухнула обратно на матрас, раскинув руки в стороны и глядя в потолок, где вентилятор всё так же лениво рассекал воздух, создавая иллюзию движения, хотя на самом деле всё оставалось на своих местах.

Спать больше не хотелось — мама обладала уникальной способностью выдёргивать меня из дрёмы так основательно, что ни о каком возвращении в объятия Морфея не могло быть и речи. Я лежала и думала о её словах — «ты оборвала династию», «отец бы тебя протолкнул», «надейся дальше», — и эти фразы, знакомые до последней буквы, до каждой интонации, всё равно задевали что-то внутри, как крошечный камешек в кроссовке: вроде бы не мешает идти, но каждый шаг напоминает о себе.

Блэкморы всегда были семьёй политиков и дипломатов — мой дед работал в администрации президента, отец заседал в совете по международным отношениям, мама курировала благотворительные фонды с таким размахом, что её имя упоминали в колонках светской хроники, — и единственным исключением из этого правила стала я, Ребекка, которая в десять лет впервые увидела документальный фильм про Боль-

шой Барьерный риф и заявила, что хочет изучать «всё, что живёт в океане», чем повергла семью в состояние, близкое к трауру. Они надеялись, что это пройдёт — детское увлечение, блажь, — но шли годы, а я всё так же замороженно смотрела на фотографии глубоководных существ в научных журналах, собирала ракушки в коллекцию, которая до сих пор стояла в моей комнате в родительском доме, и в итоге поступила на морскую биологию в университет Аризоны — штата, где до ближайшего океана было полторы тысячи миль, но где, по иронии судьбы, находилась одна из лучших программ по изучению морских экосистем в засушливых регионах.

Мама до сих пор не оставляла надежды меня переубедить — отсюда эти звонки в четыре утра, эти «ты могла бы», «ты должна», «ты ещё успеешь», — и я понимала, что это делается из любви, но иногда, вот как сейчас, в темноте комнаты общежития, где единственным свидетелем моего раздражения был спящий человек и гудящий кондиционер, я чувствовала только усталость от этой бесконечной, изматывающей битвы за право быть собой.

Я перевернулась на бок и посмотрела на Ив. Она всё так же спала, свесив руку и ногу с кровати, и её лицо было абсолютно безмятежным — ни следа той дерзкой, колкой Ив, которая могла отшить Ронана одной фразой и заставить Деклана покраснеть до корней рыжих волос. Сейчас она была просто девушкой, которая видела десятый сон, и я поймала себя на мысли, что завидую ей — не злобно, а так, как за-

видуют человеку, который умеет отключаться от реальности быстрее, чем выключается свет в коридоре.

«Мы одной породы», — сказала мама, и в кои-то веки она была права. Мы с Ив действительно были одной породы — две девчонки из влиятельных семей, которые плюнули на все ожидания и выбрали то, что им было интересно, а не то, что было «правильно». Только её родители, в отличие от моих, приняли этот выбор — или, по крайней мере, не напоминали о нём каждый чёртов разговор, — и я не знала, чья ситуация лучше: моя, где за мной хотя бы сохраняли право на «надеяться дальше», или её, где принятие было полным, но тем самым лишало её возможности бунтовать, а бунт, как известно, придаёт жизни вкус.

Я села в кровати и потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки — вчерашняя пирамида давала о себе знать глухой болью в пояснице и напряжением в плечах, которое не снял даже душ. Часы на телефоне показывали 4:37, и я поняла, что пытаться заснуть снова — безнадёжное занятие, всё равно что пытаться удержать воду в ладонях: вроде бы что-то остаётся, но по большей части просто капает сквозь пальцы, оставляя ощущение сырости и разочарования.

Я встала, стараясь не скрипеть половицами (третья от двери всегда предательски скрипела, и я знала это наизусть, как партитуру), накинула на плечи старый вязаный кардиган — тот самый, растянутый, с протёртыми локтями, который я стащила у мамы перед отъездом в университет и который до

сих пор пах домом, — и босиком прошлёпала к окну, отдёргивая штору.

Финикс просыпался. Небо на востоке уже начало наливаться той особенной аризонской палитрой — сначала бледно-лимонный у горизонта, потом персиковый, потом густо-розовый, как мякоть грейпфрута, и наконец лавандовый, переходящий в глубокую синеву, где ещё висели самые упрямые звёзды, не желавшие уступать место солнцу. Внизу, на парковке, спали машины, и только одинокий пикап с логотипом университетской службы озеленения медленно полз вдоль газона, разбрызгивая воду по пожухлой траве, которая в Аризоне всегда выглядела так, словно она на грани отчаяния.

Я прижалась лбом к прохладному стеклу и закрыла глаза, позволяя мыслям течь свободно, без направления и цели, как вода в ручье, который сам находит путь. Мысли, как это часто бывало в последнее время, привели меня к Кейду — вернее, они привели меня к моменту вчерашнего вечера, когда он стоял на парковке и спрашивал про мой балет, и его глаза, светло-голубые, почти прозрачные, смотрели на меня с тем самым выражением, которое я не могла расшифровать, но которое заставляло моё сердце пускаться в галоп.

«Я надеюсь, ты ответишь "да"», — сказал он, и я до сих пор слышала эту фразу, как будто она была записана на повторе в моём мозгу, и каждое воспроизведение добавляло новую деталь: интонацию (мягкую, но настойчивую), движе-

ние его губ (лёгкая улыбка в уголке, та самая, от которой у меня подкашивались колени), взгляд (прямой, открытый, без тени сомнения).

Я обещала Ив, что напишу ему сегодня, и теперь, в этой предрассветной тишине, когда до будильника оставалось ещё ничего, а весь мир за окном только начинал просыпаться, это обещание казалось одновременно и пугающим, и волнующим, как прыжок в бассейн с вышки — ты знаешь, что вода примет тебя, но те секунды полёта, когда воздух свистит в ушах, а земля приближается слишком быстро, всё равно заставляют сердце замереть.

Что ему написать? *«Привет, Кейд, я подумала над твоим предложением и...»* — слишком официально, как деловая переписка, будто я отвечаю на приглашение на конференцию, а не на выездной матч с парнем, от одного вида которого у меня пересыхает во рту. *«Эй, хоккейная задница, я в деле»* — слишком развязно, это больше в стиле Ив, которая могла себе позволить такую дерзость и оставаться при этом обворожительной, а я — не Ив, я терялась и краснела, и мои остроумные реплики приходили на ум обычно спустя час после того, как разговор уже закончился.

Может быть, что-то про балет? Он же сам спросил про балет, проявил интерес — так, может, стоит ответить на этот интерес, закинуть удочку, продолжить ту ниточку разговора, которая так внезапно оборвалась из-за Ронана и звонка тренера? *«Кейд, если ты думаешь, что балетный станок —*

это единственное, что я умею, то ты сильно ошибаешься. Приходи на выездной матч, и я покажу тебе пару пируэтов» — нет, это звучало как вызов, почти агрессивно, а я не хотела агрессии, я хотела... что именно я хотела?

Я хотела, чтобы он снова посмотрел на меня так, как вчера на парковке, когда его взгляд задержался на долю секунды дольше положенного, и в этом взгляде было что-то, от чего у меня подогнулись колени, а ладони стали влажными. Я хотела, чтобы он задавал мне вопросы про балет, про море, про осьминогов — про любую чушь, которая придёт ему в голову, — просто чтобы слышать его голос, просто чтобы видеть, как движется его кадык, когда он смеётся. Я хотела, чтобы он пригласил меня на этот чёртов выездной матч, и чтобы это было свидание, настоящее свидание, а не просто «команда берёт группу поддержки».

Но больше всего — больше, чем всё перечисленное, — я хотела перестать быть той Ребеккой Блэкмор, которая теряет дар речи при виде красивого парня, и стать той Ребеккой, которая может ответить на его улыбку своей собственной улыбкой, уверенной и дерзкой, и сказать: *«Да, я поеду, и ты не пожалеешь, что позвал меня»*.

Я открыла глаза, и моё отражение в оконном стекле посмотрело на меня с сомнением: встрёпанные после сна волосы, следы вчерашней туши под глазами, кардиган, сползший с одного плеча. Я выглядела не как уверенная в себе черлидерша, готовая покорять хоккейные сердца, а как устав-

шая студентка, которую разбудили в четыре утра. Но, может быть, в этом и была суть — может быть, Кейду не нужна была глянцева́я версия меня, та, что стояла на пирамиде с ослепительной улыбкой и идеальной осанкой? Может быть, ему была нужна именно эта Ребекка — растрёпанная, вспыльчивая, способная препарировать кальмара и одновременно мечтать о том, чтобы парень с ледяными глазами посмотрел на неё ещё раз?

От этих мыслей меня отвлек звук — Ив перевернулась на спину, громко зевнула и пробормотала что-то нечленораздельное, отдалённо похожее на *«ещё пять минуточек, мам, я не хочу в школу»*. Я усмехнулась — даже во сне она спорила с родителями, — и отошла от окна, решив, что раз уж я проснулась, то имею полное право на самый ранний завтрак в истории общежития и, возможно, на то, чтобы наконец составить то самое сообщение Кейду, которое ждало своего часа с прошлого вечера.

Я натянула спортивные штаны и старую футболку с логотипом океанографического музея — выцветшую, с трещинками на принте, но бесконечно любимую, — сунула ноги в шлёпанцы и, стараясь не шуметь (третья половица всё-таки скрипнула, и Ив снова что-то пробормотала, на этот раз похожее на *«отдай пиццу»*), выскользнула в коридор.

Общага в пять утра — это отдельный мир, параллельная вселенная, в которой всё существует по другим законам. Коридоры, обычно запруженные студентами, спешащими на

пары или на тусовки, сейчас были пусты, и мои шаги по линолеуму отдавались гулким эхом, словно я шла по заброшенному музею. Лампы дневного света гудели приглушённо, сонно, некоторые мигали, создавая стробоскопический эффект, от которого начинала болеть голова. Из-под одной двери доносилась приглушённая музыка — кто-то забыл выключить колонки перед сном, и теперь оттуда лился басовитый ритм, похожий на сердцебиение кита. Из-под другой пахло горелым попкорном — вечный спутник студенческих ночных бдений, запах, который, кажется, вьелся в стены общежития на молекулярном уровне.

Я спустилась в общую кухню на первом этаже — маленькое помещение с парой плит, микроволновкой, вечно забытой чьими-то контейнерами с едой, и огромным холодильником, на котором висело расписание уборки и наклейка с котом в очках, призывающая мыть за собой посуду. Сейчас здесь было пусто, и это было благословением — я могла приготовить себе кофе в тишине, не отбиваясь от голодных соседей, которые в обычное время сражались за последний кусок пиццы, как гиены за антилопу.

Кофеварка заворчала, зашипела, и кухня начала наполняться тем самым запахом, который, по моему глубокому убеждению, был единственной причиной, по которой человечество ещё не вымерло. Я опёрлась локтями о столешницу и смотрела, как тёмная жидкость капает в кружку — капля за каплей, с гипнотической размеренностью, — и думала о

том, сколько ещё таких тихих утр мне предстоит провести в этом месте, прежде чем университет закончится и я уеду куда-нибудь, где есть настоящий океан, а не его заменители в виде бассейнов и аквапарков.

Когда кофе был готов, я взяла кружку, обжигая пальцы о керамику, и устроилась за угловым столиком у окна, выходящего во внутренний двор, где росли чахлые пальмы, подсвеченные снизу всё теми же оранжевыми фонарями. Телефон лежал передо мной на столе, и его экран был тёмным, как омут, в который я боялась нырнуть.

«Напиши ему завтра что-нибудь остроумное про балет и пуанты», — сказала Ив, и её голос до сих пор звучал у меня в голове, как приказ, который невозможно послушаться. Я вздохнула, отпила кофе (слишком горячий, он обжёг язык, но я даже не поморщилась) и открыла диалог с Кейдом.

Последнее сообщение от него было недельной давности — короткое *«спасибо за поддержку на игре»*, на которое я ответила ещё более коротким *«не за что»*, и с тех пор переписка замерла, как застывшая лава. Я нажала на поле ввода, и клавиатура выскочила на экран, приглашая меня написать что-то, что изменит всё — или не изменит ничего, потому что он мог просто не ответить, мог забыть, мог передумать, мог...

Стоп. Хватит.

Я сделала глубокий вдох и начала печатать, удаляя написанное через каждые два слова, потому что всё звучало не

так: то слишком навязчиво, то слишком холодно, то слишком глупо. Наконец, после пятой попытки — или десятой, я сбилась со счёта, — я набрала сообщение, которое показалось мне приемлемым:

«Привет, Кейд. Помнишь, ты спрашивал про балет? Так вот, я девять лет стояла у станка, и если ты думаешь, что хоккей — это сложно, ты просто не пробовал танцевать на пуантах с вывихнутой лодыжкой. Что касается твоего вопроса про выездной матч — я подумала. И мой ответ: да, я поеду. Но только если ты обещаешь, что не будешь давиться газировкой, когда увидишь меня в форме группы поддержки. P.S. Ив просила передать, что если ты разобьёшь мне сердце, она лично попросит своего отца-сенатора принять закон, запрещающий хоккей на территории штата Аризона.»

Я перечитала сообщение трижды. Оно было... нормальным. В меру остроумным, в меру дерзким, в меру милым — ровно таким, каким я хотела его видеть, без излишней навязчивости, но и без холодной вежливости. И упоминание Ив в постскриптуме добавляло ту самую нотку юмора, которая могла разрядить обстановку, если он воспримет остальной текст слишком серьёзно.

Палец завис над кнопкой «Отправить». Сердце колотилось так, словно я только что пробежала стометровку, и ладони снова стали влажными, как вчера на парковке. Я представила, как он откроет это сообщение — может быть, прямо

сейчас, если он тоже из тех людей, которые просыпаются ни свет ни заря, — или позже, после утренней тренировки, разгорячённый и уставший, и его глаза пробегут по строчкам, и на его лице появится та самая улыбка...

Я нажала «Отправить» быстрее, чем успела передумать.

Телефон пиликнул, уведомляя, что сообщение доставлено, и я отложила его экраном вниз, словно он превратился в ядовитую змею, которая могла укусить в любой момент. Кофе в кружке уже остыл, но я всё равно сделала глоток, не чувствуя вкуса, потому что всё моё внимание было приковано к чёрному прямоугольнику телефона, который молчал, как партизан, и это молчание было громче любого звука.

Я не знала, сколько прошло времени — пять минут, десять, вечность, — когда телефон завибрировал, и я чуть не опрокинула кружку с кофе, хватая его с такой скоростью, словно от этого зависела моя жизнь. На экране светилось уведомление, и сердце ухнуло вниз, а потом взлетело к самым звёздам, потому что это был ответ от Кейда.

«Блэкмор, — гласило сообщение, и я буквально услышала его голос в своей голове, когда читала эти слова, — ты только что заставила меня рассмеяться посреди раздевалки, и теперь вся команда думает, что я сошёл с ума. Про пуанты — зачёт, никогда не смотрел на балет с этой стороны. И да, я обещаю не давиться газировкой (хотя ничего не могу гарантировать, когда ты в форме, я всего лишь человек). Выезд в пятницу, автобус отходит в семь утра от

стадиона, и я надеюсь, ты займёшь место рядом со мной. P.S. Передай Ив, что я голосовал за её отца на выборах и считаю его лучшим сенатором от Аризоны, так что пусть не принимает законы, мне ещё играть и играть.»

Я перечитала сообщение — раз, другой, третий, — и улыбка, которая появилась на моём лице, была такой широкой, что я почувствовала, как её края добираются до ушей. Он назвал меня Блэкмор — как равную, как своего игрока, — и от этого внутри разлилось тепло, совсем не похожее на то, что я испытывала раньше. Он сказал про место рядом с ним — место рядом с ним, в автобусе, на семь часов пути до Тусона, — и это означало, что вчерашний разговор был не случайностью, не вежливостью, а самым настоящим приглашением, которое он теперь подтвердил, приправив его шуткой и комплиментом.

Я сидела в пустой кухне общежития и чувствовала себя так, словно только что забила победный гол в финале чемпионата — все звёзды сошлись, все пазлы сложились, и мир на секунду стал идеальным, как отлаженный механизм.

Я допила остатки кофе и направилась в душ.

Горячий душ смыл остатки сна, унёс с собой вязкую утреннюю усталость и тот неприятный осадок, который всегда оставался после разговоров с мамой — не обиду, скорее липкое чувство, будто ты снова пятнадцатилетний подросток, которому объясняют, как правильно жить, пока ты стоишь, скрестив руки на груди, и мечтаешь только о том, что-

бы этот разговор закончился, — и я стояла под струями воды дольше обычного, позволяя горячим каплям барабанить по плечам, по позвоночнику, по ноющим мышцам, которые всё ещё помнили вчерашнюю пирамиду и каждую секунду баландирования на грани падения. Пар окутывал душевую кабинку плотным облаком, в котором исчезали очертания кафельных стен, и я на мгновение позволила себе представить, что я не в общежитии, а где-нибудь на побережье, где волны разбиваются о скалы, а воздух пахнет солью и водорослями, а не хлоркой и чужим шампунем.

Когда я вышла из душа, завёрнутая в полотенце, с которого капала вода, оставляя на линолеуме тёмные дорожки, Ив уже проснулась — без всякого будильника, просто потому что её внутренние часы, кажется, были синхронизированы с движением солнца, и как только первый луч пробивался сквозь наши дешёвые жалюзи, она открывала глаза, потягивалась, как большая грациозная кошка, и приступала к своему утреннему ритуалу с той серьёзностью, с какой жрецы в древних храмах приносили дары богам. Сейчас она сидела на кровати в позе бабочки — колени разведены в стороны, ступни сведены вместе, спина прямая, как у балерины, — и, глядя в большое напольное зеркало, которое мы притащили с гаражной распродажи ещё в прошлом семестре и которое с тех пор служило нам одновременно порталом в тщеславие и алтарём красоты, сосредоточенно красила ресницы, чуть приоткрыв рот и высунув кончик языка — привычка, кото-

рая всегда меня умиляла, хотя сама Ив яростно отрицала, что вообще так делает.

Я тем временем, насвистывая себе под нос какой-то мотив, который застрял в голове после вчерашнего радио в машине — что-то латиноамериканское, ритмичное, с духовой секцией, — распахнула шкаф и уставилась на его содержимое с тем решительным видом, с каким полководец обзревает поле боя перед решающей атакой. Сегодня мне хотелось чего-то... другого. Не привычных спортивных штанов, которые стали моей униформой с тех пор, как тренировки черлидерш и бесконечные лабораторные по морской биологии съели всё свободное время, оставив от моего гардероба лишь самое практичное и безликое, — а чего-то, что напоминало бы мне о той Ребекке, которая когда-то носила платья и юбки просто потому, что ей этого хотелось, а не потому, что того требовал дресс-код мероприятия.

Мой взгляд упал на мини-юбку, которую я купила ещё в августе, перед началом семестра, поддавшись уговорам Ив и распродаже в «Urban Outfitters», — пышную, с лёгким намёком на ретро-стиль, из струящейся ткани цвета кофе с молоком, которая при ходьбе колыхалась вокруг бёдер, как облако взбитых сливок. Я вытащила её из недр шкафа, стряхнула невидимую пыль, приложила к себе и посмотрела в зеркало поверх плеча Ив, которая как раз перешла ко второму слою туши и не обратила на меня никакого внимания. Юбка сидела идеально — на талии, подчёркивая изгиб бёдер и ту са-

мую фигуру «песочные часы», которую моя мама называла «наследством от бабушки Блэкмор», а я называла «проклятьем при покупке джинсов».

К юбке я добавила тонкий кожаный ремень с золотой пряжкой — маленькая деталь, которая сразу сделала образ законченным, собрала его воедино, как последний мазок кисти на холсте, — и облегающую белую футболку, на которой спереди красовался принт: большая розовая лилия в стиле акварельного рисунка, нежная и дерзкая одновременно, с капельками росы на лепестках, которые выглядели почти настоящими. Футболка обтягивала грудь и талию, но не вульгарно, а ровно настолько, чтобы напомнить мне самой — и всем окружающим, — что под формой черлидерши и лабораторным халатом скрывается вполне себе женственная фигура, а не бесформенный мешок с костями. На ноги я натянула белые «Форсы» — старенькие, но любовно отмытые зубной щёткой ещё в прошлые выходные, когда мы с Ив устроили генеральную уборку и заодно привели в порядок всю обувь, которая только нашлась в комнате.

Последний штрих: я распустила волосы. Обычно я стягивала их в тугий хвост или небрежный пучок — так было удобнее на тренировках, в лаборатории, в повседневной гонке от одной аудитории к другой, — но сегодня мне хотелось чувствовать их тяжесть на плечах, ощущать, как они касаются лопаток сквозь тонкую ткань футболки, видеть в зеркале эти длинные каштановые волны, которые мягкими, чуть

влажными после душа локонами спускались ниже плеч, поблёскивая в утреннем свете, как шёлковые нити. Я провела по ним расчёской, разбирая спутанные пряди, и оставила в покое — никаких заколок, никаких резинок, только естественная волна, которая, к моему удивлению, сегодня легла именно так, как надо, без обычного утреннего бунта непослушных завитков на висках.

Я повернулась к зеркалу, оценивая результат, и осталась довольна: из отражения на меня смотрела не та замученная тренировками и курсовыми студентка, которая в четыре утра отвечала на мамин звонок с закрытыми глазами, а вполне себе живая, отдохнувшая (ну, относительно) девушка, которой есть чем гордиться и которой есть что показать миру — или, как минимум, одному конкретному хоккеисту, который этим утром уже заставил моё сердце пуститься в галоп одним-единственным сообщением.

Ив, которая к этому моменту уже закончила с ресницами и переключилась на губы — она наносила блеск с тем сосредоточенным выражением лица, которое появлялось у неё только во время макияжа и экзаменов, — сидела в своей позе бабочки перед зеркалом, и её отражение казалось почти сюрреалистичным в утреннем свете: высокая, гибкая, с копной афро-кудрей, которые сегодня были не стянуты платком, а свободно обрамляли лицо, делая её похожей на молодую королеву из какого-то африканского эпоса, которая по ошибке забрела в наше захолустное общежитие и теперь красит гу-

бы, готовясь к завоеванию мира.

Я плюхнулась на свою кровать, пружины матраса отозвались знакомым скрипом, и вытянула ноги, разглядывая белые кроссовки, которые ярким пятном выделялись на фоне серого казённого ковра.

— Я, кстати, написала Кейду, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал так же небрежно, как если бы я сообщала о том, что сегодня на завтрак были блинчики, а не тосты.

Ив оторвалась от зеркала, её рука с тубиком блеска замерла в воздухе, и она повернулась ко мне с тем выражением лица, которое я расшифровала мгновенно: гордость, смешанная с жадным любопытством, и лёгкая примесь удивления — не ожидала, что я действительно решусь.

— Да? Молодец! — она отложила блеск и принялась делать контуринг, поджав под себя одну ногу и приготовившись слушать. — Он ответил?

— Ага, — ответила я, и мои губы сами собой растянулись в улыбке, а нижнюю губу я прикусила совершенно произвольно, просто потому что воспоминание о его сообщении всё ещё пульсировало где-то в груди, как крошечный фейерверк, который отказывался затухать.

Ив заметила это — она всегда всё замечала, проклятая наблюдательность дочери сенатора, — и её бровь поползла вверх, а на губах заиграла та самая улыбка, которая обычно предвещала серию вопросов, на которые мне совершенно не хотелось отвечать, но от которых невозможно было укло-

ниться.

— Хочешь, я поеду с тобой? — внезапно спросила она, и вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я моргнула, не сразу сообразив, о чём речь.

— Правда?! — я аж подскочила на кровати, и пружины снова скрипнули, на этот раз возмущённо. — Конечно! Ты сможешь спасти меня от позора, если я снова онемею при виде него и буду стоять, как рыба, выброшенная на берег, а ты, как обычно, вступишь в бой и всех очаруешь, пока я буду приходить в себя и молиться, чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

Ив наконец полностью оторвалась от зеркала и перевела взгляд на меня — оценивающий, придирчивый, сканирующий с головы до ног, как сканер в аэропорту, который видит всё, включая то, что ты сам о себе не знаешь. Её глаза округлились, и она присвистнула — низко, с чувством, как паровозный гудок.

— Воу, Миннесота, куда намылилась так?

Я фыркнула и скрестила руки на груди, изображая оскорблённое достоинство, хотя на самом деле её реакция мне польстила — если уж Ив, которая видела меня во всех возможных состояниях, от зареванной после проваленного экзамена до сияющей после победного матча, удостоила мой наряд отдельного комментария, значит, я действительно сегодня выглядела иначе.

— Вообще-то, я всегда так одеваюсь.

— Твоё «всегда», дорогая моя, — Ив поднялась с кровати, грациозно распрямляя длинные ноги, и подошла ко мне, продолжая разглядывать мой наряд с той дотошностью, с какой куратор выставки разглядывает новый экспонат, — заканчивается на спортивных штанах, футболке и кроссовках, которые, да, могут быть «Форсами», но обычно они грязные после тренировки, а не сияющие белизной, как свежевыпавший снег. Я уж молчу про юбку. Ты надеваешь юбку примерно раз в семестр, и обычно это происходит только тогда, когда твоя мама приезжает с визитом и ведёт нас в ресторан, где нельзя появиться в джинсах.

— Не всегда, — возразила я, хотя мы обе знали, что Ив была на сто процентов права. — Только когда я вымотана. А сегодня я выпалась.

— Ох, — Ив сложила руки на груди и склонила голову набок, изображая задумчивость, — что же делает с тобой Кейд Уокер. Всего один разговор — и ты уже выпалась, нарядилась, распустила волосы, прикусываешь губу, глядя в телефон... Я бы сказала, что это прогресс, но на самом деле это похоже на симптом. Острый случай влюблённости, фаза первая: отрицание очевидного.

— Никакая это не фаза, — буркнула я и закатила глаза, но, конечно же, сделала это слишком театрально, так что Ив только расхохоталась и хлопнула меня по плечу, прежде чем вернуться к зеркалу, чтобы закончить с контурингом.

Я взяла телефон, открыла Instagram* и принялась листать

ленту, просто чтобы занять руки и отвлечься от щёк, которые всё ещё горели после того, как Ив сказала *«острый случай влюблённости»*, будто это был медицинский диагноз, а не просто её очередная теория. Лента открылась, и на меня посыпались сторис — яркие, мелькающие, как картинки в калейдоскопе, — и я пролистывала их почти на автомате, не особо вникая в содержание.

Первой была Хлоя: короткое видео с утренней пробежки по кампусу, где она, с идеальным хвостом на затылке и в облегающих лосинах, помахала в камеру и подписала *«Кто рано встаёт, тому и пирамиды держать»*. Я фыркнула — типичная Хлоя, даже на пробежке думает о тренировке, — и пролистнула дальше.

Элиас: фотография, на которой он лежит на диване, а на его груди, свернувшись калачиком, спит Атлант — огромный золотистый лабрадор, который, судя по масштабу, занимал собой примерно две трети кадра. Подпись гласила: *«Некоторые из нас соблюдают утренний режим, а некоторые — нет. Угадайте, кто из нас кто»*. Я усмехнулась и мысленно отметила, что скину это Ив — пусть порадует своего ненаглядному и его собаке, которая, похоже, действительно была воплощением всего самого милого в этом мире.

А потом я пролистнула дальше, и перед моими глазами возник Рейвен Деверо.

Сторис была снята в тренажёрном зале — я узнала этот

зал по серым стенам и ряду зеркал, в которых отражались ряды гантелей и силовых тренажёров, — и сам Рейвен стоял перед камерой, держа телефон так, чтобы в кадр попала вся верхняя часть его тела. Полуголого тела, если быть точной. Он только что закончил упражнение — на коже ещё блестели капельки пота, а мышцы были налиты кровью после подхода, — и теперь демонстрировал свои пресловутые зубчатые мышцы, те самые, которые веером расходились по бокам торса и которые, по его мнению, вероятно, были восьмым чудом света. Подпись гласила: *«Утро добрым не бывает — добрым его делаешь ты сам. И пара сотен скручиваний».*

Я закатила глаза так сильно, что они чуть не застряли в этом положении.

— Индюк напыщенный, — пробормотала я себе под нос и пролистнула дальше быстрее, чем следовало, даже не разглядывая столь аппетитные (ну, возможно, аппетитные, если вам нравятся самодовольные придурки с комплексом бога, что лично мне было совершенно чуждо — абсолютно, стопроцентно чуждо, и точка) мышцы, которые перекатывались под его загорелой кожей.

И тут — следующая сторис, и моё сердце, которое только что ворчало на Рейвена и его показушные выходы, внезапно замерло, а потом рухнуло в пятки, чтобы через секунду взлететь обратно и заколотиться где-то в горле.

Кейд.

Он тоже был на пробежке — видео, снятое, видимо, на

бегу, слегка тряслось, но это ничуть не портило кадр, потому что в кадре был он: раскрасневшийся, улыбающийся, в лёгкой майке, которая прилипла к груди от пота, обрисовывая те самые мышцы, которые я вчера пыталась не разглядывать на парковке, и его светлые волосы, взлохмаченные ветром, и его глаза, светло-голубые, прозрачные, как лёд, которые смотрели в камеру с тем самым выражением, от которого у меня подкашивались колени. Рядом с ним бежал Ронан, который, заметив, что Кейд снимает, изобразил на лице самую дурацкую гримасу, какую только мог придумать, и заорал что-то нечленораздельное, что микрофон телефона не смог разобрать, но, судя по интонации, это было что-то вроде *«ты опять снимаешь себя, Нарцисс?»*. Подпись к сторис гласила коротко и просто: *«Доброе утро, Аризона»*, и заканчивалась эмодзи в виде солнца, которое, казалось, было здесь совершенно лишним, потому что солнцем в этом видео был сам Кейд.

Я вздохнула. Не специально — просто воздух сам вырвался из лёгких, как будто кто-то нажал на невидимую кнопку «выдох», и вместе с этим вздохом ушло всё напряжение, которое копилось во мне с того самого момента, как я проснулась от маминого звонка. На экране застыл последний кадр его сторис — он остановился, видимо, чтобы перевести дыхание, и теперь стоял, уперев руки в бёдра и глядя куда-то за кадр, в сторону восходящего солнца, которое золотило его профиль и заставляло волосы светиться, — и я, забыв про

всё на свете, просто смотрела на эту картинку, чувствуя, как мои губы сами собой расплываются в совершенно дурацкой, совершенно девчачьей улыбке, которую я не смогла бы сдерживать, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Ну какая же у него всё-таки очаровательная задница.

Мысль пронеслась в голове быстрее, чем я успела её остановить, быстрее, чем я успела напомнить себе, что думать о заднице парня, с которым ты только сегодня утром начала переписываться, — это, наверное, перебор, это уже какой-то следующий уровень влюблённости, который Ив определила бы как *«фаза вторая: неконтролируемое разглядывание анатомических деталей»*. Но мысль уже была там, она уже укоренилась в моём сознании, как сорняк, который не вырвать, и я ничего не могла с этим поделать, кроме как продолжать смотреть на экран и прикусывать губу, чувствуя, как где-то в животе порхает целый рой каких-то неопознанных, но определённо приятных ощущений.

— Разглядываешь его сладкую задницу?

Голос Ив раздался прямо у моего уха — буквально в сантиметре, я почувствовала её дыхание на своей щеке и тепло её кожи, потому что она бесшумно, как ниндзя, подкралась ко мне, пока я была погружена в созерцание хоккейных прелестей, и теперь стояла, наклонившись над моим плечом, и смотрела на экран моего телефона с выражением триумфа на лице.

Я вздрогнула так сильно, что телефон подпрыгнул в моей

руке и чуть не улетел на пол, — пришлось хватать его обеими руками, изображая вратаря, ловящего шайбу, — и развернулась к подруге, которая уже отступила на шаг назад, предусмотрительно оказавшись вне зоны досягаемости моих кулаков, и теперь хохотала, запрокинув голову и придерживая рукой копну своих кудрей, чтобы они не упали на лицо.

— Нет! — практически выкрикнула я, чувствуя, как краска заливает щёки, шею, даже кончики ушей — всё моё предательское тело снова сговорилось против меня, выставляя напоказ то, что я так тщательно пыталась скрыть. — Хватит подкрадываться! Ты меня до инфаркта доведёшь когда-нибудь, Ив Равенна, и тогда на твоей совести будет смерть лучшей подруги, и тебе придётся нести гроб на моих похоронах, рыдая и признаваясь, что это ты виновата!

— Я тебя зову уже несколько минут, — Ив упёрла руки в бока, и её поза выражала такое самодовольство, что мне захотелось запустить в неё подушкой, просто из спортивного интереса, — но ты была так увлечена, что не слышала. Я зову: «Бекка, Бекка, ты готова?», а в ответ тишина. Подхожу ближе — тишина. Заглядываю через плечо, а там, — она сделала драматическую паузу, поднеся ладонь ко лбу, как актриса немого кино, изображающая обморок, — задница Кейда Уокера на пол-экрана, и ты смотришь на неё с таким выражением лица, словно это величайшее произведение искусства со времён Микеланджело.

— Я не смотрела на его задницу! — возмутилась я, хотя

мы обе понимали, что это ложь, и ложь настолько прозрачная, что сквозь неё можно было читать газету. — Я просто... задумалась. А сторис сама открылась. Алгоритм. Ты же знаешь, этот дурацкий Instagram вечно подсовывает то, что тебе не нужно.

— О да, — Ив кивнула с серьёзным видом, но глаза её при этом плясали, как искры над костром, — алгоритм. Зловредный алгоритм, который специально показывает тебе хоккеистов на пробежке. Какой коварный, должно быть, разработчик. Наверное, сидит где-нибудь в Кремниевой долине и думает: «Ага, Ребекка Блэкмор сегодня проснулась в четыре утра, нарядилась в юбку, так-так-так, подкину-ка я ей задницу Кейда Уокера — пусть порадуется».

Я схватила подушку и всё-таки запустила в неё. Ив поймала подушку одной рукой, даже не поморщившись, и швырнула обратно с такой силой, что она попала мне прямо в лицо и сбила с волос ту невидимую укладку, которую я так старательно создавала расчёской десять минут назад.

— Ладно, — сдалась я, приглаживая волосы и чувствуя, что моё лицо всё ещё пылает, как неоновая вывеска над баром, — возможно, я смотрела на его задницу. Возможно, она действительно... хороша. Но это ничего не значит! Это просто наблюдение. Эстетическая оценка. Я, в конце концов, биолог, я изучаю организмы, и этот конкретный организм имеет... симметричные и хорошо развитые ягодичные мышцы, что свидетельствует о регулярных физических нагрузках

и...

— Бекка, — перебила меня Ив, и её голос прозвучал непривычно мягко, почти нежно, — ты сейчас пытаешься научно обосновать тот факт, что тебе нравится задница парня. Остановись. Прими это. Живи с этим. И, ради всего святого, не надо читать мне лекцию по анатомии ягодичных мышц, я этого не вынесу до завтрака.

Я замолчала на полуслове, чувствуя, как последние остатки моего достоинства осыпаются на ковёр, как осенние листья, и вместо ответа просто застонала, уронив голову на руки. Ив, удовлетворившись произведённым эффектом, потрепала меня по плечу и направилась к своему шкафу, чтобы одеться для пар — сегодня у нас была лекция по физиологии морских организмов, одна из тех пар, которые я любила всей душой, но которые требовали максимальной концентрации, потому что профессор Хендерсон имел привычку спрашивать студентов вразнобой, не предупреждая, и горе тому, кто не знал, чем отличается нервная система кальмара от нервной системы осьминога.

— Кстати, — Ив натянула через голову ярко-жёлтый топ, который чудесно контрастировал с её тёмной кожей, и теперь пыталась просунуть руки в рукава лёгкого льняного пиджака, одновременно балансируя на одной ноге, потому что второй ногой она пыталась нащупать под кроватью потерянную серёжку, — что именно он тебе написал?

Я подняла голову и снова взяла телефон, открывая диалог

с Кейдом. Его сообщение всё ещё светило на экране, и я перечитала его в третий — или в четвёртый? — раз, прежде чем зачитать вслух, стараясь, чтобы мой голос звучал обыденно, а не так, словно я декламирую любовный сонет.

— «Блэкмор, ты только что заставила меня рассмеяться посреди раздевалки, и теперь вся команда думает, что я сошёл с ума. Про пуанты — зачёт, никогда не смотрел на балет с этой стороны. И да, я обещаю не давиться газировкой (хотя ничего не могу гарантировать, когда ты в форме, я всего лишь человек). Выезд в пятницу, автобус отходит в семь утра от стадиона, и я надеюсь, ты займёшь место рядом со мной. P.S. Передай Ив, что я голосовал за её отца на выборах и считаю его лучшим сенатором от Аризоны, так что пусть не принимает законы, мне ещё играть и играть.»

Ив замерла с одной серёжкой в руке (она всё-таки нашла её под кроватью — та закатилась за коробку с её эскизами) и медленно повернулась ко мне. Её лицо озарила та самая улыбка, которая появлялась у неё только в моменты абсолютного, неподдельного счастья за другого человека.

— Бекка, — произнесла она торжественно, — этот парень только что сказал, что хочет, чтобы ты сидела рядом с ним в автобусе. Рядом с ним. На семь часов пути до Тусона. Он сказал «я надеюсь, ты займёшь место рядом со мной». Ты понимаешь, что это практически официальное заявление о намерениях?

— Это просто место в автобусе, — возразила я, но мой

голос прозвучал слабо и неубедительно даже для моих собственных ушей.

— Нет, — Ив покачала головой, и её кудри закачались в такт этому движению, — это не просто место в автобусе. Это приглашение в его личное пространство. В его орбиту. В его... ну, не знаю, хоккейную вселенную. И если ты сейчас же не перестанешь притворяться, что это ничего не значит, я лично расскажу Хлое, что ты засматривалась на задницу другого спортсмена, пока должна была думать о предстоящем матче, и она заставит тебя отрабатывать пирамиду до потери пульса.

— Ты не посмеешь.

— Посмею, — Ив хищно улыбнулась и наконец вдела серёжку в ухо, застегнув её с тихим щелчком, который прозвучал как выстрел стартового пистолета. — А теперь вставай, Блэкмор, у нас через сорок минут пара, и если мы опоздаем, Хендерсон скормит нас своим подопытным кальмарам. Или заставит препарировать что-нибудь особенно мерзкое, вроде морского огурца, а я свой завтрак ещё не заслужила.

Я вздохнула — на этот раз без романтического подтекста, просто вздох человека, которого только что вытащили из мира грёз и бросили обратно в суровую реальность студенческой жизни, — и поднялась с кровати, поправляя юбку и проверяя, не сбился ли ремень. Телефон я сунула в задний карман (да, у этой юбки были карманы, и это был тот редкий случай, когда мода и функциональность шли рука об руку, а

не враждовали, как кошки с собаками), схватила рюкзак, в котором со вчерашнего дня валялись конспекты по морской экологии и недоеденный батончик мюсли, и направилась к двери, где меня уже ждала Ив, нетерпеливо постукивая носком босоножки по линолеуму.

Мы вышли в коридор, где утренняя жизнь общежития уже начала набирать обороты: из-за соседней двери доносился звук фена, где-то хлопнула дверь душевой, а в конце коридора мелькнула фигура парня в одном полотенце, который, увидев нас, поспешно ретировался обратно в свою комнату, видимо, забыв, что в это время суток коридоры уже перестают быть безопасной зоной для полуголых прогулок. Мы спустились по лестнице (лифт, как всегда, был занят — там кто-то перевозил, судя по звукам, целый шкаф, и доносившееся оттуда пыхтение не сулило ничего хорошего), вышли на улицу через главный вход и на секунду замерли, щурясь от яркого утреннего солнца, которое уже поднялось над пальмами и теперь заливало кампус тем самым безжалостным аризонским светом, от которого не спасали никакие очки.

Воздух пах разогретой землёй, хвоей (где-то поблизости росли пинии, и их запах всегда напоминал мне о рождественских каникулах и доме, который был за тысячу миль отсюда) и отдалённо — бензином от парковки, где как раз заводился чей-то старый джип, выбрасывая в прозрачное небо облачко выхлопных газов. По дорожкам кампуса уже спешили студенты — кто-то на пары, кто-то в библиотеку, кто-то в

кафетерий за спасительным кофе, — и мы с Ив влились в этот поток, шагая в сторону корпуса естественных наук, где на третьем этаже, в аудитории 314, нас ждал профессор Хендерсон, его проектор с диаграммами и, вероятно, очередной сюрприз в виде незапланированного опроса.

— Как думаешь, — спросила Ив, перепрыгивая через трещину в асфальте с грацией, которой позавидовала бы любая балерина, — Элиас будет на паре?

— Он же вроде на спортивном факультете, — я наморщила лоб, пытаюсь вспомнить, пересекались ли мы с кем-то из команды Деверо на общих лекциях. — Или у них есть что-то общеобразовательное, что они ходят к нам?

— У них есть курс по спортивной физиологии, — пояснила Ив, поправляя пиджак и одновременно уворачиваясь от велосипедиста, который пронёсся мимо, чуть не задев её сумку, — и Хендерсон читает его по вторникам. Но сегодня же среда, так что вряд ли. Хотя, — она мечтательно улыбнулась, — было бы неплохо увидеть его до пятницы. Просто чтобы... ну, знаешь, поддерживать контакт. Чтобы он не забыл, как я выгляжу.

— Ив, — я усмехнулась и пихнула её локтём в бок, — ты вчера провела с ним сорок минут в «Пицце Фрэнка», потом ещё десять у выхода, а потом он прислал тебе фотографию своего лабрадора, которую ты рассматривала до полуночи, комментируя каждую шерстинку. Он не забудет, как ты выглядишь. Поверь мне.

— Никогда нельзя быть уверенной, — философски заметила Ив, и мы наконец подошли к дверям корпуса естественных наук — современного здания из стекла и бетона, которое на фоне пальм и песчаниковых гор выглядело как космический корабль, случайно приземлившийся посреди пустыни.

Мы поднялись на третий этаж — лифт здесь работал, но лестница была быстрее, а нам ещё нужно было занять хорошие места, потому что аудитория 314 имела ту особенность, что с последних рядов было решительно ничего не видно из-за колонны, которую архитектор, очевидно, проектировал в припадке ненависти к студентам, — и вошли в просторное помещение, уже наполовину заполненное народом. Пахло мелом, старыми книгами и тем особенным запахом кондиционированного воздуха, который бывает только в университетских аудиториях — смесь пыли, химии и чьих-то духов, которые кто-то вылил на себя в попытке произвести впечатление на соседа по парте.

Мы заняли свои привычные места — третий ряд, ближе к окну, откуда открывался вид на внутренний дворик с фонтаном, который, правда, не работал уже второй семестр, — и я начала раскладывать на столе свои вещи: тетрадь, ручку, телефон (который я положила экраном вверх, чтобы не пропустить возможное уведомление — просто на всякий случай, без особой причины, чисто для академического интереса), и бутылку с водой, которую предусмотрительно захватила с

собой, потому что после лекций Хендерсона у меня всегда пересыхало в горле — то ли от напряжения, то ли от сухого воздуха в аудитории, то ли от страха быть вызванной к доске.

И в тем временем уже листала конспекты, делая вид, что повторяет материал, но я заметила, как её взгляд то и дело скользит по аудитории, выискивая среди входящих студентов знакомую фигуру с тёмными волосами и той самой ямочкой на левой щеке. Элиаса не было — по крайней мере, пока, — но аудитория продолжала наполняться, и я заметила несколько знакомых лиц: Мэдди из нашей команды черлидерш (она помахала нам с первого ряда), какого-то парня с факультета химии, который вечно забывал выключать горелку в лаборатории, и ещё пару человек, чьи имена я то ли не знала, то ли забыла.

Солнце било в окно, рисуя на полу длинные жёлтые прямоугольники, и где-то вдалеке — вероятно, со стороны спортивного стадиона — доносился приглушённый звук свистка и чьих-то криков. Жизнь кипела, несмотря на ранний час, и я, сидя на своём месте в аудитории 314, в новой мини-юбке и с телефоном, где хранилось сообщение от Кейда Уокера, чувствовала, как этот день — самый обычный, ничем не примечательный день посреди недели — почему-то ощущается иначе, чем все предыдущие. Может быть, дело было в юбке. Может быть — в Кейде. А может быть — в том, что вчера Рейвен Деверо извинился, и это извинение до сих пор не укладывалось у меня в голове, как кусочек пазла, который

отказывался вставать на отведённое ему место.

Профессор Хендерсон вошёл в аудиторию ровно в тот момент, когда большая стрелка часов над доской щёлкнула, отмечая начало пары. Он был высокий, сутулый, с копной седых волос, которые торчали во все стороны, как у Эйнштейна, и очками в толстой оправе, которые он вечно терял, а потом находил в самых неожиданных местах — однажды, по слухам, он обнаружил их в холодильнике, куда положил вместе с контейнером с ланчем. Сегодня очки были на месте — на его носу, — и это означало, что он в хорошем настроении, что, в свою очередь, не гарантировало нам лёгкой пары, но хотя бы сулило отсутствие язвительных комментариев в адрес опоздавших.

— Доброе утро, — произнёс он, окидывая аудиторию взглядом поверх очков, который был одновременно рассеянным и проницательным, как у человека, который видит больше, чем показывает. — Сегодня мы продолжим разговор о нервной системе головоногих моллюсков, и я надеюсь, что вы подготовились, потому что я планирую задавать вопросы. Много вопросов.

По аудитории прокатился сдержанный стон, и я поймала взгляд Ив, которая закатила глаза и едва слышно прошептала: *«Осьминожьи нервы в восемь утра — это преступление против человечности»*. Я улыбнулась, открыла тетрадь на чистой странице и приготовилась записывать, хотя мысли мои всё ещё витали где-то далеко — на парковке перед об-

щежитием, в автобусе до Тусона, рядом с Кейдом Уокером и его очаровательной задницей, о которой я категорически, абсолютно, стопроцентно не думала. Ну, почти.

Профессор Хендерсон захлопнул свой ноутбук с тем характерным сухим щелчком, который служил нам сигналом к освобождению лучше любого звонка, — звонок, собственно, прозвенел минутой раньше, но Хендерсон, верный своей репутации, проигнорировал его с величием авианосца, не замечающего мелкую рябь на воде, — и аудитория 314 мгновенно наполнилась шумом: скрип отодвигаемых стульев, шорох рюкзаков, треск застёжек-молний, приглушённый гул десятков голосов, которые после полутора часов вынужденного молчания наконец дорвались до свободы и теперь навёрстывали упущенное с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Лекция по нервной системе головоногих, надо признать, выдалась на редкость насыщенной: Хендерсон, воодушевлённый чьим-то неосторожным вопросом про аксоновые волокна кальмара, пустился в такие дебри нейробиологии, что к концу пары у меня в тетради красовалось нечто, отдалённо напоминающее стенограмму безумного учёного, — стрелки, диаграммы, обведённые трижды термины, которые я, скорее всего, никогда в жизни больше не встречу, но которые, по мнению профессора, были *«абсолютно необходимы для понимания эволюции нервной системы»*.

Ив, которая к середине лекции перестала даже притво-

ряться, что записывает, и вместо этого рисовала на полях тетради каких-то фантастических существ — не то медуз с человеческими глазами, не то людей с щупальцами вместо волос, — захлопнула свою тетрадь с таким облегчением, словно только что отбыла срок в тюрьме строгого режима, и потянулась, закинув руки за голову и хрустнув позвонками так громко, что сидящий впереди парень обернулся и посмотрел на неё с лёгким испугом.

— Если я ещё раз услышу слово «аксон», — произнесла она, поднимаясь со стула и закидывая рюкзак на плечо, — я лично пойду в лабораторию и выпущу всех подопытных кальмаров в фонтан во дворе. Пусть плавают на свободе, подальше от Хендерсона и его диаграмм.

— Ты же понимаешь, что они погибнут в пресной воде через пятнадцать минут, — заметила я, убирая телефон в карман юбки (он предательски молчал всю пару, и я успела проверить его раз, кажется, пятьдесят — хотя, конечно же, не считала, — просто чтобы убедиться, что Кейд не написал ничего нового, и каждый раз экран был пуст, если не считать уведомления от мамы, которая прислала мне фотографию их с отцом багажа с подписью *«Готовимся к Нью-Йорку, твой отец взял шесть галстуков, представляешь? ШЕСТЬ»*).

— Это метафора, Бекка, — Ив направилась к выходу, лабиринту между рядами столов с грацией, которой позавидовал бы любой серфер, — метафора свободы и протеста против системы. То, что кальмары погибнут, — это трагическая, но

необходимая деталь, подчёркивающая всю серьёзность моего заявления.

— Ты не можешь убивать кальмаров ради метафоры.

— Могу, и ты меня не остановишь.

Мы вышли в коридор, где поток студентов уже рассасывался по направлениям — кто-то на следующую пару, кто-то в библиотеку, кто-то на свежий воздух, потому что кондиционер в аудитории работал с перебоями, и последние полчаса лекции мы все дружно плавилась, как восковые фигуры в музее мадам Тюссо, только без шанса на то, что кто-то нас реставрирует. Я поправила ремень на юбке — он немного перекрутился, пока я сидела, — и вдруг поймала себя на мысли, что мне нравится, как ткань колышется вокруг бёдер при ходьбе, нравится это ощущение лёгкости и женственности, которое я почти забыла за месяцами тренировок и лабораторных.

Мы вышли из корпуса естественных наук, и утреннее солнце, которое за время лекции успело подняться выше и теперь висело над кампусом, как огромный золотой апельсин, ударило по глазам с такой силой, что я инстинктивно прищурилась и пожалела, что оставила солнечные очки в комнате. Воздух снаружи был горячим и сухим, он пах пылью, нагретым асфальтом и откуда-то издалека — жареным мясом, потому что неподалёку от кампуса уже открылась закусочная, где готовили лучшие тако во всём Финиксе, и её запах расплзался по округе, как приглашение на обед, от

которого невозможно отказаться.

— Я умираю с голоду, — объявила Ив таким тоном, словно это была официальная декларация, зачитанная перед Конгрессом. — Хендерсон высосал из меня все жизненные соки своими аксонами, и теперь мой организм требует немедленной компенсации в виде кофе, круассана с миндалём и, возможно, чего-нибудь шоколадного, потому что шоколад — это единственное, что отделяет меня от того, чтобы лечь прямо здесь на газон и заснуть до вечера.

— Кофетерий? — предложила я, хотя это был скорее риторический вопрос, потому что никаких других вариантов мы всё равно не рассматривали: кофетерий «У Бинса», располагавшийся в пяти минутах ходьбы от главных ворот кампуса, был нашим штабом, нашей цитаделью, нашим местом силы, где бариста знал наши имена, а круассаны с миндалём были такими, что ради них можно было простить даже Хендерсона и его бесконечные диаграммы.

— Ты читаешь мои мысли, Блэкмор, — отозвалась Ив, и мы, не сговариваясь, повернули налево, в сторону ворот, мимо фонтана (который, вопреки обыкновению, сегодня работал — видимо, кто-то из администрации наконец подписал чек на ремонт, и теперь вода с тихим журчанием стекала по каменным уступам, создавая иллюзию прохлады, хотя на самом деле воздух вокруг фонтана был таким же горячим, как и везде), мимо старого дуба, на ветвях которого кто-то развесил разноцветные ленточки — то ли художественный

проект, то ли чей-то ритуал на удачу перед экзаменами, — и дальше по мощёной дорожке, вдоль которой росли всё те же чахлые пальмы, упорно не желавшие признавать, что они находятся в пустыне, а не на тропическом острове.

Кофетерий «У Бинса» представлял собой небольшое кирпичное здание с огромными окнами, выходящими на оживлённую улицу, и деревянной вывеской, на которой был изображён улыбающийся кофейный зёрнышек в цилиндре — рисунок, который местные студенты в шутку называли «самым жутким маскотом в истории общепита», но который тем не менее стал неотъемлемой частью университетского фольклора. Внутри пахло свежемолотым кофе, корицей, ванилью и чем-то сладким, чему я никогда не могла дать точного определения, но что ассоциировалось у меня исключительно с этим местом — может быть, это был запах самого уюта, законсервированный и разлитый по баночкам.

Я толкнула тяжёлую стеклянную дверь, и колокольчик над входом звякнул, сообщая всем присутствующим о нашем прибытии, — и это было первое, что я услышала. А первое, что я увидела...

Первое, что я увидела, заставило меня застыть на пороге с таким чувством, словно я только что врезалась в невидимую стеклянную стену.

За центральным столиком, который как обычно оккупировали футболисты, потому что он был самым большим, самым удобным и находился в зоне досягаемости розеток для

зарядки телефонов, — сидел Рейвен Деверо. Это само по себе не было сюрпризом: Деверо и его команда проводили в «У Бинса» примерно столько же времени, сколько на тренировках, и встреча с ними здесь была скорее неизбежностью, чем случайностью, как восход солнца по утрам или как раздражение при виде его самодовольной физиономии. Сюрпризом — и сюрпризом крайне неприятным — было то, что у него на коленях сидела блондинка.

Не просто сидела — она устроилась на нём с той степенью интимности, которая обычно предполагает либо очень серьёзные отношения, либо очень дешёвый стрип-клуб, и судя по тому, как она обвивала руками его шею, а он придерживал её за талию, это был не первый и не второй вариант, а нечто среднее — типичная сцена из репертуара Деверо, который, видимо, менял девушек с той же регулярностью, с какой обычные люди меняют постельное бельё. Они целовались — нет, не целовались, они лизались, как два щенка, дорвавшихся до миски с едой, и это было настолько откровенно, настолько лишено какого-либо намёка на приватность, что у меня внутри всё сжалось в тугий комок отвращения, смешанного с глубочайшим презрением.

Ну и мерзость.

Рядом с Рейвеном, за тем же столом, сидел Кай Ашер — и он, видимо, решил не отставать от своего лучшего друга в искусстве публичного непотребства, потому что на его коленях (вернее, на стуле, придвинутом вплотную к его стулу, но

сути это не меняло) устроилась брюнетка с короткой стрижкой и в топе, который оставлял очень мало пространства для воображения, и они тоже ворковали — может, не так активно, как парочка Деверо, но достаточно, чтобы у нормально-го человека пропал аппетит. А чуть поодаль, на самом краю стола, сжимая в руках стакан с кофе и глядя в пространство с тем выражением лица, которое обычно бывает у людей, застрявших в лифте с незнакомцами и отчаянно мечтающих о спасении, сидел Деклан Мур — один, без пары, без девушки на коленях, без каких-либо признаков романтической активности, и вид у него был такой, словно он уже битый час размышлял о том, как бы исчезнуть отсюда, не привлекая внимания, но так и не придумал способа.

Я остановилась так резко, что Ив, которая шла позади меня, врезалась в мою спину и охнула, чуть не выронив телефон из рук.

— Ну и мерзость, — произнесла я, и мой голос прозвучал, наверное, громче, чем следовало, потому что Кай на секунду оторвался от своей брюнетки и бросил взгляд в нашу сторону, но тут же вернулся к прерванному занятию, как будто ничего не случилось. — Может, пойдём отсюда? Здесь воняет тестостероном и дешёвым парфюмом, и я боюсь, что если пробуду тут ещё минуту, у меня начнётся аллергия на всё сразу.

— Сядем подальше, — Ив, которая, казалось, была абсолютно невосприимчива к тем проявлениям челове-

ской пошлости, что разворачивались перед нашими глазами, схватила меня за руку с той железной хваткой, которую я знала слишком хорошо, чтобы пытаться сопротивляться. — Я хочу есть, и никакие лижущиеся футболисты не встанут между мной и круассаном с миндалём. Ты же знаешь, Бекка, я в гневе страшна, а когда я голодна — я в гневе вдвойне.

Она решительно потащила меня через весь зал, лавируя между столиками и уворачиваясь от официантки, которая как раз несла поднос с четырьмя чашками кофе, балансируя им на одной руке с мастерством, достойным циркового артиста. Мы обогнули колонну, увитую искусственным плющом (местная дизайнерская находка, которая должна была создавать «атмосферу европейского кафе», а на самом деле просто собирала пыль и заставляла всех чихать), и добрались до самого дальнего столика — того, что прятался в углу, у окна, выходящего не на улицу, а в крошечный внутренний дворик, где росли два чахлых кактуса и стояла скамейка, на которой никто никогда не сидел, потому что она была сделана из металла и в аризонскую жару нагревалась до температуры сковородки.

Я плюхнулась на стул с той смесью облегчения и раздражения, которая, кажется, стала моим перманентным состоянием с тех пор, как Рейвен Деверо вошёл в мою жизнь, — облегчения от того, что мы убрались подальше от этого балагана, и раздражения от того, что он вообще существовал, этот балаган, и что Деверо, по-видимому, не мог провести и

пяти минут без того, чтобы какая-нибудь девица не обвилась вокруг него, как лиана. Я бросила быстрый взгляд через зал — просто чтобы убедиться, что нас отсюда не видно и что мы не привлечём внимания этих... этих... я даже не могла подобрать цензурного слова, — и заметила, что Деклан Мур, бедный рыжий Деклан, который всё так же сидел на краю стола, сжимая свой стакан с кофе как спасательный круг, проследил за нашим перемещением. Его глаза встретились с моими на какую-то долю секунды, и в них читалось такое отчаяние, такая немая мольба о спасении, что я почти почувствовала к нему жалость.

Ив уже изучала меню с тем сосредоточенным выражением лица, которое появлялось у неё только в двух случаях — при выборе еды и при оценке потенциальных партнёров. Она подняла голову, поймала мой взгляд и проследила за ним до Деклана.

— Похоже, Мур-мур сейчас взвзывает, — заметила она, возвращаясь к меню. — Третий лишний в компании двух парочек — это, знаешь ли, особый вид пытки. Я читала исследование.

— Ты читала исследование про третий лишний?

— Я читала исследование про социальную изоляцию в малых группах, — поправила Ив, переворачивая страницу меню. — И там было сказано, что... О, смотри, у них появился тыквенный латте! Сезонное предложение. Я беру.

— Ты ненавидишь тыквенный латте.

— Я ненавижу тыкву в принципе, но тыквенный латте — это не тыква, Бекка, это осеннее настроение в стакане, и я намерена его получить, несмотря на то что на дворе всё ещё тридцатиградусная жара и никакой осени не предвидится до декабря. Иногда нужно создавать настроение искусственно.

Я уже собиралась ответить — что-то про искусственное настроение и искусственных блондинок, которые так же искусственно сидят на коленях у футболистов, — но в этот момент к нашему столику подошёл Деклан. Он подошёл не уверенным шагом человека, который знает, что ему здесь рады, а тем крадущимся, извиняющимся шагом, каким ходят люди, привыкшие быть лишними и заранее готовые к тому, что их прогонят. В руках он всё так же сжимал свой стакан с кофе — уже, наверное, остывшим, судя по тому, как долго он его держал, — и на его веснушчатом лице застыло выражение, которое можно было бы назвать «вежливое отчаяние».

— Привет, девчонки, — произнёс он, и его голос прозвучал чуть хриловато, как будто он долго молчал, прежде чем решиться заговорить. — Я... можно я к вам подсяду? Просто там, — он мотнул головой в сторону центрального столика, где Рейвен и его блондинка, кажется, даже не заметили его отсутствия, — там несколько... эм... перебор с публичными проявлениями чувств. И я уже сорок минут сижу и делаю вид, что меня нет, но у меня закончились темы для размышлений. Я уже продумал всё: от смысла жизни до вопроса, почему у жирафа такая длинная шея, и ответа не нашёл ни на

то, ни на другое.

Ив оторвалась от меню и окинула его взглядом — тем самым, оценивающим, которым она награждала всех, кто приближался к нашему столику без предварительного письменного приглашения. Но Деклан, по-видимому, прошёл проверку, потому что она улыбнулась и указала на свободный стул рядом с собой.

— Садись, Мур-мур, — сказала она, и в её голосе прозвучали те самые нотки, которые я называла «режим старшей сестры»: покровительственные, но не снисходительные, тёплые, но с лёгкой издёвкой. — Мы как раз собирались заказывать, и ты можешь составить нам компанию, если пообещаешь не обсуждать нервную систему кальмаров, потому что мы только что с лекции Хендерсона, и ещё одно слово про аксоны — и я начну кричать.

— Обещаю, — Деклан с явным облегчением опустил на стул, поставил свой стакан на стол и, кажется, только сейчас заметил, что кофе в нём давно остыл и на поверхности плавала пенка, похожая на заброшенный остров в миниатюре. — Ни слова про аксоны. Я вообще не с вашего факультета, так что мой максимум в биологии — это умение отличить кошку от собаки и понимание того, что кактусы колючие.

— Потрясающий уровень компетенции, — прокомментировала Ив, подзывая официантку взмахом руки, который был одновременно царственным и абсолютно непринуждённым. — Мне тыквенный латте, самый большой, и круассан

с миндалём — нет, два круассана, я говорила, что умираю с голоду, а врать нехорошо, особенно на пустой желудок. Бекка, что тебе?

— Простой чёрный кофе, — ответила я, всё ещё чувствуя лёгкое раздражение, которое теперь бурлило где-то на задворках сознания, как закипающий чайник, оставленный на плите. — И, наверное, тоже круассан. Без миндаля. Просто масло.

— Скучная ты женщина, Блэкмор, — вздохнула Ив, но заказ записала в своём телефоне — она всегда так делала, чтобы не перепутать, если официантка оказывалась новенькой и путала заказы с фатальной неизбежностью.

Деклан тем временем принялся нервно обдирать бумажную салфетку, скатывая из неё маленькие шарики и выстраивая их в ряд на столешнице, как солдатиков перед битвой. Я заметила, что у него были длинные пальцы — пианиста, а не футболиста, — и что он то и дело бросал взгляды через плечо, туда, где его друзья продолжали свои занятия, нисколько не смущаясь тем, что находятся в общественном месте, а не в частной спальне с зашторенными окнами.

— Как ты вообще оказался в этой компании? — спросила я, просто чтобы нарушить молчание и отвлечься от раздражения, которое продолжало бурлить, хотя я изо всех сил пыталась его игнорировать. — Ты же вроде не похож на человека, который получает удовольствие, наблюдая за чужими поцелуями в радиусе полуметра.

Деклан горько усмехнулся и оторвал очередной клочок от многострадальной салфетки.

— Я и не получаю. Это была идея Кая — «пойдём, выпьем кофе, посидим, отдохнём после тренировки». Я, наивный, согласился. А потом откуда-то материализовалась Тиффани — или Бриттани, или Стефани, я не запомнил, честно говоря, — и села на колени к Рейвену, и через пять минут подтянулась подруга Кая, и... — он развёл руками, и шарики из салфетки покатались по столу, как крошечные перекати-поле. — В общем, я оказался в роли декорации. Живой мебели. Предмета интерьера. Можешь называть меня «Торшер Деклан», мне не привыкать.

— Торшер Деклан, — повторила Ив, пробуя это словосочетание на вкус, и оно ей, кажется, понравилось, потому что она ухмыльнулась. — Звучит как имя для рок-звезды. Или для супергероя. «Торшер Деклан и его верный помощник Абажур».

— Пожалуйста, не начинай, — простонал Деклан, но в его глазах мелькнула искорка благодарности — за то, что мы его приняли, за то, что шутим, а не прогоняем обратно в тот ад, из которого он только что сбежал. — Мне хватает шуток про фамилию, чтобы ещё и про торшеры выслушивать. Вы не представляете, каково это — быть Муром в команде, где все остальные фамилии звучат как названия дорогих брендов. Деверо, Ашер, Норт, Стерлинг... А я Мур. Как корова.

— Вообще-то, — заметила я, и в моём голосе проскольз-

нула нотка искреннего любопытства, которая удивила меня саму, — Мур — это довольно известная фамилия. Томас Мур, например. Ирландский поэт.

— Да, — кивнул Деклан, и его лицо немного просветлело, — я знаю. Я всем говорю про Томаса Мура, когда меня начинают дразнить, но это редко помогает. Футболисты, знаешь ли, не очень интересуются ирландской поэзией девятнадцатого века. Им больше нравится мычать, когда я прохожу мимо.

— Идиоты, — резюмировала Ив с той окончательностью, с какой выносят приговор. — Команда у тебя, конечно, та ещё. Но ты держись, Мур. Страдания облагораживают душу, так говорила моя бабушка, а она была женщиной суровой и зря слов на ветер не бросала.

Официантка принесла наши напитки и круассаны, расставив их на столе с той механической точностью, которая выдавала в ней человека, проработавшего здесь не первый год и научившегося отключать мозг во время рутины. Тыквенный латте Ив источал запах корицы и мускатного ореха, поднимаясь парком над высокой кружкой, и я поймала себя на том, что, несмотря на жару за окном, этот запах действительно создаёт какое-то подобие осеннего настроения, хотя осень в Финиксе была понятием чисто календарным и не имела никакого отношения к погоде.

Деклан взял свой остывший кофе, сделал глоток, поморщился и отставил стакан в сторону, как будто тот его лично

оскорбил.

— Слушай, — сказала я, откусывая круассан и чувствуя, как маслянистое тесто тает на языке, — а почему ты вообще терпишь это? Ну, то, что они тебя дразнят? Ты же мог бы... не знаю, дать сдачи? Ты парень крепкий, в конце концов, футболист, мог бы и постоять за себя.

— Потому что это не со зла, — Деклан пожал плечами, и в этом жесте было столько обречённости, что мне на секунду стало его жаль — по-настоящему, а не просто как забавного персонажа в нашей утренней сцене. — Они не злые. Кай, Рейвен, остальные — они просто... ну, знаешь, как стая. В стае всегда есть тот, кого клюют, но это не потому, что его ненавидят, а потому, что так устроена иерархия. И я вроде как... привык. К тому же, когда дело доходит до игры, они всегда меня прикрывают. На поле я не Мур-корова, я просто игрок. Защитник. И там фамилия не имеет значения.

— Это очень по-футбольному, — заметила Ив, облизывая с пальцев крошки круассана, — использовать метафору стаи. Но я тебя поняла. Семья — не всегда про розовых пони и радугу, иногда семья — это про то, что тебя называют короной, а потом закрывают грудью от двухсотфунтового защитника соперника, который несётся на тебя, как локомотив.

— Именно, — Деклан улыбнулся, и его улыбка — открытая, чуть застенчивая, с ямочкой на правой щеке — совершенно преобразила его лицо, сделав его почти симпатичным. — Ты отлично формулируешь, Ив. Твой отец, навер-

ное, гордится.

— Мой отец, — Ив театрально закатила глаза, — гордился бы, если бы я формулировала речи в Конгрессе, а не отпускала комментарии в кофейне про футбольную команду. Но, увы, он получил дочь, которая изучает морскую биологию и дружит с самой упрямой черлидершей в Аризоне, так что ему приходится мириться.

— Эй! — я пихнула её ногой под столом, но без настоящей злости.

— Что «эй»? Ты упрямая, Бекка, это факт, подтверждённый экспериментально. Я тебя знаю два года и за это время наблюдала, как ты споришь с профессорами, с тренерами, с собственной мамой и с Рейвеном Деверо, — при упоминании этого имени я невольно скривилась, и Ив это заметила, — причём с Рейвеном ты споришь особенно яростно, что наводит меня на определённые мысли.

— Не начинай, — предупредила я, и мой тон был достаточно серьёзным, чтобы Ив, которая обычно игнорировала любые предупреждения, на этот раз подняла руки в примирительном жесте.

— Молчу, молчу. Но факт остаётся фактом: ты упрямая. И это, кстати, комплимент, а не оскорбление, так что убери этот взгляд, которым ты сверлишь меня, как будто я сказала, что твоя юбка тебя полнит. Юбка, кстати, потрясающая. Я уже говорила?

— Ты говорила, — буркнула я, но уголки моих губ всё

равно поползли вверх.

Деклан, который всё это время сидел тихо, переводя взгляд с Ив на меня и обратно, как зритель на теннисном матче, внезапно подал голос:

— Слушайте, я, наверное, должен извиниться за них, — он снова мотнул головой в сторону центрального столика, где, судя по доносившимся оттуда звукам, парочки всё ещё не наигрались в свои игры. — За Рейвена и Кая. Они вообще-то нормальные парни, когда не... ну, когда не превращаются в павианов при виде симпатичных девушек.

— Не стоит извиняться за то, в чём ты не виноват, — ответила я, и мой голос прозвучал, возможно, чуть более резко, чем я хотела, но Деклан, казалось, не обиделся. — Ты не нянька им. И если они решили вести себя как животные в брачный период, это их проблема, а не твоя.

— «Животные в брачный период», — повторила Ив, отпивая свой латте и оставляя на краю кружки след от губной помады. — Бекка, вот почему ты должна была выбрать биологию. Ты используешь научные термины для описания человеческой пошлости, и это прекрасно.

— Я уже выбрала биологию.

— Я знаю. Я просто напоминаю тебе, что этот выбор был правильным, что бы там ни говорила твоя мама.

Я промолчала, но внутри у меня потеплело — от того, как Ив сказала это, от того, как Деклан улыбнулся (он явно не знал контекста про мою маму, но интуитивно понял, что это

был важный момент), от того, что мы сидели здесь, в самом дальнем углу кофейни, втроём, и разговаривали так, словно не было за окном тридцатиградусной жары, а за нашими спинами — двух футболистов, которые, кажется, забыли о существовании остального мира.

— А как там Элиас? — внезапно спросил Деклан, обращаясь к Ив, и я заметила, как она чуть не поперхнулась своим латте. — Вы вчера вроде неплохо пообщались в «Пицце Фрэнка». Он потом весь вечер ходил с таким лицом, будто его по голове ударили.

— В каком смысле «с таким лицом»? — мгновенно напряглась Ив, и её голос приобрёл ту самую интонацию, которую она использовала, когда допрашивала меня о Кейде.

— Ну, — Деклан замялся, видимо, сообразив, что ступил на минное поле, — с таким... мечтательным? Рассеянным? Он трижды переспросил, какой счёт был на последней игре, хотя сам забил два тачдауна и обычно помнит такие вещи до конца жизни. А тут — бах, и забыл. Кай сказал, что это «симптом Равенны», и поставил ему диагноз «острое влюбление».

Ив откинулась на спинку стула, и на её лице медленно, как рассвет над пустыней, расцвела та самая улыбка — довольная, чуть хищная, полная женского триумфа, — которую я видела только в моменты её величайших побед.

— «Симптом Равенны», — повторила она, смакуя каждое слово. — Мне нравится, как это звучит. Передай Каю, что я

польщена и что если он продолжит в том же духе, я, возможно, перестану называть его раздолбаем. Возможно.

— Я передам, — пообещал Деклан, и его лицо приобрело то самое выражение, которое бывает у курьеров, доставляющих послания между враждующими королевствами: смесь гордости за важную миссию и страха перед возможными последствиями.

Мы просидели в «У Бинса» ещё около часа — допили кофе, доели круассаны, обсудили предстоящий выездной матч (Деклан, оказывается, тоже ехал в Тусон, потому что был в стартовом составе, и пообещал «присматривать за порядком», что бы это ни значило), предстоящий экзамен по спортивной физиологии, который Деклан боялся до дрожи, и новую форму черлидерш, которую Хлоя заказала по какому-то таинственному каталогу и которая, по её словам, должна была «сделать нас неотразимыми», а по мнению Ив — «сделать нас похожими на космических десантниц из фильмов восьмидесятых». Где-то в середине этого разговора я заметила, что центральный столик опустел — Рейвен, его блондинка, Кай и его брюнетка исчезли, растворились, как мираж в пустыне, оставив после себя только смятые салфетки и перевёрнутую сахарницу, — и я почувствовала, как раздражение, которое бурлило во мне всё это время, наконец начинает утихать, сменяясь приятной, тёплой усталостью.

Когда мы наконец вышли на улицу — Ив впереди, Деклан за ней, я последней, придерживая дверь для какой-то ста-

рушки с болонкой, которая как раз входила в кофейню, — солнце уже поднялось почти в зенит, и жара стала той особенной, аризонской, когда воздух обжигает лёгкие при вдохе, а асфальт плавится под ногами, и единственное, чего хочется, — это найти кондиционер и никогда его не покидать.

— Ну что, Торшер Деклан, — Ив хлопнула его по плечу с той фамильярностью, которая появляется только после часа хорошего разговора, — было приятно с тобой посидеть. Заходи ещё, когда твои друзья в следующий раз решат устроить публичную оргию, а ты окажешься не у дел.

— Обязательно, — Деклан улыбнулся, и его веснушки, казалось, засияли ярче в солнечном свете. — Может быть, в следующий раз я даже принесу с собой книгу ирландской поэзии. Чтобы было чем заняться, пока они...

— Не надо, — перебила я, не удержавшись от смешка. — Ирландская поэзия не заслуживает такого фона.

Мы распрощались с Декланом у входа в кампус — он пошёл в сторону спортивного корпуса, где у него была ещё какая-то тренировка, а мы с Ив направились к общежитию, потому что у меня впереди было окно в четыре часа до следующей пары, и я планировала провести это время с максимальной пользой: а именно — лёжа на кровати, с учебником по морской экологии на лице, притворяясь, что я готовлюсь к семинару, а на самом деле прокручивая в голове каждое слово из переписки с Кейдом.

— Знаешь, — сказала Ив, когда мы проходили мимо фон-

тана, который всё ещё работал, разбрасывая вокруг себя водяную пыль, переливающуюся в солнечных лучах крошечными радугами, — я рада, что мы встретили Деклана. Он славный.

— Он славный, — согласилась я. — И его жалко.

— Его не надо жалеть, — Ив покачала головой, и её кудри закачались в такт этому движению. — Он сильнее, чем кажется. Просто ему нужно иногда напоминать об этом.

Я промолчала, но её слова засели у меня в голове. Может быть, Деклан действительно был сильнее, чем казалось. Может быть, все мы были сильнее, чем казались, — просто иногда, как сегодня утром, когда я стояла перед зеркалом и думала, что написать Кейду, мне нужно было, чтобы кто-то напомнил об этом мне самой.

После того как мы распрощались с Декланом у ворот кампуса, день покатился дальше своим чередом — тем самым размеренным, почти механическим чередом, которым всегда катится университетская жизнь между парами, тренировками и бесконечными попытками выкроить хотя бы полчаса на то, чтобы просто посидеть в тишине и ни о чём не думать, — но в этом ритме было что-то успокаивающее, что-то, что позволяло не заикливаться на утреннем инциденте в кофейне и на том, как блондинка обвиняла руками шею Рейвена Деверо, а он придерживал её за талию с той собственной небрежностью, от которой у меня до сих пор сводило челюсть, хотя, если разобраться, какое мне вообще бы-

ло дело до того, с кем лижется Деверо и насколько вульгарно выглядит этот процесс со стороны. Абсолютно никакого, вот какое дело — ноль, минус, отрицательная величина, — и я повторяла это себе, пока мы с Ив шагали через кампус, пока она рассказывала мне что-то про свой новый проект по дизайну (она записалась на дополнительный курс по иллюстрации и теперь рисовала серию плакатов про вымирающие виды, и её последней работой был невероятно трогательный портрет калифорнийской морской свиньи, вакуты, чьи глаза, по словам Ив, «смотрели прямо в душу и требовали немедленно спасти их от рыболовных сетей»), пока мы делили на двоих последний батончик мюсли, завалывшийся в моём рюкзаке, и обсуждали, стоит ли Ив написать Элиасу первой или подождать, пока он сам проявит инициативу, как советовали все глянцевого журналы, которые она втайне почитывала, хотя на людях утверждала, что «эта розовая макулатура — для домохозяек с низкой самооценкой».

К тому моменту, когда часы на моём телефоне показали четыре пополудни, а солнце начало понемногу клониться к западу, окрашивая небо над Финиксом в те самые фирменные аризонские оттенки — охру, терракоту, выгоревший оранжевый, — я уже стояла на пороге нашей комнаты в общежитии, переодеваясь в тренировочную форму: облегающие шорты, спортивный топ с эмблемой университета, кроссовки, которые я зашнуровала с той машинальной ловкостью, которая вырабатывается только после сотен повторе-

ний, и волосы, которые я на этот раз всё-таки собрала в высокий тугой хвост, потому что на тренировке распущенные пряди — это не красиво, а попросту неудобно: они лезут в глаза, прилипают к потной шее, мешают держать равновесие, а равновесие мне сегодня было нужно, ох как нужно, потому что Хлоя вчера предупредила, что мы будем отрабатывать новую пирамиду — ту самую, с двойной сменой на третьем ярусе, которую мы провалили на прошлой неделе и которую она намеревалась довести до совершенства, даже если для этого нам придётся торчать на поле дотемна.

Ив, которая к этому времени уже успела переодеться в свои любимые пижамные шорты с принтом из маленьких авокадо и растянутую футболку с логотипом какого-то музыкального фестиваля, где она побывала ещё в старшей школе, сидела на кровати в позе лотоса, обложившись планшетом, стилусом и примерно пятью чашками с остатками чая, которые она забыла вымыть за последние три дня, и сосредоточенно рисовала очередной эскиз вакиты, высунув кончик языка и хмуря брови так, словно от этого зависела судьба всего вида.

— Я на тренировку, — бросила я, закидывая сумку на плечо и проверяя, не забыла ли бутылку с водой (забыла — пришлось вернуться и взять её с подоконника, где она стояла со вчерашнего дня и уже успела нагреться до комнатной температуры).

— Удачи, Бекка, — Ив махнула мне рукой, не отрываясь

от планшета. — Постарайся не убить никого на этот раз. И, ради всего святого, следи за Риной — если она опять забудет проверить базу, я лично пойду к тренеру и потребую её дисквалификации.

— Принято, — я отсалютовала ей двумя пальцами и выскользнула за дверь, пока она не успела добавить что-нибудь ещё.

Стадион встретил меня привычной картиной: выжженное солнцем поле, белые линии разметки, которые уже начали тускнеть и требовали обновления, трибуны, пустые и безмолвные, как заброшенный амфитеатр, и наша команда, уже собравшаяся на дальней стороне поля, где Хлоя расхаживала перед строем черлидерш, как генерал перед битвой, и что-то толковывала им с тем выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего. Я прибавила шагу, чувствуя, как кроссовки вязнут в мягком газоне, и через минуту уже стояла в строю, переводя дыхание и стараясь не думать о том, что тренировка, судя по лицу Хлои, обещает быть долгой.

Так оно и вышло. Первые сорок минут мы отработывали базовые поддержки — те самые, которые должны были выполняться на автомате, без малейшей заминки, и Хлоя гоняла нас до тех пор, пока у меня не начали дрожать колени, а Мэдди, стоявшая в паре со мной, не взмолилась о пощаде хотя бы в виде минутного перерыва на воду. Перерыв нам дали — ровно на столько, чтобы сделать по три глотка из бутылки и услышать от Хлои короткую, но пламенную речь о том, что

«если мы не можем держать базу три минуты подряд, то что мы будем делать на выездном матче перед полными трибунами, где каждая ошибка будет видна как на ладони, и где соперницы из Тусона только и ждут, чтобы мы облажались». Потом мы перешли к пирамиде.

Та самая пирамида. Двойная смена на третьем ярусе, переход с правой ноги на левую, бросок рук в стороны и фиксация — всего четыре секунды, но эти четыре секунды требовали такой концентрации, такой синхронности, такого абсолютного доверия к тем, кто стоит внизу, что я каждый раз, забираясь на плечи Мэдди, чувствовала, как желудок делает сальто, а ладони становятся влажными, несмотря на магнезию, которой мы натирали руки перед каждым подходом.

— Блэкмор, наверх! — скомандовала Хлоя, и её голос эхом разнёсся по пустому стадиону.

Я вскарабкалась по спинам и плечам — сначала на Мэдди, потом на плечи второму ярусу, который сегодня держали Рина и новенькая по имени Сара (Сара была старательной, но нервной, и от этого у меня внутри всё сжималось в предчувствии возможной катастрофы), — и наконец выпрямилась на самой вершине, раскинув руки в стороны и глядя куда-то поверх трибун, туда, где небо уже начало наливаться тем особенным предзакатным сиянием, которое в Аризоне было особенно красивым — может быть, потому, что здесь, в пустыне, закаты были единственным, что напоминало о существовании в мире других красок, кроме жёлтого и коричневого.

невого.

Ветер на высоте трёх метров дул сильнее, чем на земле, и я чувствовала, как он треплет мой хвост, как охлаждает разгорячённую кожу на щеках и шее, как пытается нарушить моё равновесие — но я стояла крепко, потому что годы балета не прошли даром, и мои мышцы помнили, что такое центр тяжести, даже когда мозг уже начинал паниковать. Хлоя что-то кричала снизу — кажется, хвалила, — и я уже позволила себе крошечную, едва заметную улыбку, когда услышала их.

Они появились с той стороны трибун, где дорожка вела к парковке, — три фигуры в дизайнерских шортах, облегających топах и с идеальными укладками, которые не трепал никакой ветер, потому что на них, вероятно, был потрачен целый баллончик лака для волос и, возможно, какое-то тёмное колдовство. Розали Брэхем, Офелия Клай и Дживана Рэй — три «королевы университета», как они сами себя называли (и как их никто, кроме их собственных подпевал, не называл), — шествовали мимо стадиона с тем видом, с каким павлины обходят свой вольер в зоопарке, и их голоса, усиленные пустотой трибун и отражающиеся от бетонных стен, доносились до меня даже на моей трёхметровой высоте.

— О, смотрите, — произнесла Розали, и её голос, сладкий как патока и острый как бритва одновременно, разрезал вечерний воздух, — обезьянки всё ещё прыгают. Я думала, их уже давно отправили обратно в цирк, где им самое место.

Офелия рассмеялась — тем самым смехом, который бы-

вает только у людей, привыкших смеяться над чужими неудачами, потому что своих достижений у них не было и в помине, — и добавила, прикрывая рот ладошкой с идеальным маникюром:

— Особенно вон та, наверху. Блэкмор, да? Та, что вечно пускает слюни на Кейда Уокера, хотя он даже не смотрит в её сторону. Бедняжка, наверное, думает, что если задерётся повыше, он её заметит. Но, милочка, — она подняла голову и посмотрела прямо на меня, хотя я стояла так высоко, что должна была быть для неё всего лишь силуэтом против солнца, — Кейд предпочитает настоящих женщин, а не дешёвых акробаток с амбициями.

Дживана, третья в их змеином клубке, даже не стала ничего говорить — она просто ухмыльнулась, поправила свои тёмные очки на макушке и пошла дальше, как будто сцена, разыгравшаяся перед ней, не стоила даже её драгоценного комментария.

Я не знаю, что именно послужило триггером — может быть, упоминание Кейда, может быть, слово «дешёвых», может быть, тот факт, что они смеялись надо мной, пока я стояла на плечах своих подруг и не могла ответить, не могла спуститься, не могла ничего сделать, кроме как сжимать кулаки и чувствовать, как ярость закипает где-то в солнечном сплетении, поднимаясь выше, к горлу, к глазам, застилая мир красной пеленой. А может быть, всё вместе — но в ту секунду, когда я услышала слово «акробатка», произнесённое так,

словно это было ругательство, что-то внутри меня щёлкнуло, переключилось, и я поняла, что не могу — просто не могу, физически не способна — остаться на этой пирамиде ещё хотя бы на секунду.

Я спрыгнула.

Это был не тот контролируемый, просчитанный соскок, которому нас учили месяцами и который полагался выполнять с грацией и улыбкой, — нет, это был прыжок, продиктованный чистой, незамутнённой яростью, и я приземлилась на газон, приседая и гася инерцию ладонями о землю, чтобы через долю секунды выпрямиться и рвануть вперёд, туда, где стояли эти три разряженные куклы, даже не подозревавшие, что их маленькое представление только что закончилось, а основное действие ещё даже не началось.

— Бекка! — услышала я крик Хлои где-то позади, но мне было всё равно.

Я подлетела к Розали Брэhem — к ней, потому что именно она говорила громче всех, именно она улыбалась шире всех, именно на её лице читалось то самое выражение превосходства, которое я ненавидела всей душой, — и, не раздумывая ни секунды, вlepила ей пощёчину.

Звук получился смачный, звонкий, как выстрел, и эхо от него разнеслось по пустому стадиону, отражаясь от трибун и возвращаясь обратно. Голова Розали дёрнулась в сторону, её идеальная укладка наконец-то сбилась, и на безупречной коже левой щеки начал расцветать красный след — отпечаток

моей ладони, который будет держаться ещё несколько часов и который, надеюсь, напомнит ей обо мне каждый раз, когда она посмотрит в зеркало.

— Ты!.. — выдохнула она, хватаясь за щёку, но её голос — этот сладкий, покровительственный голос — дал трещину, и сквозь неё прорвалось что-то другое: злоба, самая настоящая, концентрированная злоба человека, который привык к тому, что ему всё сходит с рук, и который впервые столкнулся с тем, что не всё.

Она схватила меня за волосы — её пальцы вцепились в мой хвост, дёргая так, что из глаз брызнули искры, а шея откинулась назад под неестественным углом, — и начала тянуть, пытаясь то ли повалить меня на землю, то ли просто сделать как можно больнее. Больно действительно было — кожа на затылке горела огнём, и я почувствовала, как несколько волосков с хрустом вырываются из корней, — но боль, как ни странно, только подстегнула меня, только добавила топлива в тот пожар, который уже бушевал внутри, и я, не раздумывая, заехала ей коленом в живот.

Удар вышел не самым элегантным — всё-таки я была черлидершей, а не бойцом ММА, и анатомия человеческого тела была мне знакома скорее по учебникам, чем по практике, — но, видимо, я попала куда надо, потому что Розали согнулась пополам, издав сдавленный, булькающий звук, который меньше всего напоминал её прежний серебристый смех, и выпустила мои волосы, хватаясь за живот обеими руками.

Её дыхание сбилось, она хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и я, глядя на неё сверху вниз — на эту сломленную, согнутую пополам фигуру, которая ещё минуту назад смотрела на меня с таким превосходством, — чувствовала только холодную, спокойную ярость, которая никуда не делась, но теперь была под контролем, теперь была моим оружием, а не слабостью.

Девочки с черлидинга уже бежали к нам через всё поле — я слышала топот их кроссовок по газону, слышала крики Хлои, которая требовала немедленно прекратить, слышала, как Мэдди на бегу спрашивает у кого-то, стоит ли вызывать охрану кампуса, — и через несколько секунд они окружили меня, отесняя от Розали, мягко, но настойчиво удерживая за плечи и локти, словно я была диким зверем, который мог в любую минуту снова броситься в атаку.

— Бекка, стой! — Рина вцепилась в мою правую руку с той силой, которую я от неё никак не ожидала. — Всё, хватит, ты уже выиграла!

— Я не собираюсь продолжать, — произнесла я, и мой голос прозвучал на удивление спокойно, почти буднично, хотя внутри всё ещё клокотал тот самый вулкан, который только что извергся. — Я просто хочу, чтобы эта курица поняла.

И тогда Розали, всё ещё согнутая пополам и держащаяся за живот, подняла голову, и её лицо — искажённое болью, унижением, яростью — было обращено ко мне. Её идеальная помада размазалась, тушь потекла, и она выглядела не

как королева университета, а как дешёвая актриса из плохого фильма, чей грим не выдержал дубля.

— Ещё раз ты ко мне полезешь, Брэхем, — произнесла я медленно, отчётливо, вкладывая в каждое слово всю ту сталь, которая зрела во мне последние два года, пока я терпела их насмешки, их косые взгляды, их шуточки за спиной и комментарии в социальных сетях, — и я на тебе живого места не оставлю. Ты меня поняла?!

Розали выпрямилась — с трудом, держась за живот и морщась от боли, — и её глаза, которые она, видимо, считала своим главным оружием, метнули в меня молнии. Её подружки, Офелия и Дживана, стояли чуть поодаль с видом людей, которые не ожидали такого поворота событий и теперь судорожно прикидывали, как бы исчезнуть отсюда, не привлекая внимания и не разделив участь своей предводительницы.

— Да пошла ты, мразота! — выкрикнула Розали, и её голос сорвался на визг — тот самый визг, который обычно издают люди, привыкшие к тому, что мир прогибается под них, и внезапно обнаружившие, что мир дал трещину. — Я тебя уничтожу, если ещё раз увижу рядом с Кейдом! Он мой, поняла?! Мой! Он всегда был моим, и ты, со своим дурацким черлидингом и своими дурацкими кальмарами, не встанешь у меня на пути!

Я показала ей средний палец — медленно, с чувством, поднимая руку так, чтобы этот жест был виден и ей, и её подругам, и всем на стадионе, и возможно, пролетающим мимо

птицам, — и улыбнулась. Широко, открыто, самой искренней улыбкой, которая только могла родиться в этот момент: улыбкой человека, который только что понял, что враг — не всемогущ, что королева — всего лишь девочка с размазанной тушью, что страх, который ты испытывал годами, можно разбить одной хорошо поставленной пощёчиной.

— Стерва, — прошипела Розали, но в её голосе уже не было той уверенности, что звучала минуту назад. Он дрожал, срывался, и в этой дрожи я услышала то, что хотела услышать больше всего: отступление. Поражение.

Офелия и Дживана, до этого момента стоявшие в стороне с видом зрителей, которые случайно попали не на тот спектакль, наконец пришли в движение — они подхватили Розали под руки и повели прочь, в сторону парковки, откуда они пришли, и та, уходя, ещё что-то кричала через плечо, но ветер уносил её слова, и до меня долетали только обрывки: «...пожалеешь...», «...Уокер узнает...», «...вся команда...». Я не вслушивалась. Всё, что она могла сказать, уже не имело значения.

Девочки всё ещё держали меня за плечи, хотя я уже не вырывалась, и Хлоя, которая к этому моменту успела добежать до нас и теперь стояла, уперев руки в бока и переводя дыхание после спринта через всё поле, смотрела на меня с тем выражением, которое я не могла расшифровать: смесь ужаса, гордости и чего-то ещё, чему я не знала названия.

— Блэкмор, — произнесла она наконец, и её голос звучал

так, словно она сама не верила в то, что собирается сказать, — это было... вообще-то, это было эффектно. Но если ты ещё раз спрыгнешь с пирамиды без команды, я лично спущу с тебя шкуру, поняла?

— Поняла, — ответила я, и мой голос всё ещё был спокойным, хотя внутри начинала подниматься та самая дрожь, которая всегда приходит после выброса адреналина, когда опасность уже миновала, а тело ещё не получило сигнал «отбой».

Мэдди, стоявшая рядом со мной и всё ещё не отпуская моя локоть, наклонилась и прошептала мне на ухо:

— Что она тебе сказала? Ну, до того как ты... — она сделала жест, который, видимо, должен был изобразить пощечину.

— Длинная история, — ответила я, потирая затылок, где кожа всё ещё горела после того, как Розали вцепилась в мои волосы. — Но она это заслужила. Поверь мне, она это заслужила.

— Да я не сомневаюсь, — хмыкнула Мэдди. — Просто хотела узнать подробности, чтобы пересказать остальным. Слухи по кампусу будут ходить неделю, Бекка, и я хочу быть уверена, что распространяю правильную версию.

Я усмехнулась — коротко, отрывисто, — и вдруг почувствовала, как внутри что-то разжимается, отпускает, как будто узел, который был затянут где-то в районе солнечного сплетения с того самого момента, как Розали открыла рот,

наконец ослаб. Я выиграла. Может быть, не войну — такие, как Розали, никогда не сдаются окончательно, они просто перегруппировываются, зализывают раны и ждут следующей возможности для атаки, — но это сражение было моим. И пощёчина, которую я ей влепила, была слаще, чем любая победа на матче, слаще, чем любой комплимент от тренера, слаще, чем что-либо, что я испытывала за последние месяцы.

Остаток тренировки прошёл скомканно — Хлоя попыталась ещё раз прогнать пирамиду, но все были слишком взбодражены, чтобы сосредоточиться, и в итоге она махнула рукой, объявила тренировку законченной и велела всем идти по домам и «остыть, в прямом и переносном смысле». Когда я шла через поле к трибунам, чтобы забрать свою сумку, мои ноги всё ещё дрожали — но это была уже не дрожь ярости, а та приятная, опустошающая усталость, которая приходит после того, как ты сделал что-то, что долго откладывал, и обнаружил, что это не так страшно, как казалось.

Я подобрала сумку, перекинула её через плечо и направилась к выходу со стадиона, думая о том, как расскажу Ив о случившемся — она будет в восторге, она наверняка скажет что-то вроде «ну наконец-то, я уж думала, ты никогда не дашь им сдачи», — и о том, что Розали сказала про Кейда. «*Он мой, поняла?*» Это было... смешно, вот что это было. Смешно и жалко. Кейд не был её — насколько я знала, они встречались когда-то в прошлом семестре, но расстались, и

с тех пор Розали, видимо, не могла смириться с тем, что мир не вращается вокруг неё.

Но всё же... всё же её слова засели во мне, как крошечная заноза, которую не вытащить. «Он мой». С чего она это взяла? Может быть, она знала что-то, чего не знала я? Может быть, они снова начали общаться, и Кейд просто не сказал мне? Глупости, одёрнула я себя. Ты переписывалась с ним этим утром, он пригласил тебя на выездной матч, он сказал «я надеюсь, ты займёшь место рядом со мной» — это не похоже на поведение парня, который всё ещё принадлежит кому-то другому.

Я достала телефон, чтобы написать Ив, что иду домой, и увидела новое уведомление. Сообщение. От Кейда.

«Эй, Блэкмор, — гласило оно, и моё сердце пропустило удар, а потом забилось быстрее, быстрее, быстрее, — до меня дошли слухи, что ты только что устроила эпичную битву на стадионе. Это правда? Если да, то я обязан купить тебе кофе и услышать все подробности из первых уст. P.S. Розали — прошлое. Давно прошлое. На случай, если она сказала что-то другое.»

Я остановилась посреди пустой парковки, глядя на экран телефона, и почувствовала, как мои губы расплываются в той самой улыбке, которая, кажется, стала моим перманентным состоянием с тех пор, как я проснулась этим утром.

Я написала ответ — быстро, почти не задумываясь над словами: *«Правда. Она заслужила. Кофе принимается, но*

только если ты добавишь к нему круассан с миндалём — я сегодня уже съела один, но ради такого случая готова повторить.»

Отправив сообщение, я убрала телефон в карман и зашагала к общежитию, где меня ждала Ив, готовая выслушать мой рассказ, и где вентилятор всё так же лениво вращал лопастями, и где на стене висело то самое зеркало, перед которым я стояла сегодня утром, выбирая юбку и не зная ещё, чем обернётся этот день. Теперь я знала. День обернулся пощёчиной, угрозами, размазанной тушью Розали Брэшем и сообщением от Кейда Уокера, в котором он назвал её прошлым, — и я, шагая через вечерний кампус, чувствовала себя так, словно только что забила победный гол в финале, и все трибуны аплодировали стоя.

Глава 4. Чужое поле

Ты выходишь на чужое поле не по своей воле — тебя туда заталкивают чужие насмешки, острый язык, янтарные глаза, которые сверлят тебя даже через всё поле, и ты стоишь, стиснув зубы, посреди этой дурацкой войны, которую никто не объявлял официально, но которая длится уже не первый месяц, и единственное, что ты можешь сделать, — не показать, как сильно тебя это бесит, потому что враг только этого и ждёт, и ты скорее умрёшь, чем доставишь ей такое удовольствие.

Рёна Окацуки

Рейвен

Я сидел за столом на кухне и жадно поедал завтрак качка — состоящий из белков и углеводов в пропорции, которую мог оценить только человек, проведший половину жизни в тренажёрном зале, а вторую половину — в попытках объяснить окружающим, что куриная грудка с рисом может быть вкусной, если добавить достаточно специй и самообмана, — и краем глаза следил за трансляцией на ноутбуке, где CaseOh, мой любимый стример, уже битый час проходил какой-то хоррор, периодически вскрикивая так, что динамики дребезжали, а соседи, наверное, думали, что у нас в доме кого-то режут. Он запустил стрим в восемь утра — в восемь, чёрт возьми, и я собирался встать пораньше, честно собирал-

ся, даже будильник поставил на без пятнадцати восемь, но вчерашняя тренировка выжала из меня всё, включая способность реагировать на звуковые раздражители, так что я проспал момент, проспал начало, проспал всё самое интересное, и теперь смотрел на середину прохождения с тем чувством досады, которое обычно испытываешь, когда приходишь в кинотеатр с опозданием на двадцать минут и пытаешься понять, почему главный герой уже висит над пропастью и кто все эти люди.

Кай Ашер, мой лучший друг, мой сожитель, моё персональное наказание за все грехи в прошлой жизни, ввалился на кухню ровно в тот момент, когда я отправил в рот очередную порцию творога с протеином — смеси, которая на вид действительно напоминала что-то среднее между цементным раствором и неудавшимся кулинарным экспериментом, но которая на вкус, клянусь, была вполне сносной, если не принимать во внимание, — и, оперев руки в бока, уставился на мою тарелку с тем выражением лица, с каким обычно смотрят на содержимое канализации после прорыва трубы.

— Боже, Рей, — произнёс он тоном трагического актёра, который только что застал жену с любовником, — ты опять жрёшь какое-то подборное дерьмо из белка. Тебе в тарелку нарыгал гребаный челящер?

Я медленно, очень медленно перевёл взгляд с экрана ноутбука на Кая, который стоял в одних трениках, с причёской, напоминавшей последствия торнадо, и с кружкой кофе в ру-

ке — судя по запаху, он уже успел выпить как минимум половину этой кружки, потому что его глаза блестели тем самым подозрительным блеском, который обычно предвещал поток словесного мусора, способный затопить всю кухню до уровня второго этажа.

— Что ты несёшь, Ашер? — спросил я, хотя ответ меня интересовал примерно настолько же, насколько интересует прогноз погоды на Марсе: любопытно, но к реальной жизни отношения не имеет.

— Свои яйца, брат, — Кай широко ухмыльнулся и сделал глоток кофе, явно гордясь собой больше, чем ситуация того заслуживала. — Несу свои драгоценные, бесценные, несравненные яйца, которые, в отличие от твоего завтрака, выглядят аппетитно и не пахнут так, будто их синтезировали в лаборатории по производству корма для роботов.

— Идиот.

— О, это CaseOh? — Кай внезапно переключил внимание на ноутбук с той скоростью, с какой белка переключается с одного ореха на другой, и, не дожидаясь приглашения, принялся выпихивать меня со стула, упираясь локтем мне в плечо и елозя мокрой от кофейного конденсата кружкой где-то в районе моего уха. — Дай глянуть, он что, опять в хоррор играет? Я обожаю, когда он визжит, это лучше любого Netflix, честное слово, у него такой фальцет, что оперные певцы удавились бы от зависти, — подвинься, Рей, ты закрываешь пол-экрана своей качковской спиной, которую,

кстати, хватит уже качать, ты скоро в дверь не пройдёшь!

— Твою мать, дай пожрать спокойно! — я вцепился в свою тарелку с решимостью человека, защищающего последний бастион, и попытался локтем отбиться от Кая, но тот уже практически сидел у меня на коленях, а его кружка с кофе угрожающе накренилась над моей клавиатурой. — Мур-мур, забери его нахрен!

Деклан, который всё это время сидел в углу кухни, сжимая в руках стакан с апельсиновым соком и делая вид, что его здесь нет, при звуках своего прозвища вздрогнул, как от удара током, поспешно допил сок, поставил стакан в раковину с тем преувеличенно аккуратным звоном, который бывает только у людей, пытающихся не привлекать внимания, и крикнул:

— Я на пробежку! — таким тоном, словно от этой пробежки зависела его жизнь, и вылетел за дверь быстрее, чем я успел моргнуть, оставив после себя только лёгкий сквозняк и эхо хлопнувшей входной двери.

Гребаный ад.

Вот так и проходило моё утро: один сосед превращал завтрак в комедийное шоу, второй дезертировал при первых признаках опасности, как крыса с тонущего корабля, а я оставался наедине с тарелкой остывающего творога, настырным Каем, который уже полностью завладел ноутбуком и теперь комментировал происходящее на стриме с той степенью вовлечённости, которая обычно требует наличия поп-

корна, и ощущением, что день не задался, хотя ещё даже не начался толком.

— Смотри, смотри, — Кай ткнул пальцем в экран, едва не оставив на нём жирный отпечаток, — он сейчас войдёт в ту дверь, а там будет скример, я тебе гарантирую, сто процентов, можешь проверить мой послужной список предсказаний скримеров, он безупречен, я ни разу не ошибся с две тысячи двадцать второго!

Я вздохнул, отставил тарелку в сторону (творог уже всё равно остыл, а холодный творог с протеином — это даже не наказание, это уже преступление против человечности) и потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки после сна на нашем продавленном диване, который мы купили втроём на гаражной распродаже за сорок долларов и который, судя по пружинам, в прошлой жизни был орудием пыток в гестапо.

— Ты вообще спал сегодня, Ашер, или так и сидел до утра, пересматривая хайлайты прошлого сезона и притворяясь, что анализируешь игру? — спросил я, просто чтобы вернуть себе хоть какое-то подобие контроля над ситуацией.

— Я спал, — Кай даже не обернулся, его глаза были прикованы к экрану, где CaseOh как раз начал тот самый визг, который Кай так любил. — Я спал как младенец. Как очень красивый, очень умный младенец, который лёг в три ночи и проснулся в восемь, полный сил и гениальных мыслей. Например, мысль о том, что твой завтрак выглядит как корм для челящера — она пришла ко мне сразу после пробужде-

ния, и я считаю её одной из лучших моих идей за эту неделю.

— Что, чёрт возьми, такое челоящер?

— Это, — Кай наконец оторвался от экрана и повернулся ко мне с выражением профессора, читающего лекцию о чём-то непостижимо сложном, — гипотетическое существо, получеловек-полуящер, которое питается исключительно протеиновыми смесями и творогом, живёт в подвалах заброшенных спортзалов, выходит на охоту по ночам и своим внешним видом вдохновляет таких, как ты, на поедание этой дряни. Я думал, это очевидно.

Я закрыл глаза и сосчитал до пяти. До десяти. До пятнадцати — просто на всякий случай, потому что Кай обладал уникальной способностью выводить меня из себя даже тогда, когда я был абсолютно спокоен, и утреннее спокойствие, которое я пытался культивировать ради собственного психического здоровья, разлеталось вдребезги при первых же звуках его голоса.

— Ты невыносим.

— Я знаю, — Кай просиял, как будто я только что сделал ему величайший комплимент в его жизни. — Это часть моего обаяния. Девушки находят это неотразимым. Кстати, о девушках — ты вчера неплохо так развлёкся в «У Бинса». Серьёзно, Рей? Опять блондинка? У тебя что, фетиш?

Я поморщился. Воспоминание о вчерашнем утре в кофейне было не из тех, которые хотелось бы обсуждать за завтраком, — или вообще когда-либо, если уж на то пошло. Блон-

динка (её звали Тиффани, или Стефани, или Бриттани — я действительно не запомнил, да и не пытался, если честно) была ошибкой, причём ошибкой, которую я совершил ещё в прошлом семестре и которую, видимо, мне суждено повторять снова и снова, как заезженную пластинку, пока я наконец не пойму, что случайные связи в кофейнях посреди бела дня — это не то, чем стоит гордиться двадцатидвухлетнему мужику.

— Это была не... — я осёкся, понимая, что любые оправдания прозвучат жалко. — Забудь. Просто забудь, Ашер.

— Забыл, — Кай картинно провёл ладонью перед лицом, изображая стирание памяти, как в «Людах в чёрном». — Уже забыл. Никаких блондинок не было. Ты провёл утро в молитвах и размышлениях о смысле жизни. Но если серьёзно, — он внезапно посерьёзnel, что случилось с ним примерно раз в полгода и всегда предвещало что-то важное, — ты в курсе, что Блэкмор была там же? Со своей подругой. Они вошли как раз в тот момент, когда твоя пассия запрыгнула на тебя, как на батут. Я думал, Блэкмор тебя взглядом испепелит на месте, честное слово, у неё было такое лицо, будто она сейчас подойдёт и выльет тебе кофе на голову.

Я замер. Блэкмор. Ребекка Блэкмор была в «У Бинса»? Когда Тиффани-Стефани-как-её-там устроилась у меня на коленях и...

Чёрт.

Я скривился, чувствуя, как внутри поднимается знакомая

волна глухого раздражения. Не потому, что меня застукали — плевать я хотел, кто и что обо мне думает, особенно если этот кто-то — Ребекка Блэкмор с её вечно осуждающим взглядом и манерой смотреть на меня так, будто я таракан, которого она обнаружила в своей тарелке. Нет, раздражение было вызвано другим: тем, что она опять оказалась там, где её не должно было быть, опять всплыла на периферии моего дня, как заноза, которую невозможно вытащить, опять смотрела на меня — а я её даже не заметил, был слишком занят этой гребаной блондинкой, — и теперь, гарантированно, при встрече она будет цедить сквозь зубы «Деверо» с той особенной интонацией, от которой у меня каждый раз сводило челюсть.

— И что? — я пожал плечами с тем наигранным безразличием, которое, кажется, никого никогда не обманывало. — Пусть смотрит. Может, ей понравилось.

— О да, — Кай ухмыльнулся, — ей очень понравилось. Особенно тот момент, когда она скривилась так, будто у неё разом заболели все зубы. Слушай, что у вас с ней вообще за история? Вы же постоянно цапаетесь, как два кота в одном дворе. Ты её бесишь, она тебя бесит, вы друг друга на дух не переносите — и при этом каждый раз, когда ваши тренировки пересекаются, вы умудряетесь устроить перепалку на глазах у обеих команд. Тренер в прошлый раз сказал, что если ты ещё раз накричишь на черлидерш, он заставит тебя отрабатывать подачи до полуночи.

Я поморщился — на этот раз не от воспоминания о кофейне, а от воспоминания о прошлой совместной тренировке, когда Блэкмор, стоя на пирамиде, заметила, что я смотрю в их сторону (я не смотрел, я просто проверял, не мешают ли они нашей отработке, это разные вещи), и крикнула мне через всё поле: *«Деверо, если ты ещё раз будешь пялиться, я попрошу Хлою включить в программу твоё чучело — будет мишенью для наших акробатических бросков!»* Вся моя команда ржала, включая Кая и Деклана, а я стоял и думал о том, как сильно эта девушка умеет испортить мне настроение одной-единственной фразой.

— Никакой истории, — отрезал я. — Просто она невыносима. Вечно лезет, вечно язвит, вечно смотрит так, будто я лично ей чем-то обязан. Достала.

— Ну да, ну да, — Кай кивнул с тем самым выражением, которое означало, что он не верит ни единому моему слову. — А то, что ты её называешь «Бешеная Бекс», — это, конечно, от большой нелюбви.

— Её так вся команда называет, — возразил я. — Потому что она реально бешеная. Ты помнишь, как она в прошлом месяце чуть не врезала Маттео, когда он случайно задел её сумку на скамейке? Она реально развернулась и замахнулась, и если бы Хлоя её не удержала, Маттео ходил бы с фингалом до конца семестра. Или как она накричала на Ноа, когда он попытался с ней флиртовать? Я думал, она его живьём съест — бедный Грей потом неделю шараялся от

черлидерш, как от чумы, и повторял, что лучше иметь дело с линейными защиты «Алабамы», чем с Ребеккой Блэкмор в гневе.

— Да, — Кай мечтательно улыбнулся, явно наслаждаясь воспоминаниями о том инциденте, — это было прекрасно. Ноа до сих пор крестится, когда видит её на горизонте. И, кстати, она ему ещё и сказала что-то вроде «если ты ещё раз приблизишься ко мне со своим одеколоном из дешёвого супермаркета, я заставлю тебя нюхать формалин, в котором я храню кальмаров». Кальмаров, Рей! У неё в лаборатории кальмары в формалине! Это же гениально.

Вот это и бесило меня больше всего — не то, что она была грубой или вспыльчивой, а то, что в ней всё это сочеталось с каким-то совершенно неуместным чувством юмора, которое она использовала как оружие, и с абсолютной, непробиваемой уверенностью в собственной правоте, которая заставляла её смотреть на меня свысока, даже когда она стояла на три головы ниже. Я не знал ни одной другой девушки, которая могла бы так выводить меня из себя — не своей внешностью, не своим поведением, а самим фактом своего существования, — и при этом умудрялась появляться везде, где я был: на стадионе, когда у нас были совместные тренировки (и мы вечно мешали друг другу, черлидерши со своими пирамидами и мы со своими отработками, и тренер уже устал нас растаскивать), в «Пицце Фрэнка», в «У Бинса», на общих университетских мероприятиях, куда я ходил только

потому, что того требовал контракт, а она — потому что ей, видимо, доставляло удовольствие портить мне вечера.

— Ладно, хватит о Блэкмор, — я мотнул головой, возвращаясь к реальности и к тому факту, что Кай всё ещё сидел на моём стуле и смотрел мой стрим. — Она меня не интересуется ни в каком качестве, кроме как в качестве главной головной боли этого семестра. Давай лучше о деле. Ты смотрел записи игры «Уайлдкэтс»?

— Смотрел, — Кай скорчил гримасу, которая означала, что записи ему не понравились. — У них новый квотербек — здоровенный парень, шесть и четыре фута чистого кошмара, с руками как кувалды. Если наша защита не справится, он нас просто раскатает по полю, как тесто для пиццы. И, Рей, я серьёзно: на прошлой игре он сделал три тачдауна за первую четверть. ТРИ. За четверть.

— Значит, надо, чтобы защита справилась, — я скрестил руки на груди, чувствуя, как раздражение от разговора о Блэкмор постепенно сменяется тем привычным, сосредоточенным напряжением, которое всегда предшествовало важным играм. — Астор говорит, у них слабый левый фланг. Если мы пробьём их там пару раз в начале, они начнут нервничать и ошибаться. Ну, а если не пробьём... — я пожал плечами, — тогда придётся импровизировать.

— Обожаю, когда ты говоришь «импровизировать», — Кай наконец слез с моего стула и направился к холодильнику за новой порцией кофе, — это обычно означает, что мы

все умрём, но красиво, под твои гениальные пасы, которые никто, кроме тебя, не понимает.

Входная дверь хлопнула, и в кухню влетел запыхавшийся Деклан — его рыжие волосы прилипли ко лбу, футболка промокла от пота, а на лице застыло выражение человека, который только что пробежал пять миль и теперь искренне сожалел о каждом своём жизненном выборе, который привёл его к этому моменту.

— Я вернулся, — выдохнул он, хватаясь за спинку стула и пытаюсь отдышаться. — Что я пропустил?

— Рейвен тут рассказывал, как сильно его раздражает Блэкмор, — немедленно сообщил Кай, даже не дав мне возможности открыть рот. — Говорит, она его главная головная боль семестра.

— А, — Деклан понимающе кивнул, вытирая пот со лба краем футболки. — Бешеная Бекс. Ну, тут я его понимаю. Я вообще вчера чуть не поседел — возвращался со стадиона после тренировки, смотрю: идёт Розали Брэхем со своей вечной свитой, Офелией и Дживаной, и они как раз поравнялись с тем местом, где черлидерши свою пирамиду отработывали. Ну, Розали что-то лягнула — я не расслышал, что именно, но судя по тому, как Блэкмор напряглась на верхушке, что-то особенно мерзкое. И вот я даже моргнуть не успел — а она уже спрыгнула с этой своей пирамиды и понеслась на Розали, как ракета с тепловым наведением.

— Спрыгнула, — подтвердил Кай с явным удовольстви-

ем, словно пересказывал лучший эпизод любимого сериала. — Влепила ей пощёчину — такую, что эхо по всему стадиону, — а потом ещё и коленом в живот добавила, когда Розали попыталась вцепиться ей в волосы. Я слышал, Брэхем потом в раздевалке рыдала и угрожала пожаловаться декану, но передумала — то ли улик не хватило, то ли стыдно стало признаваться, что её, королеву универа, отделала черлидерша ростом на голову ниже. Вроде как из-за Уокера. И если это правда из-за него, то Уокеру я не завидую — с такой, как Блэкмор, лучше не связываться, себе дороже.

Я хмыкнул, поднося к губам стакан с водой и чувствуя, как внутри разливается что-то среднее между злорадством и невольным уважением. Брэхем давно напрашивалась — эта девица с её вечным «*я-королева-а-вы-все-плебеи*» бесила даже меня, хотя я с ней практически не пересекался, — и то, что Блэкмор наконец поставила её на место, было... ну, справедливо. Не то чтобы я собирался хвалить Бешеную Бекс за это вслух, но про себя отметил: удар у неё поставлен неплохо. Для черлидерши. Для человека, который проводит больше времени на пирамидах, чем на земле.

— Ладно, хватит болтать, — я поставил стакан в раковину и потянулся, разминая затёкшие после сна плечи. — У нас тренировка через два часа, а я ещё должен просмотреть записи и составить пару схем для тренера. Если мы хотим выиграть у «Уайлдкэтс», нам нужно быть готовыми ко всему.

— «Ко всему» — это включая Бешеную Бекс в автобусе

до Тусона? — не унимался Кай. — Потому что, насколько я слышал, черлидерши едут с нами на выезд.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как челюсть снова начинает сжиматься от одной только мысли об этом: семь часов в автобусе, Ребекка Блэкмор где-то на соседнем ряду, её смех, её голос, её манера бросать на меня уничтожающие взгляды через весь салон — и её Уокер, светловолосый хоккеист с голубыми глазами и улыбкой идиота, который, по слухам, уже пригласил её на этот выезд как на свидание.

Нет, это не ревность. Это просто здравый смысл: никто не хочет проводить семь часов в компании человека, который действует тебе на нервы одним своим видом.

— Я сяду в передней части автобуса, — сказал я, подхватывая ноутбук и направляясь к выходу из кухни, пока Кай не добавил ещё что-нибудь про Блэкмор, её глаза, её волосы или её дурацкие пирамиды. — Подальше от группы поддержки, подальше от хоккеистов, подальше от всего этого цирка.

— Конечно, Рей, — донеслось до меня в спину. — Подальше. Именно поэтому ты уже третий раз за утро упоминаешь её фамилию — чтобы быть подальше. Очень логично.

Я не ответил — просто вышел в коридор, чувствуя, как внутри клокочет то самое раздражение, которое всегда появлялось, когда кто-то — особенно Кай — пытался найти в моём отношении к Блэкмор что-то большее, чем простую, незамутнённую антипатию. Никакого «большого» не было.

Она меня бесила, я бесил её, и это было прекрасное, устойчивое положение вещей, которое не требовало ни изменений, ни анализа, ни дурацких теорий Кая о «симптомах отрицания влечения». Мы были врагами — или, если угодно, соперниками, — и я предпочитал, чтобы так всё и оставалось. Потому что врага проще держать на расстоянии. Потому что врагу не нужно ничего объяснять. Потому что враг — это понятная, чёткая категория, а всё, что выходит за её пределы, грозило той самой неопределённостью, с которой я совершенно не хотел иметь дело.

Тренировка в этот день выдалась жёсткой — тренер, видимо, тоже был не в духе, потому что гонял нас до седьмого пота, отработывая схемы защиты против «Уайлдкэтс», которые, по его словам, «сожрут нас с потрохами, если мы будем играть так же расхлябанно, как в прошлом матче, где вы, Деверо, чуть не прозевали перехват, а вы, Ашер, бегали по полю, как курица с отрубленной головой». Кай на это заявление обиженно засопел, но промолчал — с тренером спорить было себе дороже, — а я просто кивал и запоминал схемы.

Черлидерши тренировались на другом конце поля — я слышал их крики, слышал, как Хлоя отдаёт команды, слышал отдалённый топот кроссовок по покрытию, — и пару раз, когда наша пробежка пересекалась с их зоной, я краем глаза замечал каштановый хвост Блэкмор, мелькавший где-то на уровне третьего яруса пирамиды. Она, разумеется, даже не смотрела в нашу сторону — была слишком занята тем,

чтобы не рухнуть с трёхметровой высоты, — и я, разумеется, тоже не смотрел на неё. Просто так совпадало, что мой взгляд каждый раз падал именно туда, где была её фигура, — чистая случайность, геометрия поля, ничего личного.

— Деверо! — голос тренера выдернул меня из размышлений о геометрии. — Ты куда смотришь?! Мяч ловить надо, а не черлидерш разглядывать!

Я поймал мяч, который прилетел мне в грудь с той скоростью, с какой обычно летят снаряды из пушки, и услышал, как Кай сдавленно хрюкнул где-то за спиной, пытаясь подавить смех. Вот же засранец.

После тренировки, когда мы, мокрые, уставшие и пропахшие потом, собирали инвентарь и перебрасывались шутками про предстоящую поездку, ко мне подошёл Элиас. Он выглядел... другим. Не таким, как обычно, — обычно Элиас был спокойным, собранным, тем самым парнем в команде, который всегда держал себя в руках и редко давал волю эмоциям, а сейчас он как-то неуверенно переминался с ноги на ногу и смотрел куда-то в сторону, где черлидерши сворачивали свои маты после тренировки.

— Рейвен, — сказал он, понижая голос, — ты не знаешь, подруга Блэкмор, Ив Равенна, она поедет на выезд?

Я удивлённо поднял брови. Ив Равенна — та самая темнокожая красавица с острым языком и афро-кудрями, лучшая подруга Блэкмор и, по совместительству, девушка, с которой Элиас провёл полвечера в «Пицце Фрэнка», — судя

по всему, произвела на него куда более сильное впечатление, чем я думал.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — А что?

— Да так, — Элиас пожал плечами, но его щёки слегка потемнели — удивительное зрелище для человека, которого я привык считать непробиваемым. — Просто интересно. Она... интересная.

— Интересная, — повторил я с усмешкой. — Норт, смотри, если ты начнёшь встречаться с подружкой Бешеной Бекс, имей в виду: это означает, что ты автоматически попадаешь в зону поражения. Блэкмор тебя живьём съест, если ты обидишь её лучшую подружку.

— Я не собираюсь её обижать, — пробормотал Элиас, и это «не собираюсь» прозвучало настолько серьёзно, что я даже не стал продолжать шутку. Похоже, он действительно влип.

— Ну, удачи тебе, — сказал я, хлопнув его по плечу. — Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Он кивнул, всё ещё глядя куда-то в сторону поля, где фигура Ив — высокая, с облаком афро-кудрей — мелькала рядом со скамейками, и я оставил его наедине с его размышлениями, которые, судя по выражению его лица, были куда более приятными, чем мои собственные мысли о предстоящем выезде, где в одном автобусе со мной окажется Ребекка Блэкмор — Бешеная Бекс, главная моя головная боль, девушка, которая умела взбесить меня одним взглядом, — и я

ничего не мог с этим поделать, кроме как сидеть в передней части автобуса и делать вид, что её не существует.

Семь часов в дороге. Семь часов в замкнутом пространстве с Блэкмор, Уокером, черлидершами и всей командой. Это обещало быть интересным — в том смысле, в каком «интересным» бывает наблюдение за извержением вулкана с близкого расстояния.

Гребаный ад. И почему всё должно быть так сложно?

Глава 5. Точка опоры

Ты можешь сколько угодно убеждать себя, что идёшь на этот курс исключительно ради академического интереса, что платье выбрано случайно, что волосы уложены просто так, без задней мысли, — но когда ты переступаешь порог аудитории и видишь знакомый затылок в третьем ряду, ты понимаешь без всяких формул и диаграмм: эта война только что перешла на новый уровень, и точка опоры, которую ты так долго искала, находится не в центре тяжести твоего тела, а где-то между гордостью и желанием, которые пока уравнивают друг друга, но надолго ли хватит этого равновесия — не знает никто.

Рёна Окацуки

Ребекка

Всё началось месяц назад, в середине сентября, когда декан факультета — сухой, как гербарий, мужчина по фамилии Гринберг, которого я видела ровно два раза за всё время обучения и оба раза пожалела об этом, — разослал старостам групп циркуляр, составленный таким бюрократическим языком, что мы с Ив потратили сорок минут, просто чтобы расшифровать, чего от нас хотят. Если отбросить все эти «в соответствии с академической политикой», «в целях междисциплинарной интеграции» и «студентам настоятельно ре-

комендуется», смысл сводился к простому и безжалостному факту: каждый студент обязан записаться на один дополнительный курс из предложенного списка, не связанный напрямую с основной специализацией, — такая вот местная форма пытки, которую деканат, видимо, придумал от скуки и желания усложнить нам жизнь.

— Биомеханика, — произнесла Ив, водя пальцем по экрану своего планшета, когда мы сидели на моей кровати, скрестив ноги и обложившись распечатками списка доступных курсов, от одного вида которых у меня начиналась мигрень. — Биомеханика, Бекка. Смотри: прикладная дисциплина, изучает движение живых организмов с точки зрения физики и механики, практические занятия, лабораторные работы, совместные проекты. Разве не прелесть?

— Прелесть? — я уставилась на неё с тем выражением лица, с каким обычно смотрят на человека, предложившего съесть живого таракана. — Ив, мы морские биологи. Морские. Мы изучаем существ, которые живут в воде. У которых нет костей, или кости хрящевые, или они вообще беспозвоночные. Зачем нам биомеханика? Это для спортивных качков, которые хотят оптимизировать свои подачи! Ты хоть представляешь, как биомеханика кальмара может пригодиться нам в будущем? Да никак! Это просто потеря времени!

— Во-первых, — Ив отложила планшет и загнула мизинец с маникюром, который сегодня был глубокого бордового

цвета, — биомеханика кальмара очень даже пригодилась бы тебе на курсовой по нервной системе головоногих, которую ты, напомню, сейчас дописываешь и над которой ты рыдала три дня подряд, потому что не могла объяснить принцип реактивного движения. А во-вторых, — она загнула безымянный палец, и на её лице расцвела та самая улыбка, которая обычно предшествовала аргументу, против которого у меня не было защиты, — на этот курс записываются все спортивные факультеты. Все, Бекка. И футболисты, и хоккеисты, и легкоатлеты. То есть там будет Элиас. И, возможно, — она загнула средний палец с особой, подчёркнутой многозначительностью, — Кейд.

Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли где-то в горле, потому что аргумент про Кейда — пусть я ни за что не призналась бы в этом вслух — обладал сокрушительной силой. Кейд Уокер, чьи сообщения я перечитывала каждое утро, как ритуал. Кейд Уокер, который сказал «я надеюсь, ты займёшь место рядом со мной». Кейд Уокер, чья задница — *стоп, Ребекка, соберись, ты не должна думать о его заднице, это неприлично и вообще не то, о чём думают приличные девушки в четверг вечером.*

— Ладно, — сдалась я, чувствуя, как мои принципы рушатся под натиском одного-единственного хоккеиста с голубыми глазами, — но я всё ещё считаю, что биомеханика кальмара — это идиотизм.

— Вот и славно, — Ив просияла и захлопнула планшет с

видом генерала, только что выигравшего решающую битву. — Мы идём на биомеханику. И не волнуйся — я уже проверила расписание, этот курс ведёт профессор Накамура, а про него говорят, что он довольно мягкий и не любит заваливать студентов на экзаменах. Если повезёт, мы просто отсидимся в заднем ряду, получим зачёт и забудем об этом кошмаре навсегда.

Если бы я знала тогда, чем обернётся этот «кошмар» и кто именно будет сидеть в том самом заднем ряду вместе с нами, я бы, наверное, ударила Ив подушкой по голове и заставила нас записаться на что-нибудь другое — на историю искусств, на философию, на макраме, чёрт возьми, на что угодно, кроме курса, который соберёт в одной аудитории меня, Ребекку Блэкмор, и Рейвена Деверо. Но я не знала — или, точнее, не хотела думать об этом, — и поэтому субботним утром, когда солнце над Финиксом только начало набирать свою обычную октябрьскую ярость, а воздух за окном пах пылью и далёким дымом от чьего-то барбекю, я стояла перед нашим зеркалом и придиричиво разглядывала своё отражение, примеряя уже третье платье за утро.

Первое было слишком простым — белая рубашка без рукавов, которая делала меня похожей на официантку, и я сняла её через десять секунд после того, как надела. Второе — слишком тёмным, какая-то траурная хламида, в которой я выглядела так, будто собралась на похороны, а не на пару. Третье — то, что было на мне сейчас, — казалось почти иде-

альным: лёгкое, струящееся, цвета топлёного молока, с тонкими бретелями, открывающими плечи и ключицы, и юбкой, которая заканчивалась чуть выше колена — ровно настолько, чтобы выглядеть женственно, но не вызывающе. Я покрутилась перед зеркалом, оценивая, как ткань колышется вокруг бёдер, осталась довольна и перешла к волосам.

Сегодня я потратила на них сорок минут — сорок минут драгоценного утреннего времени, которое я могла бы потратить на сон, или на завтрак, или на что угодно другое, но вместо этого я стояла перед зеркалом с плойкой в руке, создавая мягкие волны, которые теперь спускались ниже плеч, поблёскивая в утреннем свете, как шёлк. Никаких хвостов, никаких пучков — только свободные, рассыпающиеся по спине пряди, которые я закрепила лишь парой невидимок у висков, чтобы не лезли в лицо. Потом пришёл черёд украшений: тонкая цепочка с кулоном в виде морской звезды (подарок родителей на окончание школы, сентиментальный и совершенно не подходящий к случаю, но мне было плевать), маленькие серьги-гвоздики с янтарём (под цвет глаз, как говорила мама, и в кои-то веки мама была права) и браслет из ракушек, который я привезла из последней поездки на побережье и который позвякивал при каждом движении, как миниатюрный оркестр. Последним штрихом стали туфли — не кроссовки, не кеды, а настоящие туфли на небольшом каблучке, бежевые, с открытым мыском, те самые, которые я купила на распродаже ещё летом и ни разу не надевала, потому

что в них было неудобно ходить по кампусу, но сегодня — сегодня я была готова терпеть.

Я выпрямилась, отошла на шаг от зеркала и окинула себя взглядом — от макушки до кончиков туфель, — чувствуя, как внутри разливается то самое тепло, которое бывает только тогда, когда ты знаешь, что выглядишь хорошо. Не «нормально», не «сойдёт», а действительно хорошо, как девушка, которая потратила сорок минут на волосы не зря.

Ив, которая всё это время сидела на своей кровати в позе портного, скрестив ноги и нанося последний слой блеска на губы, подняла голову, перевела взгляд на меня — и присвистнула, тем самым низким, протяжным свистом, каким обычно подзывают такси или комментируют проходящую мимо красотку.

— Ты собираешься сегодня завалить в постель Кейда или мне кажется? — спросила она, откладывая блеск в сторону и поднимаясь с кровати, чтобы обойти меня по кругу, как акула, оценивающая добычу. — Потому что то, как ты выглядишь в этом платье... уф-ф... — она потрясла кистью руки, изображая то ли ожог, то ли нервный тик, то ли высшую степень одобрения, доступную человеку её темперамента.

— А сама-то себя видела? — парировала я, скрещивая руки на груди и кивая в её сторону. — По-моему, это как раз ты собираешься завалить Элиаса. Эти шорты, которые практически не закрывают твою задницу... но, благо, твоя футболка хоть что-то прикрывает.

Ив опустила взгляд на свой наряд с тем же выражением, с каким художник смотрит на своё творение: шорты из лёгкого денима, действительно короткие — такие, что край карманов выглядывал снизу, — и свободная белая футболка, которая сейчас была просто футболкой, но через секунду...

— Ошибаешься, Миннесота, — произнесла она, и её пальцы ловко подхватили нижний край футболки, завязывая его в аккуратный узел прямо под грудью.

Ткань натянулась, открывая полоску рельефного живота — Ив, в отличие от меня, не занималась черлидингом, но её тело было результатом ежедневных пробежек и часов, проведённых в университетском спортзале, и она знала об этом, и она знала, что другие тоже об этом знают, — и теперь этот узел, этот крошечный, казалось бы, незначительный жест, превратил её из «просто симпатичной девушки» в «девушку, которая заставляет оборачиваться».

— Вот теперь точно неприлично, — хмыкнула она, разглядывая себя в зеркале поверх моего плеча, и её улыбка была улыбкой женщины, которая точно знает, что делает, и точно знает, какой эффект это произведёт.

— Боже, ну ты и шлюшка, — выдохнула я, но в моём голосе не было ни капли осуждения — только чистое, незамутнённое восхищение, смешанное с лёгкой завистью, потому что Ив могла позволить себе такое, а я — нет, или, по крайней мере, мне так казалось.

— О да, детка, — Ив подмигнула мне в зеркало и плавно

развернулась на пятке босой ноги (она ещё не обулась — её босоножки на танкетке ждали своего часа у входа, и я знала, что когда она их наденет, её рост приблизится к ста восьмидесяти сантиметрам, что делало её выше большинства парней в кампусе, — ещё один пункт в списке «почему Ив Равенна — это оружие массового поражения»). — Надень платье покороче.

— Куда ещё короче? — я возмущённо всплеснула руками, потому что платье и без того было достаточно коротким: когда я стояла прямо, оно доходило до середины бедра, а когда я садилась или, упаси боже, наклонялась, грозило продемонстрировать окружающим куда больше, чем я планировала. — Оно и так короткое, стоит наклониться вперёд — и всё непристойное открывается.

— Миннесота, — Ив положила руку мне на плечо и заглянула в глаза с той серьёзностью, с какой врачи сообщают диагноз, — называй вещи своими именами. Задницу. И стринги.

— Именно, — я щёлкнула пальцем, указывая на неё с видом человека, который только что выиграл спор, хотя, если разобраться, спора никакого не было. — Именно задницу и именно стринги. И я не хочу, чтобы первый день биомеханики запомнился всем как «тот день, когда Блэкмор наклонилась за упавшей ручкой и вся аудитория увидела то, что не следовало».

— Ну, — Ив наконец отошла от зеркала и направилась к

своим босоножкам, — по крайней мере, это был бы запоминающийся первый день. И, уверена, Кейд бы оценил. Особенно ту часть, которая про стринги.

Я закатила глаза так сильно, что они чуть не остались в этом положении навсегда, и потянулась за своим рюкзаком — маленьким, кожаным, который я купила специально для таких случаев, когда нужно было выглядеть не как студентка, а как девушка, у которой есть стиль. Бросив в него блокнот, ручку, телефон, ключи от машины и тюбик с гигиенической помадой (на случай, если губы пересохнут от нервов — а я подозревала, что так и будет), я перекинула лямку через плечо и повернулась к двери, где меня уже ждала Ив, обутая в свои босоножки, от которых её рост действительно взлетел до небес, и с солнечными очками на макушке, потому что за окном, несмотря на октябрь, солнце всё ещё палило так, словно на дворе был июль.

— Готова? — спросила она, и в её голосе прозвучал тот самый азарт, который всегда предшествовал чему-то интересному — или опасному, что в случае с Ив было примерно одним и тем же.

— Готова, — ответила я, хотя внутри всё трепетало от смеси предвкушения и страха. Предвкушения — потому что где-то в этом же здании, в этой же аудитории, возможно, будет Кейд, и он увидит меня в этом платье, с этими волосами, в этих туфлях, и, может быть, его взгляд задержится на мне чуть дольше, чем позволяют приличия, и, может быть, он

улыбнётся той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени ещё на парковке. Страх — потому что где-то в этом же здании, в этой же аудитории, возможно, будет Рейвен Деверо, и он увидит меня в этом платье, с этими волосами, в этих туфлях, и обязательно скажет что-нибудь язвительное, от чего моё хорошее настроение разлетится вдребезги, как стекло от удара камнем.

Мы вышли в коридор, где уже кипела утренняя жизнь общежития: из-за соседней двери доносился смех, где-то играла музыка, а в конце коридора две девушки в пижамах обсуждали что-то, энергично жестикулируя и явно забыв, что они вообще-то собирались идти на пары. Лампы дневного света гудели всё так же, как и всегда, половицы скрипели всё так же, как и всегда, но сегодня всё это казалось другим — более ярким, более насыщенным, как будто кто-то прибавил контрастности в настройках реальности.

— Как думаешь, — спросила Ив, когда мы спускались по лестнице (лифт опять был занят, и из него доносились звуки, похожие на борьбу с мебелью), — мы попали в одну группу?

— Должны, — ответила я, хотя внутри свернулся холодный узелок сомнения. — Мы же регистрировались вместе, в одно и то же время, через один и тот же портал. Если нас раскидали по разным группам, это будет... это будет дерьмо, Ив. Полное дерьмо.

— Потому что ты не хочешь сидеть на биомеханике одна, без моей моральной поддержки и моих комментариев про

задницу Кейда?

— И это тоже, — согласилась я, распахивая входную дверь общежития и выходя в горячее октябрьское утро, где воздух пах пылью, бензином, жасмином и обещанием дня, который ещё даже не начался, но уже обещал быть длинным, странным и, возможно, судьбоносным. — Но в основном потому, что если нас раскидали, тебе достанется Элиас, а мне — Рейвен Деверо, и я этого не переживу. Я буквально этого не переживу, Ив, это будет конец моей академической карьеры, потому что я либо убью его, либо он меня, либо нас обоих выгонят за драку прямо в аудитории.

— Не драматизируй, — Ив поправила очки на макушке и взяла меня под руку, увлекая по дорожке в сторону учебного корпуса, где на втором этаже, в аудитории 207, через тридцать минут должна была начаться наша первая пара по биомеханике. — Во-первых, ты не знаешь, попадёт ли Деверо в нашу группу — на курс записались, наверное, человек сто, их наверняка разбили на подгруппы, и шанс, что вы окажетесь в одной, — он не то чтобы огромен. А во-вторых, даже если он там будет, ты просто проигнорируешь его. Сядешь подальше, будешь смотреть на Кейда, делать вид, что Деверо не существует, — что может быть проще?

— Ты права, — вздохнула я, хотя внутри всё равно копошилось то самое предчувствие, которое я научилась распознавать за годы общения с Ив: предчувствие того, что её «проще простого» обернётся катастрофой эпических мас-

штабов. — Ты права. Может, он вообще в другую группу попал. Может, все футболисты попали в другую группу. Может, мне вообще не о чем волноваться.

— Именно, — Ив ободряюще сжала мой локоть. — И вообще, думай о Кейде. О его голубых глазах. О его заднице. О том, как он скажет: «Блэкмор, ты сегодня потрясающе выглядишь», и ты ответишь ему чем-то остроумным, что ты, надеюсь, уже придумала заранее, потому что твои импровизации обычно сводятся к «а... э... спасибо» и пунцовым щекам.

Я рассмеялась — и смех получился искренним, лёгким, разгоняющим тучи моего дурного предчувствия, — и мы ускорили шаг, потому что до начала пары оставалось двадцать пять минут, а нам ещё предстояло найти аудиторию 207, которая, по слухам, находилась где-то в конце коридора, за пожарной лестницей, в том крыле здания, куда обычно никто не ходил без особой нужды.

Корпус спортивных наук встретил нас запахом хлорки, резиновых матов и чем-то отдалённо напоминающим пот — запахом, который был неизбежен в здании, где тренировались спортсмены всех мастей, и который я за два года учёбы уже научилась игнорировать. Коридоры здесь были шире, чем в нашем корпусе естественных наук, а стены увешаны плакатами с изображениями знаменитых выпускников в спортивной форме и мотивационными цитатами типа «Боль — это слабость, покидающая тело» и «Чемпионами не рождают-

ся — чемпионами становятся», и от всего этого веяло той особенной атмосферой, которую я всегда ассоциировала со стадионом, с тренировками, с потом, с криками тренера и с запахом свежескошенной травы.

Мы поднялись на второй этаж, прошли мимо пожарной лестницы — и упёрлись в дверь аудитории 207, которая была приоткрыта, и изнутри доносился приглушённый гул голосов. Я остановилась, переводя дыхание и поправляя волосы, которые немного растрепались после быстрой ходьбы, и бросила быстрый взгляд на Ив, которая ответила мне таким же взглядом — взглядом, который говорил: «Ну, вот и всё. Сейчас мы узнаем, кто внутри. И молимся, чтобы это был Элиас, а не Деверо».

Я толкнула дверь, и мы вошли.

Аудитория 207 оказалась куда больше, чем я себе представляла: просторное помещение с рядами столов, поднимающихся амфитеатром к дальней стене, с огромными окнами, выходящими на спортивный стадион (через которые сейчас лился тот самый неумолимый аризонский свет, заставлявший щуриться и жалеть о забытых в общежитии очках), и с целой толпой студентов, сгрудившихся внизу, возле преподавательского стола, за которым стоял профессор Накамура — невысокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти с седыми висками и планшетом в руках, который он держал так, словно это был не гаджет, а пульт управления космическим кораблём, — и, судя по тому, как внимательно он взгляды-

вался в экран, распределение по группам только началось.

Мы с Ив пристроились у входа, стараясь не привлекать внимания и одновременно пытаясь разглядеть в этом скоплении народа знакомые лица, — но народу было так много, что отдельные фигуры сливались в одну пёструю, гудящую массу, и я различала только затылки, рюкзаки, чьи-то руки с бутылками воды и чей-то смех, доносившийся откуда-то из середины толпы, — а потом Накамура откашлялся, поправил очки на носу и начал зачитывать фамилии с той монотонной, ритмичной интонацией, которая бывает только у людей, проделывавших это сотни раз и уже не нуждающихся в паузах между словами.

— ...Чан, Кингстон, Фитцшер, Йонхансен — в двести двенадцатую аудиторию, — произнёс он, и десять человек, стоявших ближе всех к столу, тут же пришли в движение: зашелестели рюкзаки, затопали кроссовки, кто-то что-то спросил у соседа, кто-то уже направился к выходу, и через минуту в толпе образовалась заметная брешь, словно кто-то выдернул из пазла десяток кусочков разом.

— Грей, Стерлинг, Вальтер, Моретти, Холт, Кроу, Ривз, Беллини, Коста, Прайс — в двести тринадцатую.

Я вздрогнула, услышав первые две фамилии. Грей. Стерлинг. Ноа Грей и Калев Стерлинг — оба из команды Деворо, оба третьекурсники, оба футболисты, — и когда они, перебрасываясь какими-то шуточками, которые я не расслышала, но которые вызвали смех у окружающих, двинулись к

выходу в составе своей десятки, я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло — то ли облегчение, то ли тревога, то ли и то и другое одновременно, потому что если Грей и Стерлинг попали в другую группу, то где же тогда...

— И Кейн, Найт, Синклер, Локвуд, Хантер, Кейдж, Ферраро, Д'Анджело, Ли, Хьюго — в двести четырнадцатую аудиторию, — Накамура оторвал взгляд от планшета и обвёл глазами оставшихся студентов, которых всё ещё было прилично — человек тридцать, не меньше, — и добавил с той суховатой, чуть усталой улыбкой, которая бывает у людей, привыкших к хаосу и научившихся находить в нём порядок: — Остальные — те, кого не назвал, — остаются здесь. Я буду курировать вашу группу на этот семестр.

Толпа снова зашевелилась, и я почувствовала, как внутри нарастает паника — быстрая, холодная, как вода из-под крана в январе, — потому что названные фамилии пролетели мимо моих ушей, и я не была уверена, прозвучали ли среди них «Блэкмор» и «Равенна», и если да, то в какую аудиторию нам идти, и почему мы всё ещё здесь, и вообще, как мы умудрились пропустить собственные фамилии, если они были — а если не были, то...

Ив, которая, кажется, испытывала те же сомнения, что и я (и которая, в отличие от меня, не стеснялась задавать вопросы даже профессорам), сделала шаг вперёд и подняла руку с той грацией, с какой послы поднимают руку на международных саммитах, призывая к вниманию.

— Эм, профессор Накамура! А Равенна и Блэкмор — в какой аудитории? Мы просто... пропустили, кажется.

Накамура опустил глаза в свой планшет, провёл пальцем по экрану — быстро, профессионально, без той мучительной медлительности, которая бывает у людей, не умеющих обращаться с техникой, — и через несколько секунд поднял взгляд на нас, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, смешанное с лёгким любопытством, как будто он уже предвидел, что эти две девушки, только что ворвавшиеся в его аудиторию, доставят ему немало хлопот в ближайшие месяцы.

— В этой, — ответил он коротко, и его палец указал на свободные ряды за нашими спинами. — Присаживайтесь на свободные места, девушки. Пара начинается через пять минут.

— Спасибо, — Ив улыбнулась той самой улыбкой, которая могла растопить айсберг и заставить строгого профессора простить опоздание на полчаса, и я, всё ещё чувствуя, как колотится сердце после этой маленькой паники, быстро оглядела аудиторию.

В первую секунду я искала Кейда — его светлые волосы, его широкие плечи, его профиль, который я научилась узнавать из тысячи даже на расстоянии, — и не нашла. Во вторую секунду я поняла, что Кейда здесь нет, что он, должно быть, попал в одну из тех семи аудиторий, куда только что отправили семь десятков студентов, и что единственный шанс уви-

деть его на этой паре — если бы он оказался в нашей группе — только что растаял, как утренний туман над пустыней. Разочарование накрыло меня тёплой, душной волной — не катастрофическое, не такое, от которого хочется плакать или крушить мебель, но достаточно ощутимое, чтобы мои плечи опустились, а вздох, вырвавшийся из груди, получился чуть более тяжёлым, чем я планировала.

Но, как выяснилось в следующую же секунду, разочарование было не единственным чувством, которое мне предстояло испытать этим утром. Потому что, скользя взглядом по лицам оставшихся в аудитории студентов — тем, кого не называли и кто, следовательно, будет сидеть здесь весь семестр под чутким руководством профессора Накамуры, — я наткнулась на знакомую фигуру в третьем ряду, и моё сердце, которое только что тоскливо сжалось от отсутствия Кейда, внезапно рухнуло в пятки.

Рейвен Деверо.

Он сидел, развалившись на стуле с той вальяжной небрежностью, которая была его фирменным стилем, вытянув длинные ноги в проход и скрестив руки на груди, и смотрел прямо на меня — смотрел, судя по всему, уже какое-то время, потому что его карие глаза были прищурены, а на губах играла та самая ухмылка, которую я ненавидела больше всего на свете: ухмылка человека, который только что стал свидетелем чужого промаха и теперь наслаждается моментом. Рядом с ним, на соседнем стуле, полубоком сидел Кай Ашер,

который тоже заметил нас и теперь махал рукой с энтузиазмом человека, встретившего старых друзей на необитаемом острове, а чуть поодаль, через два ряда от них, я разглядела Элиаса Норта — он сидел прямо, как натянутая струна, и смотрел на Ив, а его лицо озаряла та самая тёплая, чуть смущённая улыбка с ямочкой на левой щеке, от которой моя подруга, по её собственному признанию, теряла способность формулировать предложения длиннее трёх слов.

— Бекка, тут Элиас! — прошептала Ив, и в её голосе прозвучала такая смесь восторга и паники, словно она только что обнаружила у себя под кроватью единорога и теперь не знала, что с ним делать.

— Вижу, — ответила я, продолжая сканировать аудиторию и чувствуя, как внутри нарастает уныние. — И Ашер. И... — я не договорила, но мой взгляд, метнувшийся обратно к третьему ряду, был достаточно красноречив.

— И Деверо, — закончила за меня Ив, и её голос прозвучал так, словно она только что обнаружила у себя под кроватью не единорога, а дохлую мышь. — Ну, могло быть хуже.

— Каким образом? — прошипела я, наклоняясь к её уху. — Каким образом это могло быть хуже, Ив? Кейда нет, зато есть Деверо, и он будет сидеть в этой же аудитории, на этой же паре, весь чёртов семестр, и смотреть на меня вот так, — я мотнула головой в сторону третьего ряда, где Рейвен всё ещё не отводил взгляда, и его ухмылка стала, кажется, ещё шире, хотя, возможно, мне это просто казалось, — и

комментировать каждое моё движение, и бесить меня одним своим существованием!

— Ну, — Ив задумалась на секунду, приложив палец к подбородку, — могло быть хуже, если бы Кейд был в другой группе, а Деверо сидел бы с нами... ой, подожди. Это именно то, что случилось.

— Именно, — подтвердила я мрачно, и мы, не стовариваясь, двинулись вверх по ступеням амфитеатра — туда, где ряд был самым верхним, самым дальним, самым удалённым от третьего ряда и от его обитателей, и где возле окна как раз пустовали два стула, словно специально приготовленные для двух морских биологов, которые хотели только одного: чтобы этот семестр прошёл как можно более незаметно и безболезненно.

Мы сели, и я с облегчением обнаружила, что с нашего места открывается прекрасный вид на всю аудиторию — кроме, разве что, нижних рядов, которые частично заслоняла колонна, — но зато и те, кто сидел внизу, не могли нас видеть, если специально не оборачивались. Идеально. План был таков: сидеть тихо, записывать лекции, не привлекать внимания, а при встрече с Деверо в коридоре — делать вид, что я его не замечаю, и проходить мимо с гордо поднятой головой, как айсберг мимо «Титаника».

Ив тем временем уже успела вытащить из рюкзака свой блокнот (ярко-жёлтый, с наклейкой в виде осьминога, держащего в щупальцах табличку «Не трогай мой блокнот») и

теперь разглядывала аудиторию поверх моей головы, явно высматривая кого-то внизу.

— Блин, тут нет Кейда, — констатировала она таким тоном, словно сообщала о неурожае или отмене любимого сериала. — Ну, ничего страшного. Зато тут есть Элиас. И это, — она повернулась ко мне и улыбнулась той самой улыбкой, которая была призвана подбодрить, но почему-то вызывала обратный эффект, — главное. А с Деверо ты как-нибудь справишься. Просто не смотри на него. Просто представь, что его нет. Просто игнорируй.

— Легко сказать, — буркнула я, доставая из рюкзака свой блокнот (скучный, чёрный, без наклеек, но зато с кучей записей по физиологии кальмаров, которые я так и не дописала) и раскладывая его на столе с тем чувством обречённости, с каким солдаты роют окопы перед боем. — Он сидит в третьем ряду, Ив. В третьем. Прямо по центру. Куда бы я ни посмотрела — он будет в поле зрения. Даже если я буду смотреть в потолок, я буду знать, что он там, внизу, со своей дурацкой ухмылкой и своими дурацкими плечами, которые он вечно разворачивает так, словно они — подарок человечеству.

— О, ты заметила его плечи, — Ив приподняла бровь, и её голос приобрёл ту самую интонацию, которая обычно предшествовала часам подколов и намёков. — Интересное наблюдение, Бекка. Очень... объективное. Чисто научное. В духе биомеханики: «анатомический анализ плечевого пояса

Рейвена Деверо, его влияние на раздражение Ребекки Блэкмор и корреляция между шириной плеч и желанием их владельца похвастаться».

— Заткнись, — я пихнула её локтем, но она только расмеялась — тихо, приглушённо, чтобы не привлекать внимания профессора, который как раз начал что-то писать на доске, — и раскрыла свой ярко-жёлтый блокнот на первой странице, выводя в углу дату сегодняшнего дня.

Профессор Накамура, закончив с какими-то приготовлениями у доски — он повесил на неё большую диаграмму, на которой были изображены человеческие суставы и векторы сил, и теперь отряхивал руки от невидимого мела, хотя доска была электронной, — повернулся к аудитории и хлопнул в ладоши, призывая к тишине. Гул голосов стих не сразу — потребовалось ещё одно хлопанье и строгий взгляд поверх очков, — но в конце концов все затихли, и в аудитории воцарилась та особенная тишина, которая бывает только в начале первого занятия, когда никто ещё не знает, чего ждать от курса, от профессора, от соседей по парте, и все одновременно напряжены и расслаблены, готовы и к скуке, и к открытиям.

— Доброе утро, — произнёс Накамура, и его голос — мягкий, с лёгким акцентом, который выдавал в нём человека, выросшего где-то далеко от Аризоны, возможно, в Калифорнии или на Гавайях, — разнёсся по аудитории, отражаясь от стен и возвращаясь обратно. — Меня зовут профессор Кен-

джи Накамура, и следующие шестнадцать недель я буду вашим проводником в мир биомеханики — науки о том, как живые организмы движутся, сопротивляются силам и, простите за каламбур, находят точку опоры. Прежде чем мы начнём, — он взял в руки планшет и пробежался пальцем по экрану, — я проведу переключку. Пожалуйста, отзывайтесь, когда услышите свою фамилию, чтобы я мог отметить присутствующих и запомнить ваши лица. Ашер, Кай!

— Здесь! — Кай, который всё это время что-то рисовал на полях чьего-то чужого блокнота (кажется, Деклана, который сидел рядом с ним, хотя его фамилии я в списке не слышала — значит, Мур тоже был в нашей группе, просто я его не заметила сразу), вскинул руку, как школьник, знающий правильный ответ, и добавил: — И я не Ашер-Кай, просто Кай Ашер, если что. А то некоторые путают.

По аудитории прокатился лёгкий смешок, и Накамура, не меняя выражения лица, кивнул и двинулся дальше по списку, выкрикивая фамилии одну за другой: Блэкмор, Брукс, Вонг, Галлахер, Деверо (тут я невольно скривилась, услышав, как Рейвен отзывается коротким «здесь» — и даже его голос, оказывается, раздражал меня, хотя, казалось бы, что может быть нейтральнее слова «здесь»), Дюбуа, Дэвисхэм, Мур (ага, точно — Деклан пискнул «я!» так испуганно, словно его застали на месте преступления), Норт (Элиас отозвался спокойно, уверенно, и я заметила, как Ив прикусила губу и начала выводить в блокноте какие-то загогулины, явно

не имеющие отношения к биомеханике), О'Брайен, Равенна (Ив пропела «здесь» тем самым голосом, от которого у Элиаса, судя по тому, как он дёрнулся, чуть не сломалась ручка), и так далее, пока все тридцать с лишним фамилий не были отмечены, а все студенты — сосчитаны и зафиксированы в электронной ведомости.

— Отлично, — Накамура отложил планшет и снова повернулся к доске. — Теперь, когда мы все познакомились, давайте начнём с самого интересного: что такое биомеханика и зачем она вам нужна. Я знаю, — он поднял руку, предвосхищая возможные возражения, — что многие из вас здесь не по своей воле. Кого-то заставил деканат, кого-то — расписание, кого-то — друзья, которые сказали: «Да ладно, это легко, просто физика для качков». Но я обещаю вам вот что: если вы дадите этому курсу шанс, вы не только поймёте, как работает ваше тело, но и, возможно, узнаете о себе то, чего не знали раньше. И да, — он усмехнулся, и его усмешка была совсем не похожа на ухмылку Деверо: тёплая, мудрая, с лёгкой искоркой юмора, — я в курсе, что здесь сидят и футболисты, и черлидерши, и биологи, и даже, кажется, один будущий художник, — он посмотрел в сторону Деклана, который действительно вечно таскал с собой скетчбук, и тот снова покраснел, — и мне это нравится. Разнообразие — это то, что делает науку живой.

Я почувствовала, как уголки моих губ поползли вверх — против моей воли, просто потому что Накамура оказался не

таким, как я ожидала. Он не был похож на тех профессоров, которые засыпают студентов формулами и требуют механического запоминания; он говорил так, словно ему действительно было интересно то, о чём он рассказывает, и это подкупало, заставляло слушать, даже если ты пришла сюда только ради того, чтобы сидеть в заднем ряду и мечтать о хоккее, который сейчас, возможно, скучал в соседней аудитории под руководством другого преподавателя.

— Итак, — Накамура повернулся к доске и начал писать — быстро, размашисто, оставляя на поверхности светящиеся буквы, которые складывались в слова, — тема сегодняшней лекции: «Основные принципы биомеханики: силы, рычаги и центр тяжести». Записывайте, если хотите, но главное — слушайте. И да, я буду задавать вопросы. Не чтобы наказать, а чтобы убедиться, что вы не спите. Особенно те, кто на задних рядах.

Последняя фраза была сказана с лёгким кивком в нашу сторону, и я поспешно выпрямилась, делая вид, что я вся во внимании, хотя на самом деле мой взгляд только что скользнул вниз, к третьему ряду, где затылок Рейвена Деверо — каштановый ёжик, аккуратно подстриженный, но всё равно какой-то нахальный, как и всё в нём, — маячил прямо на линии моего зрения, заслоняя часть доски и действуя мне на нервы одним своим существованием.

Ив, заметив мой взгляд, наклонилась ко мне и прошептала, едва шевеля губами, чтобы не привлечь внимания:

— Если ты продолжишь сверлить его затылок, у него там дырка образуется. И тогда нам придётся объяснять профессору, почему его студент внезапно стал решетом. А это, знаешь ли, не очень хорошее начало семестра.

Я закатила глаза и отвернулась к окну, за которым солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы заливать стадион своим вездесущим светом, а где-то вдалеке, на беговой дорожке, мелькали фигуры легкоатлетов, совершающих утреннюю пробежку. Где-то там, за стенами этого корпуса, в одной из соседних аудиторий, сидел Кейд — и, может быть, он тоже смотрел в окно, тоже думал обо мне, тоже жалел, что мы не попали в одну группу. Может быть. А может быть, и нет — и от этой мысли внутри всё сжималось, но я гнала её прочь, потому что сейчас, в эту минуту, у меня была задача поважнее: пережить эту пару, этот семестр, этот курс, и не дать Рейвену Деверо испортить мне всё удовольствие от процесса.

Профессор Накамура тем временем уже углубился в объяснение того, что такое центр тяжести и как он влияет на устойчивость, и я, раскрыв блокнот, начала записывать — сначала машинально, не вдумываясь, а потом, незаметно для себя, увлеклась, потому что он действительно рассказывал интересно: с примерами из спорта, с шутками про футболистов, которые падают от малейшего ветерка, но утверждают, что это был подкат, и с отсылками к черлидингу, от которых я даже покраснела, когда он сказал: «Те, кто стоит на пира-

мидах, понимают, что такое центр тяжести, лучше, чем кто-либо другой в этой аудитории, — потому что ошибка в расчётах стоит им не двойки на экзамене, а перелома».

— Блэкмор, — внезапно произнёс он, и я вздрогнула, услышав свою фамилию, — вы, кажется, черлидерша? Я видел вас на стадионе, когда проходил мимо тренировки.

— Да, — ответила я, и мой голос прозвучал на удивление твёрдо, несмотря на то что сердце снова пустилось в галоп. — Второй год.

— Тогда вы должны знать: когда вы стоите на плечах у вашей базы, где находится ваш центр тяжести?

— Примерно... здесь? — я приложила ладонь к низу живота, чувствуя, как два десятка пар глаз устремляются на меня, включая — я была уверена — пару карих глаз из третьего ряда.

— Верно, — Накамура кивнул с одобрением. — И если вы сместите его хотя бы на пару сантиметров в сторону, вся конструкция рухнет. А теперь представьте, что то же самое происходит с квотербек, когда он делает бросок. Деверо, вы квотербек, верно?

— Да, — голос Рейвена прозвучал ровно, без обычной пафосной интонации.

— Расскажите нам, как вы используете центр тяжести при подаче.

— Я переношу вес на заднюю ногу, — начал он, и его голос звучал глухо, — потом, в момент броска, смещаю его

вперёд, используя инерцию всего тела. Если центр тяжести смещается слишком рано или слишком поздно, бросок теряет точность. Это как... — он помедлил, подбирая слово, — как стоять на вершине пирамиды. Одно неверное движение — и всё рушится.

В аудитории повисла пауза — крошечная, в долю секунды, — прежде чем Накамура одобрительно кивнул и пошёл дальше, к следующему примеру.

Это будет долгий семестр. Очень, очень долгий.

Я старалась. Честное слово, я старалась — изо всех сил, сжав зубы и вцепившись в ручку так, словно это была не ручка, а спасательный трос, — записывать каждое слово, которое произносил профессор Накамура. Он как раз перешёл к разбору третьего закона Ньютона в применении к прыжкам и приземлениям, и его голос, монотонный, но странно успокаивающий, плыл над аудиторией, как тёплый ветер над пустыней, а я, низко склонив голову над блокнотом, выводила строчку за строчкой, стараясь не думать ни о чём, кроме противодействующих сил и векторов ускорения. Мои волосы, которые я так тщательно укладывала утром, свесились вперёд, заслоняя лицо с обеих сторон, как занавес, и в этом маленьком коконе, ограниченном моими плечами и страницами блокнота, было почти уютно — почти безопасно, почти комфортно, как в детстве, когда ты накрываешься одеялом с головой и веришь, что чудовища не проберутся внутрь.

А потом что-то ударило меня в макушку.

Не сильно — не так, чтобы было больно, — но достаточно ощутимо, чтобы я вздрогнула, выронила ручку и рефлекторно схватилась за голову, запустив пальцы в волосы и ожидая нащупать там, скажем, заблудившуюся муху или, может быть, кусок штукатурки с потолка (здание было старым, и всякое случалось), — но пальцы наткнулись на нечто маленькое, смятое, явно бумажное, и это нечто, выскользнув из моих волос, упало на стол прямо передо мной, приземлившись с тихим, едва слышным шорохом, который почему-то прозвучал громче пушечного выстрела.

Бумажка. Скомканный клочок, вырванный из чьей-то тетради, — я видела неровный край и синие чернильные линии, — лежал на моём блокноте, прямо поверх старательных записей про действие и противодействие, и выглядел до того нелепо, до того по-детски, что я первые пару секунд просто смотрела на него, моргая и пытаюсь осознать: *мне действительно только что прилетело в голову бумажкой? Как в третьем классе? Серьёзно?*

Я оглядела аудиторию. Головы студентов — темноволосые, светлые, рыжие, с хвостами и без — были опущены над блокнотами, или подняты к доске, или повёрнуты к соседям в каком-то тихом перешёптывании, и ни одна из них не была повёрнута в мою сторону. Никто не смотрел на меня. Никто не ухмылялся, не прятал улыбку в кулак, не делал вид, что он тут ни при чём. Идеальная, безупречная картина всеобщей невинности, от которой у меня внутри заскребли кошки.

Я развернула бумажку. Кривые, явно нарисованные вторых линии складывались в рисунок, который я узнала мгновенно — и мгновенно же пожалела, что вообще его разглядывала. **Пенис.** Кто-то — и я уже догадывалась, кто именно — нарисовал пенис на клочке бумаги и запустил им в меня через пол-аудитории, как шариком из трубочки. У меня задёргался глаз — та самая мелкая, произвольная пульсация нижнего века, которая всегда появлялась в моменты крайнего раздражения и которую Ив называла «твой личный индикатор ярости, Бекка, по нему можно прогнозировать извержения».

Какого хрена?

Я скомкала бумажку — уже сильнее, чем она была скомкана до этого, превращая рисунок в плотный, твёрдый шарик, который можно было бы запустить обратно, если бы я знала, в кого целиться, — и отложила её в сторону, на край стола, с тем чувством глубокого, почти философского презрения, которое, наверное, испытывает учительница младших классов, обнаружившая на своём стуле кнопку. Не подавать виду. Не реагировать. Не доставлять им удовольствия. Я снова взяла ручку, поправила волосы и вернулась к записям, хотя внутри уже клочкотало то самое, знакомое до дрожи предвкушение конфликта, которое всегда возникало, когда поблизости находился Рейвен Деверо.

Бам.

Вторая бумажка прилетела точнёхонько в то же место — в

макушку, чуть левее пробора, — и на этот раз я не вздрогнула, а просто замерла, как замирает хищник перед прыжком, чувствуя, как ярость поднимается откуда-то из солнечного сплетения, заполняя грудь, сжимая горло, заставляя пальцы стиснуть ручку с такой силой, что пластик жалобно скрипнул. Я развернула вторую бумажку — медленно, аккуратно, как сапёр, обезвреживающий мину, — и увидела рисунок: схематичная человеческая фигурка, падающая с вершины пирамиды, летящая вниз головой, а внизу, под ней, — лужа, явно обозначающая грязь, из которой торчат какие-то схематичные брызги. Падающий человек. Грязь. Намёк был настолько прозрачным, настолько откровенным, что я даже не стала его анализировать.

Я подняла голову — медленно, как поднимается перископ подводной лодки, — и посмотрела вниз, в сторону третьего ряда. И увидела, как Кай Ашер, этот вечный раздолбай с лицом хорька, только что стащившего сосиску со стола, пихает Рейвена Деверо в бок — тем самым локтём, которым он сегодня уже пихал меня на кухне, — и Рейвен, чуть повернувшись, бросает быстрый взгляд через плечо, в мою сторону, и на его лице — о, на его лице играет та самая ухмылка, которую я возненавидела с первого дня нашего знакомства: самодовольная, нахальная, полная какого-то мальчишеского торжества, словно он только что выиграл приз в тире.

Они что, гребаные дети?!

Я почувствовала, как Ив, сидевшая рядом со мной, накло-

няется ближе — её плечо коснулось моего плеча, её дыхание защекотало моё ухо, — и услышала её шёпот, приглушённый, но полный того самого веселья, которое она даже не пыталась скрыть:

— Они только что запулили в тебя бумажкой с непристойным рисунком? — она помолчала секунду, оценивая моё лицо, моё дёргающееся веко, мои побелевшие костяшки пальцев на ручке. — Бекка, ты собираешься их убить или мне пока не вызывать полицию? Потому что, судя по твоему глазу, убийство планируется в ближайшие пять минут, и я хочу быть морально готова.

— Эти придурки, — прошипела я, даже не разжимая зубов, и мой голос прозвучал как шипение пара из перегретого котла, — эти гребаные, инфантильные, тупоголовые придурки нарисовали пенис. Пенис, Ив! И человечка, падающего в грязь.

— Ну, — Ив откинулась на спинку стула, и её лицо приняло то самое задумчивое выражение, которое обычно предшествовало какому-нибудь особенно сомнительному совету, — надо отдать им должное: пенис был хоть и схематичный, но вполне узнаваемый. И человечек, падающий в грязь, — это, согласишься, довольно изобретательный способ напомнить тебе о вчерашней тренировке. Своеобразный, конечно. Глупый. Детский. Но изобретательный.

— Ты сейчас пытаешься найти оправдание этим... этим... — я задохнулась, не в силах подобрать достаточно уничижи-

тельное слово.

— Нет, что ты, — Ив улыбнулась, и её улыбка была сладкой, как патока, и острой, как бритва, одновременно. — Я просто жду, что ты сделаешь в ответ. Потому что, зная тебя, ты не оставишь это без внимания. И, честно говоря, я предвкушаю.

Я не оставила это без внимания.

В моём блокноте, на чистой странице, которая предназначалась для записи следующей темы, но теперь, видимо, обрела совсем другое предназначение, я нарисовала два рисунка — быстро, резкими штрихами, вкладывая в каждую линию всю ту ярость, которую не могла выплеснуть иначе. Первый: футболист — широкоплечий, с маленькой головой, явно Деверо, — роняет мяч, и этот мяч, отскочив от его рук, летит прямо ему в лицо, а из головы футболиста вырывается облачко с надписью: «*Ой!*» Второй: два человечка — один высокий, с дурацким ёжиком на голове, второй пониже, с причёской-торнадо, Кай, — стоят в обнимку, а над ними, в облачке, подпись: «*Мы любим рисовать пиписьки, потому что наш умственный возраст — пять лет*». Я вырвала листок из блокнота — с тем самым треском, который в тишине аудитории прозвучал особенно громко, — скомкала его в тугой шарик, прицелилась и запустила прямо в затылок Рейвена Деверо.

Попадание. Бумажный шарик ударился о его каштановый ёжик, отскочил, упал на пол возле его стула, и я увидела, как

плечи Рейвена напряглись, а потом — как его рука медленно, очень медленно потянулась вниз, подняла бумажку и, пока профессор Накамура чертил на доске очередную диаграмму, развернула её.

Прошло пять секунд. Десять. Пятнадцать. Я видела, как Кай наклонился к Рейвену, заглядывая в бумажку, — и как его плечи затряслись от беззвучного смеха, который он пытался подавить, зажимая рот ладонью, но получалось у него плохо. Рейвен повернул голову — не полностью, а ровно настолько, чтобы я увидела его профиль, — и я заметила, как желваки на его скулах напряглись, а челюсть сжалась. Он не улыбался. Он не смеялся. Он выглядел так, словно мой рисунок попал не в его руки, а в его самолюбие — туда, куда я и целилась.

— Блэкмор! — прошипел он, не оборачиваясь полностью, но достаточно громко, чтобы я услышала его голос даже с верхнего ряда. — Это ты называешь искусством? Пропорции неправильные. У меня плечи шире.

— У тебя мозг уже, Деверо, — прошипела я в ответ, наклоняясь вперёд так, чтобы мои слова долетели до него, но не до профессора. — Так что пропорции — последнее, о чём тебе стоит волноваться.

— О, — Кай, который всё это время сдавленно хихикал, наконец обрёл дар речи, — а мне понравилось. Особенно та часть, где наш умственный возраст. Очень самокритично с нашей стороны. Я бы даже сказал — рефлексивно.

— Заткнись, Ашер, — бросил Рейвен, и его локоть снова дёрнулся, на этот раз явно целясь в бок Кая, — ты её вообще не должен был подбивать!

— Я не подбивал, я морально поддерживал! Ты сам сказал: «Смотри, Блэкмор строчит как робот, надо её как-то расшевелить». Я и предложил...

— Ты предложил нарисовать пенис! — Рейвен повысил голос, и это было ошибкой — потому что профессор Накамура, который как раз закончил чертить диаграмму, обернулся к аудитории и замер, услышав слово, не вполне соответствующее академической обстановке.

В аудитории повисла тишина. Густая, плотная, как кисель, тишина, в которой каждый звук — скрип стула, шорох блокнота, чей-то сдавленный смешок — был слышен так отчётливо, словно его транслировали через усилитель. Профессор Накамура поправил очки на носу — жест, который, как я уже поняла за эти полчаса, был у него заменой вздоху, — и обвёл аудиторию взглядом, останавливаясь сначала на Рейвене, чей затылок, кажется, покраснел (хотя, возможно, мне это просто показалось из-за освещения), а потом на мне, и я почувствовала, как мои собственные щёки заливают тот самый румянец, который был моим проклятьем с детства.

— Мистер Деверо, — произнёс Накамура, и его голос прозвучал так ровно, так спокойно, что это спокойствие было страшнее любого крика, — и мисс Блэкмор. Могу я узнать, что такого важного вы обсуждаете, что это не может подо-

ждать до конца лекции? И что, простите, за «пенис» упоминался в вашей дискуссии? Это, я полагаю, какой-то новый биомеханический термин, с которым я не знаком?

По аудитории прокатилась волна сдавленных смешков — кто-то фыркнул в кулак, кто-то закашлялся, прикрывая улыбку, а Кай Ашер и вовсе согнулся пополам, делая вид, что завязывает шнурок, хотя шнурки у него были на липучках. Деклан Мур, сидевший рядом с ним, закрыл лицо ладонью — то ли от стыда за друзей, то ли от смеха, то ли от всего сразу, — а Элиас, сидевший чуть поодаль, бросил на Ив быстрый взгляд, в котором читалось что-то среднее между *«что вообще происходит»* и *«твоя подруга в порядке?»*.

Я открыла рот, чтобы ответить, но профессор поднял руку, останавливая меня на полуслове, и его лицо приняло то самое выражение, которое бывает у людей, решивших превратить неприятную ситуацию в педагогический момент.

— Поскольку вы оба, очевидно, считаете, что моя лекция — не более чем фон для ваших личных... взаимодействий, — он сделал крошечную паузу, подбирая слово, и от этой паузы мне захотелось провалиться сквозь землю, — я предлагаю вам продемонстрировать, насколько хорошо вы усвоили материал. Прямо сейчас. У доски. Оба. Пожалуйста, — он жестом указал на кафедру, и этот жест был столь же неумолим, сколь и вежлив, — спускайтесь сюда.

Я переглянулась с Ив — в её глазах плясали те самые чёртики, которые означали, что она наслаждается каждой секун-

дой этого позора, — и поднялась со стула, чувствуя, как ноги становятся ватными, а ладони — влажными. Платье, которое ещё полчаса назад казалось мне идеальным, теперь словно прилипло к телу, и я вдруг осознала, что идти через всю аудиторию под прицелами тридцати пар глаз, на каблуках, в коротком платье, к доске, где меня ждёт Рейвен Деверо, — это не тот сценарий, который я планировала на сегодняшнее утро.

Рейвен тоже поднялся — медленно, с той ленивой грацией, которая бесила меня больше всего, словно его не только что вызвали к доске как провинившегося школьника, — и направился вниз, и мы встретились у кафедры, остановившись по разные стороны от профессорского стола, как два дуэлянта перед началом поединка. Он посмотрел на меня — теперь уже без ухмылки, но с тем самым выражением, которое я не могла расшифровать ещё с того момента, как он сказал *«одно неверное движение — и всё рушится»*, — и я ответила ему таким взглядом, который, надеюсь, ясно давал понять: ты только что развязал войну, Деверо, и я выиграю её, даже если для этого мне придётся вызубрить всю биомеханику от корки до корки.

Профессор Накамура отступил на шаг, давая нам место перед доской, и сложил руки на груди с видом человека, который собирается получить удовольствие от предстоящего зрелища.

— Итак, — начал он, и его голос сочился тем особенным,

почти отеческим сарказмом, который бывает только у преподавателей, проработавших со студентами лет тридцать, — начнём с простого. Мисс Блэкмор, раз уж вы черлидерша, расскажите нам о биомеханике приземления после прыжка. Какие силы действуют на тело в момент контакта с поверхностью, и как минимизировать риск травмы? Прошу, — он указал на доску, — можете рисовать, если хотите.

Я шагнула к доске, взяла маркер и на секунду замерла, собирая мысли. Хорошо. Приземление. Прыжок. Это я знаю. Это я чувствую каждой клеткой тела, каждой мышцей, которая помнила сотни приземлений после поддержек и соскоков.

— При приземлении на тело действуют три основные силы, — начала я, и мой голос, к моему собственному удивлению, звучал твёрдо, без дрожи, — сила тяжести, направленная вниз, сила реакции опоры, направленная вверх, и сила инерции, которую тело накопило во время падения. Задача спортсмена — увеличить время контакта с поверхностью, чтобы уменьшить пиковую силу удара. Это достигается сгибанием коленей, — я нарисовала на доске схематичную фигурку, приседающую после прыжка, — и переносом центра тяжести вниз и чуть вперёд. Если колени остаются прямыми, вся сила удара передаётся через суставы в позвоночник и голову, что может привести к компрессионным травмам. Именно поэтому, — я обвела свой рисунок кружком, — мы, черлидерши, тратим часы на отработку приземлений: согну-

тые колени, мягкий пережат с носка на пятку, распределение нагрузки по всей стопе.

Профессор Накамура кивнул — один раз, коротко, без улыбки, но в этом кивке читалось одобрение, и я почувствовала, как внутри разливается тёплое, почти забытое чувство академического триумфа.

— Очень хорошо, мисс Блэкмор, — сказал он. — А теперь, мистер Деверо, ваш черёд. Расскажите нам, как биомеханика броска квотербека соотносится с углом вылета мяча и почему оптимальный угол — не сорок пять градусов, как многие думают, а несколько иной.

Рейвен шагнул к доске, взял маркер — его пальцы, длинные, с всё ещё сбитыми после вчерашней тренировки костяшками, сомкнулись вокруг пластика с той уверенной хваткой, с какой он, вероятно, держал футбольный мяч, — и начал говорить.

— Ну, — он провёл на доске линию, изображающую траекторию полёта, — при броске квотербека оптимальный угол зависит от расстояния до цели и от начальной скорости мяча. В идеале это около... — он замялся, и я увидела, как его бровь дёрнулась, — примерно тридцати пяти градусов, потому что...

Он замолчал. В аудитории повисла та самая неловкая тишина, которая бывает, когда человек, уверенно начавший отвечать, внезапно осознаёт, что не знает продолжения. Кай, сидевший в третьем ряду, страдальчески закатил глаза и про-

шептал что-то Деклану — я не расслышала, что именно, но судя по тому, как Деклан спрятал лицо в ладонях, это было что-то вроде «он сейчас провалится».

— Потому что, — Рейвен предпринял ещё одну попытку, и его голос звучал уже менее уверенно, — сопротивление воздуха... влияет на траекторию... и...

— Потому что при броске квотербека мяч запускается не с уровня земли, а с высоты примерно двух метров, — произнесла я, и мой голос прозвучал почти нежно, почти ласково, хотя внутри меня всё пело от мстительного удовольствия, — и это смещает оптимальный угол вниз, к тридцати-тридцати пяти градусам, в зависимости от расстояния. А сопротивление воздуха создаёт дополнительную силу, замедляющую мяч в горизонтальной плоскости, что тоже требует корректировки угла. Это базовые принципы баллистики, Деверо. Неужели ты не знал?

Я повернула голову и посмотрела на него — прямо в его карие глаза, которые сейчас горели смесью унижения, раздражения и, если я не ошибалась, невольного уважения, — и улыбнулась. Той, особенной улыбкой, которая была предназначена только для Рейвена Деверо: улыбкой победительницы, которая только что уложила соперника на лопатки и теперь наслаждается моментом.

— Мисс Блэкмор, — голос профессора Накамуры прозвучал неожиданно мягко, — спасибо за исчерпывающий ответ. Мистер Деверо, — он перевёл взгляд на Рейвена, и в его гла-

зах мелькнуло что-то похожее на сочувствие, смешанное с долей профессионального разочарования, — я рекомендую вам подтянуть теоретическую базу. Вы отличный игрок, я видел вашу статистику, но интуитивное понимание биомеханики — это не то же самое, что знание принципов, на которых она строится. Надеюсь, к следующему занятию вы будете готовы лучше. Оба можете садиться.

Мы развернулись одновременно — я и Рейвен, — и направились обратно к своим местам: я вверх, в задний ряд, к своему спасительному месту у окна, где меня ждала Ив с выражением абсолютного, незамутнённого восторга на лице, а он — вниз, в третий ряд, где Кай уже похлопывал его по плечу с тем самым видом, с каким утешают проигравшего, и что-то шептал ему на ухо, явно не предназначенное для моих ушей, но достаточно громкое, чтобы Рейвен дёрнул плечом и буркнул: «Отстань».

Я села на свой стул, поправила платье, которое немного задралось, пока я поднималась по ступеням, и поймала взгляд Ив — взгляд, полный такого триумфа, словно это она только что выиграла чемпионат мира.

— Бекка, — прошептала она, наклоняясь ко мне, и её голос дрожал от сдерживаемого смеха, — ты только что публично унизила Рейвена Деверо на первом же занятии. Это было... — она выдержала паузу, подбирая слово, — это было прекрасно. Великолепно. Я бы даже сказала — эпохально. Я запомню этот момент на всю жизнь и буду пересказывать его

нашим внукам. «*Дети, — скажу я, — ваша тётя Бекка однажды размазала квотербека "Гост Сторм" по доске, как масло по хлебу, и он даже не пикнул в ответ*».

— Я не размазывала, — возразила я, но мои губы сами собой расплылись в улыбке, которая была шире, чем всё, что я позволяла себе за последние недели, — я просто... дополнила его ответ. Помогла. Проявила взаимовыручку.

— О да, — Ив кивнула с серьёзным лицом, но её глаза всё ещё смеялись, — взаимовыручка. Именно это и было. Особенно та часть, где ты спросила «неужели ты не знал?» — с такой интонацией, будто разговаривала с нашкодившим щенком. Клянусь, я слышала, как его самолюбие треснуло. Звук был такой — *хрусть* — и всё.

Я бросила быстрый взгляд вниз, на третий ряд, где Рейвен сидел, скрестив руки на груди и глядя прямо перед собой с тем самым выражением человека, который только что проиграл важный матч и теперь прокручивает в голове каждую ошибку. Его челюсть всё ещё была сжата, а плечи напряжены, и Кай, сидевший рядом, что-то тихо говорил ему, но он не отвечал — просто смотрел в одну точку перед собой, и я вдруг почувствовала то, чего совсем не ожидала: крошечный, едва заметный укол чего-то похожего на сочувствие. Не к нему — не к Рейвену Деверо, моему личному врагу, человеку, который только что рисовал пенисы и кидался бумажками, — а к тому парню, который, возможно, действительно не знал ответа и оказался перед всей аудиторией в положе-

нии слабого.

Но сочувствие быстро прошло, смытое воспоминанием о рисунке с падающим в грязь человечком, и я отвернулась к окну, глядя на залитый солнцем стадион и думая о том, что это только начало. Война объявлена, и первый раунд остался за мной — но что-то подсказывало мне, что Деверо не из тех, кто проигрывает смиренно, и его ответный удар не заставит себя долго ждать.

— На сегодня закончим, — голос профессора Накамуры перекрыл гул аудитории, и я, честно говоря, никогда в жизни не слышала более приятных слов, хотя лекция оказалась на удивление интересной, а профессор — на удивление адекватным, что в этом университете было редкостью, сравнимой с наблюдением редкого вида медузы в естественной среде обитания. — Встретимся на следующей неделе в это же время. Всем до свидания.

Аудитория немедленно взорвалась тем самым организованным хаосом, который всегда сопровождает окончание пары: заскрипели отодвигаемые стулья, зашуршали рюкзаки, захлопали крышки ноутбуков, кто-то уже кричал другу через весь ряд «подожди меня внизу, я только перепишу расписание», и весь этот шум сливался в один сплошной, почти успокаивающий гул, который означал, что ближайшие полтора часа я свободна, как ветер в пустыне, и могу делать всё, что захочу — в разумных пределах, конечно, потому что в два часа у нас была ещё одна пара, но до неё ещё предстояло

дожить.

Я закрыла блокнот, разгладив ладонью страницу, на которой мои записи по третьему закону Ньютона были перечёркнуты карандашным росчерком (видимо, я случайно провела линию, когда дёрнулась от второй бумажки), и покосилась на Ив, которая уже успела закинуть свои вещи в сумку и теперь сидела, подперев щёку ладонью, с тем самым выражением лица, с каким кошка смотрит на клетку с канарейкой.

— В кофетерий? — спросила она, и её брови, которые она подводила сегодня утром с особой тщательностью — задвигались вверх-вниз с той игривой энергией, которая обычно предвещала либо план по соблазнению Элиаса, либо заговор с целью вытащить из меня подробности о Кейде, либо и то и другое одновременно.

— Ага, — ответила я, и это короткое слово вместило в себя всё: усталость после бессонной ночи, остатки адреналина после публичной дуэли с Деверо, предвкушение круассана с миндалём и надежду на то, что в кофетерии не окажется никого из футбольной команды, потому что на сегодня лимит общения с ними был исчерпан полностью, до самого дна, без возможности восстановления.

Я повесила сумку на плечо, маленькая кожаная, которая сегодня утром казалась мне такой элегантной, а теперь оттягивала плечо и натёрла ремешком шею, потому что я запихнула в неё учебник, который даже не доставала, — и начала спускаться вниз по ступеням амфитеатра, лавируя между со-

курсниками, которые двигались к выходу с той скоростью, с какой обычно двигаются люди, у которых впереди либо обед, либо следующая пара, либо свидание, либо всё сразу. Мои туфли предательски скользили по покрытию, и мне пришлось держаться за спинки стульев, чтобы не рухнуть лицом вниз, добавляя ещё один повод для насмешек к тому, что уже и так произошло за последние полтора часа.

Я проходила мимо третьего ряда, где всё ещё сидел Рейвен Деверо, который, вопреки обыкновению, не спешил покинуть аудиторию, а вместо этого медленно, как будто нарочно затягивая время, запикивал свой блокнот в рюкзак, — и тут мой внутренний демон (который отвечал за все мои самые блестящие и самые дурацкие поступки) решил, что уйти просто так — это недостаточно эффектно. Мне нужно было последнее слово. Последний жест. Маленький, но красноречивый.

Я прошла мимо него — близко, ближе, чем того требовала траектория, — и, поравнявшись с его плечом, резко мотнула головой, так что мои распущенные волосы взметнулись веером и хлестнули его по лицу. Волосьяной лещ. Старый, как мир, девчачий приём, который я не использовала со средней школы, но который в этот момент показался мне идеальным завершением нашего первого раунда: он получил публичное унижение у доски, а теперь — ещё и порцию каштановых прядей в лицо, просто чтобы закрепить результат.

Я не обернулась, чтобы проверить эффект — зачем? Эф-

фект был слышен и так: позади раздалось сдавленное «*Твою мать, Блэкмор!*», в котором смешались изумление, раздражение и что-то ещё, чему я не могла дать название, а следом — громкий хохот Кая Ашера, который, видимо, стал свидетелем этой сцены и теперь наслаждался ею в полной мере. Деклан, кажется, что-то сказал про «волосы везде», а Элиас — я видела его краем глаза — просто покачал головой с тем выражением лица, которое бывает у людей, решивших, что они не будут вмешиваться в чужую войну.

— Ив! — голос Элиаса прозвучал совсем близко, и я, обернувшись, увидела, как он буквально материализовался рядом с моей подругой, которая как раз спускалась по ступеням следом за мной, и его рука — загорелая, с длинными пальцами — чуть коснулась её локтя, заставляя её остановиться. — Это... — он запнулся, и я впервые в жизни увидела, как Элиас Норт, защитник «Гост Сторм», человек, который на поле выдерживал атаки двухсотфунтовых противников, не моргнув и глазом, краснеет и запинается, глядя на девушку с афро-кудрями и в шортах, которые практически не закрывали её задницу. — У тебя есть время? Может, кофе?

Ив повернулась ко мне с тем самым лицом, которое я расшифровала мгновенно: извини, подруга, ты, конечно, моя самая любимая, но этот парень только что пригласил меня на кофе, и я скорее умру, чем откажусь. Я усмехнулась — понимающе, без тени обиды, потому что если кто и заслуживал этого момента, так это Ив, которая неделями рисовала в сво-

ём блокноте сердечки вокруг фамилии «Норт» и утверждала, что это «чисто эстетический интерес к каллиграфии».

— Идите, — сказала я, махнув рукой. — Я подожду снаружи. Не спешите.

Ив послала мне воздушный поцелуй — жест, который в её исполнении выглядел не пошло, а по-королевски, — и тут же оказалась полностью поглощена Элиасом, который, судя по тому, как он склонился к ней, начал что-то рассказывать про вчерашнюю тренировку и параллельно пытался не споткнуться о ступеньку, что у него получалось плохо, потому что его глаза были прикованы исключительно к лицу Ив.

Я оставила их — пусть воркуют, пусть наслаждаются моментом, — и вышла из аудитории, спускаясь по лестнице вниз, туда, где тяжелая входная дверь спортивного корпуса вела на улицу, и солнце — вечное, неумолимое аризонское солнце — уже ждало меня снаружи, чтобы обнять своими горячими лучами и напомнить, что октябрь в Финиксе — это не про тыквы и свитера, а про тридцатиградусную жару и необходимость носить с собой бутылку воды.

Я толкнула дверь и вышла наружу.

Свежий — насколько это слово вообще применимо к аризонской жаре — воздух ударил в лицо, и я на секунду зажмурилась, позволяя солнцу залить мои веки оранжевым светом, а потом потянулась — долго, с удовольствием, как потягивается кошка после сна, — чувствуя, как позвонки хрустят, а плечи наконец-то расслабляются после полуторачасового

сидения в напряжённой позе. Вокруг кипела жизнь: студенты спешили мимо, кто-то сидел на траве с учебником, кто-то смеялся в компании друзей, а вдалеке, на парковке, сигналлила чья-то машина, и этот звук, смешанный с шумом ветра в пальмовых листьях и чьими-то обрывками разговоров, был почти музыкой — какофоничной, хаотичной, но живой.

— Блэкмор.

Голос раздался за моей спиной, и я обернулась — быстро, может быть, даже слишком быстро, — и увидела Кейда. Он стоял в двух шагах от меня, засунув руки в карманы джинсов, и солнце золотило его светлые волосы, превращая их в подобие нимба, который, как я уже неоднократно отмечала, совершенно не вязался с его репутацией, но который, боже мой, был ему чертовски к лицу. На нём была простая серая футболка с логотипом хоккейной команды — та самая, которая обтягивала его грудные мышцы ровно настолько, чтобы заставить любую девушку потерять дар речи, — и джинсы с прорехой на колене, он улыбался той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени, и я почувствовала, как предательский румянец снова заливает мои щёки.

— А? Привет, — выдохнула я, и мой голос прозвучал чуть более удивлённо, чем мне хотелось бы.

— Отлично выглядишь, — сказал Кейд, и его взгляд скользнул по моему платью, по моим волосам, по моим туфлям, задерживаясь на каждом элементе ровно на ту долю секунды, которая была необходима, чтобы я почувствовала

это внимание физически, как прикосновение. — Ты тоже на биомеханике, что ли? Просто видел, как вы проходили мимо нашей аудитории.

— Ага, — я поправила лямку сумки на плече, просто чтобы занять руки и отвлечься от того, как его глаза продолжают меня разглядывать. — Ив настояла.

И тут Кейд сделал то, чего я от него совершенно не ожидала. Он усмехнулся — не той милой, обворожительной усмешкой, которую я привыкла видеть, а какой-то другой, с лёгкой примесью снисходительности, — и произнёс фразу, от которой мои внутренности сначала сжались, а потом вспыхнули, как сухой хворост от искры:

— А ты что, типа её задницы?

Я моргнула. Раз. Другой. Третий. Мои губы приоткрылись, но из них не вырвалось ни звука, потому что мой мозг, который только что пережил публичную дуэль с Рейвеном Деверо и вышел из неё победителем, внезапно дал сбой, столкнувшись с тем, что парень, ради которого я надела это платье, эти туфли, эти украшения, парень, чьи сообщения я перечитывала каждое утро, только что сравнил меня с пятой точкой моей лучшей подруги.

— Извини? — произнесла я наконец, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, почти холодно — тот самый голос, который появлялся у меня только в моменты крайнего, запредельного возмущения, когда обычные крики и слёзы были уже пройденным этапом.

— Ну, — Кейд, кажется, ещё не осознал, что только что ступил на минное поле, потому что его улыбка стала чуть более неловкой, но всё ещё оставалась на месте, — типа ходишь за ней везде и слушаешься её как послушная собачка. Проще говоря — задница.

Что-то внутри меня — то самое, что сегодня утром сжалось при виде Рейвена в аудитории, что потом вспыхнуло от бумажного пениса, что пело от триумфа, когда я размазала Деверо по доске, — сейчас не вспыхнуло. Нет. Оно заледенело. Превратилось в айсберг. В арктический лёд. В тот самый холодный, спокойный гнев, который был страшнее любого крика, потому что он был продуманным, взвешенным и абсолютно смертоносным.

— Это... — начала я, и каждое слово падало, как камень в воду, оставляя круги на поверхности тишины, — очень некрасиво с твоей стороны так говорить. У нас выбор стоял между философией и биомеханикой. Ив настояла на биомеханике, так как мы изучаем морских животных, и логично изучать механику, нежели философию, не относящуюся к нашему предмету никоим образом. Я хотела выбрать философию, потому что мне уже душно от океанических терминов, от этих бесконечных диаграмм нервной системы головоногих, от формалина, который въелся в мои пальцы так, что я чувствую его запах даже во сне, — но, поразмыслив, я решила, что биомеханика не будет лишней, учитывая, что нам этого не объясняют на профильных парах, и согласилась

с ней. Это называется «принимать взвешенные решения», а не «быть чьей-то задницей». И если ты, с разумом тупого качка, — я выделила эти слова особой, ледяной интонацией, — не можешь этого понять, это исключительно твои проблемы. Я не очередная тёлка, которая бросится к тебе на шею с распростёртыми объятиями из-за твоей очаровательной улыбки и подкачанной задницы, и проигнорирует твоё высказывание о «заднице» из-за фактов, которые я назвала выше. Я не из тех, кто молча проглатывает оскорбления, Уокер, даже если они упакованы в красивую обёртку из комплиментов и неловких улыбок.

Кейд стоял, хлопая глазами, и его лицо — то самое лицо, которое я считала самым красивым во всей Аризоне, — выражало полную, абсолютную, вселенскую растерянность. Он явно не ожидал, что его шутка — или что это вообще было? — вызовет такую реакцию, и теперь пытался перезагрузить свой мозг, который, судя по его открывающемуся и закрывающемуся рту, работал со скоростью старого компьютера, пытающегося загрузить слишком тяжёлую программу.

— Э... прости, Ребекка, — он наконец обрёл дар речи и сделал шаг вперёд, чуть приподняв руки в примирительном жесте, — я не... я не хотел обидеть тебя или задеть. Я просто... это была глупая шутка. Очень глупая. Идиотская. Я...

— Ни то, ни другое ты не сделал, — перебила я, и мой голос всё ещё был холодным, но лёд начал давать трещины, сквозь которые пробивалось что-то похожее на усталость, —

просто я обозначила границу. Теперь ты знаешь, где она проходит. И если ты хочешь продолжить наше общение, — я намеренно не сказала «отношения» или «общение дальше», оставляя ему пространство для манёвра, — тебе придётся её учитывать.

— Понял, — Кейд кивнул, и его кивок был таким энергичным, что его светлые волосы запрыгали, как солнечные зайчики, — извини. Я идиот. Серьёзно. Полный идиот. Мне нет оправдания.

— Расслабься, Блэкмор, — внезапно раздался ещё один голос, и я, повернув голову, увидела Ронана, который, оказывается, всё это время стоял в нескольких шагах от нас, облокотившись о фонарный столб и скрестив руки на груди, и наблюдал за сценой с тем выражением лица, с каким зрители в театре смотрят на особенно удавшуюся драматическую сцену, — он просто хотел проверить слухи.

— Какие ещё слухи, Ронан? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала, и я заметила, как Кейд бросил на своего друга убийственный взгляд, которым обычно награждают человека, только что разрушившего все шансы на спасение.

— Ну те, — Ронан, казалось, совершенно не смутился, и его рыжая чёлка, упавшая на лоб, придавала ему вид человека, который либо не понимает, что творит, либо понимает, но ему всё равно, — что о тебе ходят. Будто ты ходячая бомба замедленного действия. Что чуть что — и ты взрываешься. Что ты вчера чуть не разнесла Розали Брэшем на

куски прямо на стадионе. Что ты вообще по жизни человек, с которым лучше не спорить, потому что исход спора будет примерно как с тем парнем из «Гост Сторм», которому ты угрожала формалином с кальмарами. В общем, Кейд решил проверить, правда ли это, или просто утка.

— И как? — я перевела взгляд на Кейда, который сейчас выглядел так, словно мечтал, чтобы земля разверзлась и поглотила его вместе с Ронаном и фонарным столбом. — Убедился?

— Нет... я... то есть... — Кейд замялся, и его растерянность была почти милой — почти, если бы не тот факт, что он только что сравнил меня с собачкой и задницей, — чёрт, Хэлз, ты можешь хоть раз не открывать свой рот?

— А я-то чё? — Ронан развёл руками, изображая невинность, и его ухмылка стала ещё шире. — Я помог тебе выбраться из дна. Ты тонул, Кейд, честное слово, тонул, как «Титаник», а я бросил тебе спасательный круг в виде честности. Теперь она знает правду, и ты можешь перестать притворяться, что ты идеальный рыцарь на белом коне, а просто быть собой — тупым качком, который не умеет подбирать слова.

— Не особо, если честно, — буркнул Кейд, потирая затылок с тем видом, с каким обычно потирают ушибленное место. Он снова повернулся ко мне, и его голубые глаза, которые я считала самыми красивыми во всём универе, — смотрели на меня с искренним, почти детским раскаянием. —

Ребекка, прости ещё раз. Я не хотел тебя задеть своими словами. Я же тупой качок, как ты сказала, не умею подбирать слова. У меня с этим всю жизнь проблемы — я сначала говорю, потом думаю, а иногда и вообще не думаю. Ронан, кстати, тому свидетель — он коллекционирует мои ляпы с первого курса и грозитя когда-нибудь издать их отдельной книгой. Название уже придумал: «Как за одно свидание разрушить всё: мемуары Кейда Уокера».

Я смотрела на него — на этого высокого, широкоплечего хоккеиста с идеальной улыбкой и репутацией главного сердцееда кампуса, который сейчас стоял передо мной, как провинившийся школьник, и честно, без увёрток, признавал свою ошибку, — и чувствовала, как мой гнев начинает медленно, постепенно, как лёд под весенним солнцем, таять. Не исчезать — я всё ещё была задета, всё ещё помнила слово «задница» и то, как он его произнёс, — но отступить, давая место чему-то, что было похоже на облегчение: он не пытался оправдываться, не пытался переложить вину на Ронана или на «неудачную шутку», он просто признал, что был идиотом, и извинился. И это, чёрт возьми, что-то значило.

— Ладно, — сказала я, и мой голос прозвучал уже мягче, почти нормально, почти как обычно, — я принимаю твои извинения, Уокер. Но учти: ещё одна такая шутка — и я попрошу Ив, чтобы её отец-сенатор действительно внёс тот закон о запрете хоккея на территории Аризоны. И тогда ты останешься без игры, без команды и без возможности демон-

стрировать свою «подкачанную задницу» — цитирую саму себя — на льду.

Кейд рассмеялся — и его смех был таким искренним, таким облегчённым, что я невольно улыбнулась в ответ, чувствуя, как последние остатки напряжения покидают мои плечи.

— Договорились, — сказал он, и его улыбка вернулась на место, но теперь в ней было что-то новое: не просто обаяние, а что-то похожее на уважение. — Никаких больше дурацких шуток про задниц. Обещаю. Я вообще теперь буду думать дважды, прежде чем открыть рот в твоём присутствии. И, возможно, трижды. На всякий случай.

— Хорошая стратегия, — кивнула я. — Рекомендую.

— Кстати, — Ронан, который всё это время стоял в стороне и явно наслаждался зрелищем, отлепился от фонарного столба и шагнул ближе, — раз уж мы все тут помирились и выяснили, что Кейд — тупой качок, а ты, Блэкмор, — ходячая бомба замедленного действия, которая чуть не взорвалась прямо здесь... может, пойдём в «У Бинса»? Я слышал, у них сегодня сезонный тыквенный латте, и я хочу попробовать его, пока он не закончился, а то в прошлом году я опоздал на целую неделю и потом рыдал в подушку.

— Ты не рыдал в подушку, — фыркнул Кейд, пихая его локтём.

— Рыдал. У меня есть доказательства. Фотографии. Они лежат в отдельной папке на телефоне, которая называется

«Чёрные дни Ронана Хэлза».

Я рассмеялась — и в этом смехе, кажется, растворились остатки той холодной ярости, которая душила меня минуту назад.

— Ладно, — сказала я, поправляя сумку на плече и поправляя волосы, которые растрепались после «волосяного леща», — давайте подождём Ив, и пойдём в «У Бинса». Она сейчас с Элиасом, так что, возможно, они присоединятся. Или не присоединятся. Зависит от того, насколько хорошо у них пройдёт разговор.

— У Норта и Равенны? — присвистнул Ронан. — О, я ставил на них ещё в прошлом семестре. У меня даже был тотализатор. Правда, я проиграл, потому что поставил на то, что они начнут встречаться ещё до летних каникул, но теперь, кажется, мои инвестиции окупаются.

Мы все рассмеялись. Я бросила взгляд на дверь спортивного корпуса, где Ив всё ещё не появлялась — видимо, разговор с Элиасом затянулся, что было вполне ожидаемо, учитывая, как они смотрели друг на друга, — и перевела взгляд на Кейда, который теперь стоял рядом со мной, почти плечом к плечу, и смотрел на меня с тем самым выражением, которое я не могла расшифровать, но которое заставляло моё сердце биться чуть быстрее.

— Слушай, — сказал он негромко, так, чтобы Ронан, который уткнулся в телефон, не услышал, — я правда рад, что ты устроила мне эту взбучку. Не потому, что я мазохист, а

потому, что... ну, ты не побоялась сказать мне правду. А это редкость. Обычно девушки либо хихикают и делают вид, что всё отлично, либо просто исчезают после первого же моего косяка. А ты осталась. И обозначила границы. Это... — он замолчал, подбирая слово, — это круто.

Я посмотрела на него — на этого парня, который только что назвал меня «задницей», а теперь говорил, что я крутая, — и вдруг поняла, что мой идеальный образ Кейда Уокера, который я рисовала в своей голове последние несколько недель, только что треснул. И это было странно — потому что треснувший образ оказался почему-то лучше идеального. Реальнее. Человечнее. И этот реальный, ошибающийся, извиняющийся, способный признать свою глупость Кейд нравился мне больше, чем тот гляцевый хоккеист с обложки.

— Просто помни, — сказала я, и мой голос прозвучал мягко, почти тепло, — что границы — это не стены. Они не для того, чтобы отгораживаться. Они для того, чтобы было понятно, куда можно заходить, а куда — нет.

— Понял, — Кейд улыбнулся, и на этот раз его улыбка была другой — не обворожительной, не ослепительной, а простой, почти застенчивой. — Принято к сведению, Блэкмор. Буду соблюдать.

— Вот и славно.

Дверь спортивного корпуса наконец распахнулась, и на пороге появилась Ив — раскрасневшаяся, с сияющими гла-

зами, и Элиас, который шёл чуть позади неё, всё ещё держа руку в нескольких сантиметрах от её талии, словно боялся, что она упадёт, хотя ступенек на крыльце было всего три, и упасть там было решительно невозможно. Увидев нас — меня, Кейда, Ронана, — Ив ускорила шаг, и её лицо озарила та самая улыбка, которая означала, что разговор прошёл хорошо, очень хорошо, просто отлично, и что позже она расскажет мне всё в мельчайших подробностях, включая каждое слово, каждый взгляд и каждую паузу.

— Ну что, — сказала она, приближаясь, — в кофетерий?

— В кофетерий, — подтвердила я, и мы, вчетвером — я, Ив, Кейд и Ронан, с Элиасом, который неловко мялся позади, явно раздумывая, стоит ли ему идти с нами, или это будет выглядеть слишком навязчиво, — двинулись через залитый солнцем кампус в сторону «У Бинса», где нас ждал тыквенный латте, круассаны с миндалём и, возможно, новая глава в наших странных, запутанных, но совершенно точно не скучных отношениях.

Где-то позади, в дверях спортивного корпуса, мелькнула знакомая фигура — широкие плечи, каштановый ёжик, — но я не обернулась. Сегодня у меня был слишком длинный день, чтобы добавлять к нему ещё и Рейвена Деверо. Завтра. Война продолжится завтра. А сегодня — кофе, круассан и разговоры. Много разговоров.

Глава 6. Фол в нападении

Проигранный раунд — это ещё не проигранный матч, но когда ты сидишь в пустой аудитории, глядя на доску, где только что рухнуло твоё самолюбие, а в воздухе ещё пахнет её духами и её превосходством, ты вдруг осознаешь то, чего не хотел осознавать: ты нарушил правила, которых даже не знал, совершил фол там, где не было судьи, и теперь расплачиваешься за это самой дорогой валютой — её вниманием, которое ты получил совсем не в той форме, в какой рассчитывал.

Рёна Окацуки

Рейвен

Я остался в аудитории дольше, чем того требовали приличия, дольше, чем того требовал здравый смысл, дольше, чем вообще имело смысл оставаться в помещении, где только что произошло публичное уничтожение твоего эго, — и всё потому, что каждый раз, когда я пытался подняться со стула, перед глазами всплывало её лицо: раскрасневшееся после нашего маленького представления у доски, обрамлённое этими дурацкими каштановыми волнами, которые она мне же и хлестнула в лицо, проходя мимо, — и я снова сиделся, как приклеенный, глядя в одну точку на доске, где ещё светились остатки диаграмм профессора Накамуры, а заодно и позора Рейвена Деверо, который, кажется, впечат-

тался в эту доску намертво, как несмываемое пятно.

— Ты идёшь, или решил остаться здесь на ночь и подружиться с охранником? — Кай, который, в отличие от меня, уже успел собрать свои вещи, накинуть рюкзак на одно плечо и простоять в проходе минуты три, ожидая, пока я соизволю пошевелиться, наконец потерял терпение. — Он, кстати, довольно милый мужик, я с ним общался на прошлой неделе, когда меня заперли в спортзале после тренировки. У него коллекция кактусов и три кота, которых зовут Рональд, Бигль и Стероиды. Не спрашивай про последнего, я сам не понял.

— Заткнись, Ашер, — я наконец поднялся, закинул рюкзак на плечо и двинулся к выходу, чувствуя, как в висках всё ещё пульсирует кровь после того, что только что произошло, — не из-за проигрыша у доски (хотя, чёрт возьми, это тоже было неприятно), а из-за того, как она на меня смотрела. Как на пустое место. Как на ошибку природы. Как на человека, который заслуживает только того, чтобы его стёрли с лица земли вместе с его дурацкими рисунками и дурацкими бумажками.

Деклан, который всё это время тихо сидел в углу и делал вид, что его здесь нет, выскользнул в дверь первым, пробормотав что-то про «мне нужно в библиотеку», хотя я точно знал, что никакой библиотеки у него не было — просто Мурмур, как всегда, учуял опасность и решил эвакуироваться, пока атмосфера не накалилась до предела. Умный парень.

Мне бы его инстинкты.

Мы с Каем вышли в коридор, где уже почти никого не было — только пара студентов копалась в телефонах у окна, — и начали спускаться по лестнице, и я чувствовал, как внутри клокочет та самая смесь раздражения и унижения, которая всегда появлялась после столкновений с Ребеккой Блэкмор, но сегодня к ней примешивалось что-то ещё. Что-то новое. Что-то, от чего мне хотелось то ли разбить кулаком стену, то ли вернуться в аудиторию и сказать ей...

Что? Что именно? Что я не хотел рисовать тот дурацкий пенис? Что это была идея Кая? Что я вообще не должен был её слушать, а должен был просто сидеть и записывать лекцию, как нормальный студент, вместо того чтобы устраивать эту детскую войну, которая теперь обернулась против меня?

— Знаешь, — Кай, который всю дорогу молчал (что само по себе было подозрительно, потому что Кай Ашер и молчание были понятиями несовместимыми, как огонь и вода), внезапно подал голос, когда мы вышли на улицу и зашагали по раскалённому асфальту в сторону парковки, — если тебе от этого станет легче, рисунок был не очень. То есть пенис был вполне узнаваемый, тут я молодец, но вот человек, падающий в грязь... — он поморщился, — пропорции были ни к чёрту. Я тебе говорил: «Рей, руки должны быть длиннее, это же падение, тут нужна динамика», а ты...

— Кай.

— Да?

— Заткнись.

— Затыкаюсь, — он поднял руки, изображая капитуляцию, но его рот всё ещё кривился в той самой усмешке, которая означала, что он заткнулся ровно на пять секунд, а потом снова начнёт комментировать. — Но просто для протокола: ты сам запросился. Я предлагал нарисовать смешную рожицу. Или карикатуру на профессора. Или, на худой конец, просто написать записку: «Блэкмор, ты меня бесишь, давай заключим перемирие». Но нет, ты сказал: «Давай нарисуем что-то, что её взбесит». Я нарисовал. Она взбесилась. Результат достигнут. Правда, побочным эффектом стало твоё публичное унижение у доски, но тут уж извини — я не знал, что она настолько шарит в биомеханике.

— Она черлидерша, — буркнул я, пиная попавшийся под ногу камешек, который отлетел в кусты, испугав какую-то ящерицу, которая тут же юркнула в тень. — У неё вся жизнь — сплошная биомеханика: приземления, центры тяжести, рычаги. Конечно, она шарит. А я...

— А ты квотербек, который бросает мяч на сорок ярдов с точностью до дюйма, но не может объяснить, как он это делает, — закончил за меня Кай, и, чёрт возьми, он был прав. — Это нормально, Рей. Практика и теория — разные вещи. Ты думаешь телом, а не головой. Это не плохо, это просто... по-другому.

— Ты сейчас пытаешься меня утешить?

— Нет, — Кай пожал плечами, — я просто констатирую

факты. А утешать тебя будет та блондинка из «У Бинса», когда ты ей позвонишь и скажешь, что сегодня вечером свободен. Как её звали? Тиффани? Стефани?

— Я не буду ей звонить.

— Почему? Она была ничего. Симпатичная. И целовалась, судя по всему, неплохо — ты аж забыл, что находишься в общественном месте.

— Именно поэтому, — я остановился у края парковки, глядя на свою машину, старый «Мустанг», который стоял на своём обычном месте и поблёскивал на солнце тёмно-синим боком, — я не буду ей звонить. Потому что это ничего не меняет. Они все — блондинки, брюнетки, рыжие, — они все одинаковые. Сегодня ты с ними, завтра ты без них, послезавтра ты даже не помнишь их имени. И это... — я замолчал, подбирая слово, — пусто. Просто пусто, Кай. Как тренировка без игры. Как бросок без цели.

Кай замолчал — на этот раз по-настоящему, без своего обычного ехидства, — и я почувствовал, как его взгляд, задумчивый и чуть удивлённый, скользит по моему лицу, словно он видел меня впервые за всё время нашего знакомства.

— Слушай, — сказал он наконец, и его голос прозвучал непривычно серьёзно, — я тебя понял. Но, может, тогда... — он замолчал, как будто раздумывая, стоит ли продолжать, и потом всё-таки решился: — Может, тогда тебе нужна не блондинка из «У Бинса»? Может, тебе нужна та, которая шарит в биомеханике и способна размазать тебя по доске, как

масло по хлебу, и при этом выглядит так, что ты не можешь отвести взгляд, даже когда она вытирает об тебя ноги?

— Ты сейчас про Блэкмор?

— Нет, блин, про профессора Накамуру, — Кай закатил глаза, и его серьёзность испарилась так же быстро, как появилась. — Конечно, про Блэкмор! Рей, ты уже сколько месяцев с ней воюешь, а я всё жду, когда до тебя дойдёт, что это не война. Это что-то другое. Что-то, что ты называешь «она меня бесит», а я называю «ты на неё запал, идиот».

— Я не...

— Запал, — перебил Кай с той непреклонностью, которая бывает только у людей, уверенных в своей правоте на сто процентов. — Запал, втрескался, влюбился — называй как хочешь, но факт остаётся фактом: ты не можешь перестать о ней думать. Ты рисуешь ей пенисы, потому что хочешь её внимания. Ты злишься, когда она с Уокером, хотя утверждаешь, что она тебя не интересуется. Ты только что сидел в пустой аудитории и смотрел в одну точку, как раненый зверь, потому что она выиграла этот раунд, и ты не знаешь, что с этим делать.

Я хотел возразить — слова уже вертелись на языке, готовые сложиться в язвительный ответ, достойный лучших традиций наших с Каем перепалок, — но не смог. Потому что, чёрт возьми, он был прав. Не во всём — я не был влюблён, это было слишком сильное слово, слишком окончательное, — но в чём-то он определённо попал в точку. Я действитель-

но не мог перестать о ней думать. Я действительно зачем-то рисовал эти дурацкие рисунки, хотя мог бы просто проигнорировать её. Я действительно злился, когда видел её с Уокером.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал я наконец, и мой голос прозвучал глухо, как будто я говорил сквозь слой ваты. — Она меня не интересует в этом смысле. Она просто... бесит. Реально бесит. Каждым своим словом, каждым взглядом, каждым движением. И то, что я о ней думаю, — это не потому что я на неё запал, а потому что я пытаюсь понять, как человек может вызывать столько раздражения за такой короткий промежуток времени. Это чисто научный интерес.

— «Чисто научный интерес», — повторил Кай с той самой интонацией, которая означала, что он не верит ни единому моему слову. — Ладно, Рей. Пусть будет «научный интерес». Но когда этот «научный интерес» доведёт тебя до того, что ты начнёшь писать ей стихи и носить её рюкзак после пар, — не говори, что я тебя не предупреждал.

— Пошёл ты, Ашер.

— Уже иду, — он махнул рукой и направился к своей машине, старому джипу, который стоял на противоположном конце парковки и который, судя по звуку двигателя, доживал последние дни. — Увидимся дома, Рей. И постарайся не думать о ней слишком много. Это вредно для твоей репутации самодовольного ублюдка.

Я сел в «Мустанг», захлопнул дверцу и несколько минут

просто сидел, сжимая руль и глядя в одну точку на лобовом стекле, где солнце рисовало блики на пыльной поверхности. Кай уехал — его джип, чихая и кашляя, выполз с парковки и скрылся за поворотом, — а я всё сидел и думал. Не о Блэкмор — нет, я не собирался доставлять Каю такое удовольствие, — а о том, что сегодняшний день обнажил то, чего я старался не замечать последние несколько месяцев. Я был хорош на поле. Я был хорош в тренажёрном зале. Я был хорош с девушками — по крайней мере, с теми, которые не требовали от меня ничего, кроме присутствия и обаяния. Но когда дело доходило до чего-то настоящего — до того, что требовало не мышц, а мозгов, не улыбки, а слов, — я оказывался пуст. Как тот самый рисунок человечка, падающего в грязь: контур был, а содержания — ноль.

Я завёл двигатель и выехал с парковки, направляясь в сторону дома, который мы снимали втроем с Каем и Декланом. Дорога петляла между одноэтажными домами, утопающими в зелени кактусов и пальм, и солнце, клонившееся к закату, заливало всё вокруг тем самым фирменным аризонским золотом, которое должно было бы радовать, но почему-то сегодня только усиливало ощущение пустоты. Я думал о том, что сказал Кай, — и о том, что я ответил. *«Она меня бесит»*. Да, бесит. Бесит до скрежета зубного, до дрожи в пальцах, до того состояния, когда ты готов на всё, лишь бы стереть с её лица это выражение превосходства, которое появлялось каждый раз, когда она смотрела на меня. Но было ли это про-

сто «бесит»? Или за этим «бесит» скрывалось что-то ещё — что-то, что я не хотел называть, потому что назвать значило бы признать?

Я въехал на подъездную дорожку нашего дома и заглушил двигатель. Деклана, судя по отсутствию его велосипеда (он принципиально не водил машину, утверждая, что велосипед полезнее для экологии и для его кардио), ещё не было — вероятно, он действительно уехал в библиотеку, или, что более вероятно, сидел в каком-нибудь кафе и перерисовывал свои эскизы, пытаясь довести до совершенства ту самую вакиту, о которой ему рассказывала Ив. Кая тоже не было слышно — возможно, он добрался до дома раньше меня и теперь сидел в своей комнате, или, что более вероятно, торчал на кухне и смотрел очередной стрим CaseOh, потому что тот, кажется, стримил каждый день и каждый раз попадал в какие-то неприятности, за которыми Кай следил с азартом футбольного болельщика во время финала.

Я вышел из машины, хлопнул дверцей и на секунду замер, глядя на наш дом — двухэтажный, с облупившейся краской на крыльце и гибискусом, который мы все дружно забывали поливать, но который каким-то чудом всё ещё цвёл, выбрасывая ярко-розовые бутоны, похожие на смятые бумажные шарики, — и вдруг подумал: *когда моя жизнь стала такой сложной? Когда обычная девушка, с которой я даже не встречаюсь, с которой я даже не дружу, с которой я вообще ничего не делю, кроме аудитории на биомеханике и*

взаимной неприязни, — когда она начала занимать столько места в моей голове?

Я не знал ответа. И, честно говоря, боялся его узнать.

В доме было тихо — только холодильник гудел на кухне и где-то вдалеке, в гостиной, тикали настенные часы, которые Деклан повесил в прошлом месяце и которые с тех пор служили источником постоянных споров, потому что Кай утверждал, что они отстают на семь минут, Деклан клялся, что они идут точно по атомному времени, а я просто хотел, чтобы этот чёртов тикающий звук перестал сверлить мне мозг по вечерам. Я бросил рюкзак на диван, продавленный, купленный за сорок долларов на гаражной распродаже, — и направился на кухню, где меня ждал остаток утреннего творога, который я так и не доел, и где, судя по звукам, кто-то уже хозяйничал.

Этим «кто-то» оказался Кай — он сидел на стуле, который сегодня утром я снова защищал от его посягательств, с ноутбуком перед собой и кружкой кофе в руке, и на экране, как я и предполагал, шёл очередной стрим CaseOh, где тот, судя по заголовку, играл в какой-то симулятор выживания и периодически вскрикивал, когда на него нападали виртуальные волки.

— О, Рей, — Кай обернулся на звук моих шагов, — ты как раз вовремя. Он только что построил шалаш, и сейчас на него нападёт медведь, я чувствую это. Садись, смотри, это лучше любого сериала про драмы — тут реальная драма, че-

ловек против природы, цивилизация против дикости, и всё это в пикселях.

— Ты невыносим, — сказал я, но всё-таки подошёл к столу и сел на свободный стул, потому что, чёрт возьми, мне действительно нужно было на что-то отвлечься, и стрим CaseOh подходил для этого идеально: минимум мыслей, максимум криков и виртуальных медведей.

— Я знаю, — Кай ухмыльнулся и сделал глоток кофе. — Кстати, Деклан звонил. Сказал, что задержится в библиотеке допоздна — у него там внезапный приступ вдохновения, и он рисует какую-то серию про вымирающие виды. По-моему, он просто хочет произвести впечатление на Равенну — ну, знаешь, показать, что он тоже творческая личность, а не просто «Мур-мур, над которым все издеваются из-за фамилии». Я ему сказал, что это отличная стратегия, но рисовать вакиту и рисовать сердце на полях тетради — это разные вещи, и ему нужно определиться, чего он хочет.

— Мур-мур и Равенна? — я удивлённо поднял брови. — Я думал, ему нравится кто-то другой.

— Всем нравится кто-то другой, Рей, — философски заметил Кай, отпивая кофе. — Тебе нравится Блэкмор, Элиасу нравится Равенна, Деклану, кажется, нравится сама идея нравиться кому-то, а я, как единственный разумный человек в этой команде, наблюдаю за всем этим цирком и делаю заметки для будущих мемуаров. Глава первая: «Как я стал свидетелем величайшего романтического бардака в истории

студенческого спорта».

— Я тебе уже говорил: Блэкмор мне не нравится.

— Да-да, конечно, — Кай даже не потрудился изобразить веру в мои слова. — Она тебя просто «бесит». Настолько, что ты рисуешь ей пенисы. Настолько, что ты сидел в пустой аудитории и смотрел в одну точку, как будто у тебя случился экзистенциальный кризис. Настолько, что ты только что въехал на подъездную дорожку с таким лицом, будто тебе сообщили, что футбол отменили навсегда. Но да, я тебе верю. Абсолютно. Безоговорочно.

Я хотел ответить, но тут CaseOh на экране издал тот самый визг, который означал, что медведь всё-таки напал на его шалаш, и Кай, забыв про наш разговор, прилип к экрану с криком «**Я ЖЕ ГОВОРИЛ!**», и я, воспользовавшись моментом, отвернулся к окну, глядя на закатное небо, которое окрашивало Финикс в оттенки розового и оранжевого, как гигантский фруктовый коктейль, разлитый по горизонту.

Я проиграл этот раунд, но война ещё не закончена. Завтра — новый день, новая пара, новые возможности для того, чтобы сравнять счёт. И плевать, что Кай говорит про «запал» и «влюбился», — это не имеет значения. Имеет значение только то, что Ребекка Блэкмор бросила мне вызов, даже не подозревая об этом, а Рейвен Деверо никогда, никогда не оставляет вызовы без ответа.

Глава 7. Мышечная память

Ты просыпаешься раньше будильника не от избытка сил, а от их полного отсутствия, когда тело существует отдельно, сознание — отдельно, и единственное, что удерживает тебя в вертикальном положении, — это мышечная память, та самая, которую ты тренировала годами: встать, собраться, идти вперёд, даже если внутри пустота размером с аризонскую пустыню, даже если единственное, чего ты хочешь, — это закрыть глаза и не открывать их до следующего утра, но ты знаешь, что не закроешь, потому что где-то глубоко внутри, под слоями усталости и опустошения, всё ещё тикает механизм, который не умеет останавливаться, — и он заставляет тебя переставлять ноги, даже когда идти больше нет сил.

Рёна Окацуки

Ребекка

Время пять утра, и я чувствую себя дерьмом.

Не тем обычным, повседневным дерьмом, которое бывает после плохого сна или долгой тренировки, — тем особен-

ным, глубинным, экзистенциальным дерьмом, которое накрывает тебя где-то на стыке полного физического истощения и абсолютного морального опустошения, когда твоё тело существует отдельно от сознания, а сознание — отдельно от реальности, и все три компонента отказываются сотрудничать друг с другом. Глаза жгло так, словно кто-то насыпал в них песок из пустыни Сонора, которая начиналась прямо за чертой города; спина ныла от многочасового сидения в одной позе; а пальцы, которыми я только что набрала последнее предложение своей курсовой, дрожали мелкой, противной дрожью, как будто я не печатала, а держала на весу штангу весом в собственную жизнь.

Я наконец-то закончила.

Курсовая по физиологии головоногих моллюсков — тридцать семь страниц текста, четырнадцать диаграмм, восемь таблиц, два приложения и один график, который я переделывала четыре раза, потому что профессор Хендерсон сначала сказал, что «визуализация данных должна отражать суть исследования, мисс Блэкмор, а не просто быть красивой картинкой», а потом, когда я переделала её в третий раз, заявил, что *«вот теперь слишком сухо, добавьте цвета»*, и я, честное слово, была готова запустить в него этим графиком, распечатанным на плотной бумаге и свёрнутым в трубочку. Тридцать семь страниц. Три месяца работы. Две бессонные ночи на финишной прямой. И вот — последняя точка поставлена, последний источник оформлен по MLA, послед-

няя проверка орфографии завершена, и документ сохранён в трёх разных папках и отправлен себе на почту, просто чтобы убедиться, что я его не потеряю, если мой ноутбук внезапно решит умереть от перенапряжения, как и я сама.

Я откинулась на спинку стула — скрипучего, неудобного стула, который шёл в комплекте с нашей общажной мебелью и который, судя по его состоянию, помнил ещё предыдущее поколение студентов, — и закрыла глаза, чувствуя, как веки опускаются с той тяжестью, с какой опускается театральная занавес после финального акта. За окном только начинала светать предрассветная синева, которую я видела уже второй раз за эту ночь, потому что в первый раз, около трёх, я ещё надеялась, что успею закончить до рассвета и поспать хотя бы пару часов. Не успела. Теперь солнце уже подкрадывалось к горизонту, окрашивая небо над Финиксом в бледно-лимонный цвет, который постепенно, очень медленно, начинал теплеть, обещая очередной жаркий октябрьский день, а я сидела в пижаме (старая футболка с логотипом океанографической конференции, в которой я участвовала на первом курсе, и шорты с растянутой резинкой), с невымытыми волосами, которые я кое-как заколола на затылке часов восемь назад и с тех пор ни разу не поправляла, и с единственным желанием: лечь лицом в подушку и не шевелиться ближайшие сутки.

Я взглянула на кровать Ив — и моё сердце сжалось от чистой, незамутнённой зависти. Она спала. Спала тем са-

мым сном, которым спят люди, сдавшие свою курсовую три недели назад и получившие за неё твёрдую, уверенную, совершенно не напрягавшую их «С». Профессор Хендерсон тогда сказал ей: *«Мисс Равенна, у вас блестящий ум, но вы могли бы приложить большие усилий — работа хорошая, но не выдающаяся»*, и Ив, выслушав эту тираду с вежливой улыбкой, кивнула, вышла из кабинета и сказала мне в коридоре: *«Бекка, честное слово, я бы расстроилась, если бы мне было не всё равно. Но мне всё равно. Мне нужен диплом, а не Нобелевская премия по морской биологии»*. И теперь она спала — безмятежная, расслабленная, всё так же свесив одну ногу с кровати (эта её привычка была такой же неизменной, как восход солнца), уткнувшись лицом в подушку и что-то едва слышно бормоча во сне, — пока я сидела на своём скрипучем стуле и мечтала только о том, чтобы кто-нибудь стукнул меня по голове и отключил до вечера.

Почему я не могла быть как Ив? Почему я не могла просто сделать «достаточно», получить «нормально» и пойти спать с чистой совестью? Почему каждый проект, каждая курсовая, каждый экзамен превращались для меня в битву не на жизнь, а на смерть, где ставкой было не «сдам / не сдам», а «будет идеально / я полное ничтожество»?

Ответ был простым, и он лежал на поверхности, как мертвая рыба в пересохшем пруду: синдром отличницы, который вбивался в меня с детства — не родителями (мама, конечно, ворчала про международные отношения, но никогда не тре-

бовала от меня невозможного, а папа и вовсе говорил «главное, чтобы тебе нравилось, дочка»), а мной самой. Моим собственным внутренним голосом, который звучал как строгий экзаменатор и который никогда, никогда не говорил «достаточно». Он говорил: «Ты могла бы лучше». «Ты же понимаешь, что это не предел». «Ты поступила сама, без чьей-либо протекции, ты получаешь повышенную стипендию, ты выиграла ту конференцию на первом курсе — и что, теперь ты сдашь работу, которая просто "хорошая"? После всего, чего ты достигла? Ты хочешь, чтобы декан Гринберг, который до сих пор считает, что дочь Блэкморов должна учиться на международных отношениях, посмотрел на твою оценку и сказал: "Я же говорил"?»

Вот так и получалось, что я сидела в пять утра, закончив работу, которую можно было сдать ещё неделю назад и получить за неё честную «В», но вместо этого я переписывала четвёртую главу, переделывала диаграммы, перепроверяла источники и доводила текст до такого состояния, что теперь, перечитывая его в последний раз, я не находила ни одной ошибки — ни орфографической, ни логической, ни стилистической. И это, чёрт возьми, должно было радовать меня. Но вместо радости я чувствовала только пустоту и дикую, всепоглощающую усталость.

Я встала со стула, чувствуя, как всё тело протестует: колени хрустнули, спина заныла, а шея отказалась поворачиваться вправо без резкой, простреливающей боли. Я потянулась

— долго, до дрожи в мышцах, — и побрела в душ, надеясь, что горячая вода смоет с меня хотя бы часть этой усталости, этой липкой, тягучей, как патока, усталости, которая, казалось, пропитала каждую клетку моего тела.

Но вместо горячего душа я приняла холодный.

Это был старый трюк, которому меня научила Хлоя ещё на первом курсе, когда я пожаловалась, что после ночных бдений над учебниками не могу заставить себя пошевелиться: *«Холодная вода, Блэкмор. Не тёплая, не прохладная — ледяная, настолько, насколько сможешь вытерпеть. Это как перезагрузка системы. Три минуты — и ты как новенькая»*. И теперь я стояла под ледяными струями, стиснув зубы и считая про себя до ста восьмидесяти, чувствуя, как кожа покрывается мурашками, как кровь приливает к внутренним органам, защищая их от холода, как мозг, который только что был вязким и сонным, внезапно проясняется, словно кто-то протёр запотевшее стекло. Хлоя была права. Холодная вода работала. Не делала меня «как новенькой», но хотя бы позволяла функционировать.

Выбравшись из душа, я насухо вытерлась, натянула первое, что попало под руку из шкафа, — спортивные штаны (мягкие, серые, с лампасами по бокам), облегающую чёрную футболку, которая сидела на мне как вторая кожа, и, по классике, белые «Форсы», которые я машинально зашнуровала, даже не глядя. Волосы, ещё влажные после душа, я скрутила в небрежный пучок на затылке — никаких укладок, никаких

волн, просто собрала в узел и закрепила резинкой, даже не проверяя, ровно ли получилось. Сегодня мне было плевать. Сегодня была не «Блэкмор на параде», не «девушка в платье цвета топлёного молока», не «черлидерша с идеальной укладкой». Сегодня была просто Ребекка, которая не спала всю ночь, которая дописала чёртову курсовую и которая сейчас хотела только одного: дожить до конца пар, сдать работу профессору Хендерсону и рухнуть в кровать до следующего утра.

Ив, которая, судя по звукам, как раз начала просыпаться — она перевернулась на другой бок, зевнула, что-то пробормотала про «ещё пять минуточек», — наконец открыла глаза и уставилась на меня с тем выражением лица, с каким обычно смотрят на мираж в пустыне: не веря своим глазам.

— Бекка? — её голос был хриплым со сна. — Ты чего вскочила в такую рань? И почему ты выглядишь так, будто тебя переехал грузовик? И почему на тебе спортивные штаны? Где платье? Где укладка? Где «я собираюсь завалить Кейда в постель»?

— Заткнись, — простонала я, падая на свою кровать и закрывая лицо руками. — Дай мне пять минут. Просто пять минут тишины.

Но Ив уже проснулась — полностью, окончательно, как просыпаются люди, чей интерес перевешивает любую сонливость, — и теперь сидела на кровати, скрестив ноги и глядя на меня с тем самым выражением, которое предвещало

серию вопросов.

— Нет, серьёзно, — она потянулась за своим телефоном и взглянула на экран, — пять утра, Бекка. Ты легла вчера позже меня, а я легла в час. Ты вообще спала?

— Нет, — ответила я глухо, не отнимая рук от лица. — Я не спала. Я всю ночь просидела над курсовой и наконец-то закончила её. Тридцать семь страниц, Ив. Тридцать семь. Если Хендерсон поставит мне меньше «А», я... я даже не знаю, что я сделаю. Наверное, просто лягу на пол в его кабинете и откажусь уходить, пока он не изменит оценку.

— Ты закончила? — Ив мгновенно подобралась, и её лицо озарилось той самой улыбкой, которая появлялась у неё только тогда, когда она искренне, по-настоящему радовалась за меня. — Бекка, это же круто! Поздравляю! — она спрыгнула с кровати, в три шага пересекла комнату и обняла меня — крепко, по-настоящему, прижимаясь щекой к моей макушке. — Но, чёрт возьми, ты выглядишь просто ужасно. В хорошем смысле. В том смысле, что тебе срочно нужно поспать.

— Я планирую, — пробормотала я в её плечо, чувствуя, как от объятия становится чуть легче, — прийти с пар и проспать до следующего утра. Буквально. Без перерыва. Без ужина. Без тренировки.

— А как же тренировка? — Ив отстранилась и уставилась на меня с тем выражением, которое я слишком хорошо знала. — У тебя же сегодня черлидинг. Хлоя будет в ярости,

если ты не придёшь. Особенно после того, как ты недавно сорвалась с пирамиды и устроила бойню с Розали.

— Я написала Хлое, — я наконец отняла руки от лица и выпрямилась, чувствуя, как позвоночник отзывается тупой болью. — Попросила отгул. Заверила, что отработаю вдвойне завтра. Она ответила — подожди, — я потянулась за телефоном, который валялся на тумбочке, и открыла переписку, — вот: *«Блэкмор, ты везучая, потому что у меня сегодня хорошее настроение. Отдыхай. Но завтра — три часа вместо полутора, и попробуй только опоздать»*. Так что завтра я умру, но это будет завтра, а сегодня я просто хочу дожить до конца пар и рухнуть.

— Ну что я тебе говорила? — Ив отошла к своему шкафу и принялась перебирать вещи с тем придирчивым выражением, которое появлялось у неё только тогда, когда она выбирала наряд. — Не долго продлилось твоё «выспалась». Я думала, сегодня ты снова будешь на параде, учитывая, что вчера мы были с Кейдом и вроде как неплохо пообщались.

При упоминании Кейда внутри меня что-то шевельнулось — тёплое, приятное воспоминание о вчерашнем разговоре у спортивного корпуса: как мы все вместе пошли в «У Бинса» и пили тыквенный латте, и как Кейд, когда мы прощались у входа в общежитие, сказал: *«Я рад, что ты не просто проигнорировала меня, а дала второй шанс. Не все так делают»*. Я тогда улыбнулась — искренне, без обычного румянца и дрожи в коленях, — и ответила: *«Я тоже рада»*,

прежде чем скрыться за дверью и подняться в комнату, где меня ждала недописанная курсовая.

— Мы неплохо пообщались, — согласилась я, массируя виски кончиками пальцев, — но сегодня я не в том состоянии, чтобы кого-то впечатлять. Сегодня моя главная цель — не уснуть прямо на паре. Желательно — не уснуть лицом в блокнот, как это случилось со мной на первом курсе во время лекции по неорганической химии. Я потом полчаса отди- рала бумагу от щеки.

— О да, я помню, — Ив рассмеялась, вытаскивая из шкафа ярко-оранжевый топ, который, судя по его виду, был новым — я раньше его не видела, — и прикладывая его к себе перед зеркалом. — Ты тогда проснулась с отпечатком клетчатого листа на лбу, и профессор Линетти спросил, не хочешь ли ты поделиться с аудиторией тем, что тебе приснилось. А ты ответила: «Мне снилось, что я сдала ваш экзамен и он больше никогда не будет меня мучить». Он поставил тебе дополнительный балл за честность.

— Это был лучший момент моей академической карьеры, — вздохнула я, наблюдая за тем, как Ив, явно не удовлетворившись оранжевым топом, отложила его в сторону и достала следующий — на этот раз изумрудно-зелёный, с открытыми плечами. — Ив, ты что, собираешься на подиум? У нас просто пары.

— У нас просто пары, — передразнила она, поворачиваясь ко мне, — но я не собираюсь появляться в спортив-

ных штанах, как некоторые, — она бросила выразительный взгляд на мои серые треники, — хотя, должна признать, ты и в них выглядишь сносно. Эта футболка тебя очень... облегает.

— Это потому что она на размер меньше, чем нужно, — буркнула я, заправляя за ухо выбившуюся из пучка прядь. — Я купила её на распродаже и не заметила, что перепутала размер. А теперь она села после стирки, так что...

— Так что Кейд, если бы увидел тебя сегодня, всё равно бы обернулся, — закончила за меня Ив, подмигивая. — Но я тебя понимаю. Ты устала. Ты имеешь право на спортивные штаны и небрежный пучок. Даже королевы иногда ходят в лохмотьях — для конспирации.

Я слабо улыбнулась и снова рухнула на кровать, глядя в потолок, где вентилятор всё так же лениво вращал лопастями, разгоняя тёплый воздух по комнате. В голове было пусто и гулко, как в заброшенном доме, и единственной связной мыслью, которая билась где-то на задворках сознания, было: *«Ты сделала это. Ты закончила. Теперь просто доживи до вечера»*.

Ив тем временем, явно удовлетворённая изумрудно-зелёным топом, натянула его, покрутилась перед зеркалом, добавила к нему светлые джинсы с высокой талией и массивные серьги-кольца, которые качались при каждом её движении, и приступила к макияжу — утреннему ритуалу, который она выполняла с точностью жрицы. Я наблюдала за ней

сквозь полуприкрытые веки, чувствуя, как усталость нака-
тывает волнами: то отступает, давая несколько минут отно-
сительной бодрости, то накрывает с головой, заставляя глаза
закрываться, а мысли путаться.

— Знаешь, — сказала я, когда Ив перешла к подводке, —
я иногда думаю: а что, если бы я не была такой... одержимой?
Если бы я могла просто сделать «достаточно» и не пережи-
вать?

Ив оторвалась от зеркала и посмотрела на меня — не с
насмешкой, не с жалостью, а с тем самым тёплым, понима-
ющим взглядом, который я так ценила в ней.

— Тогда бы ты была не ты, — сказала она просто. — И
мир бы много потерял. Потому что такие, как ты — те, кто
не спит ночами ради тридцати семи страниц про головноно-
гих, — именно они двигают науку вперёд. А такие, как я, —
мы просто стоим и аплодируем. И, честно говоря, меня это
устраивает. Аплодировать проще, чем не спать.

Я рассмеялась — устало, но искренне, — и села на кро-
вати, свесив ноги.

— Ладно, — сказала я, хлопая себя по коленям и застав-
ляя тело проснуться, — давай собираться. Если я сейчас не
встану, я засну прямо здесь, и тогда ты потащишь меня на
пары на себе. А это, учитывая разницу в нашем росте, будет
выглядеть очень комично.

— О, это было бы зрелище, — Ив уже заканчивала с гу-
бами, нанося на них тот самый блеск, который, по её словам,

«заставлял мужчин терять рассудок». — Представь: я, в этих джинсах, на каблуках, тащу тебя через весь кампус, как мешок с картошкой. А навстречу — Рейвен Деверо. И он смотрит на тебя, висящую у меня на плече, и говорит: «Блэкмор, ты даже в обмороке умудряешься меня бесить».

Я фыркнула и, схватив подушку, запустила в неё, но промахнулась — подушка пролетела мимо Ив и врезалась в зеркало, которое покачнулось, но, к счастью, удержалось.

— Не смей упоминать его имя в этой комнате до того, как я выпью кофе, — предупредила я, поднимаясь и потягиваясь. — Это правило номер один на сегодня. Правило номер два: если я начну засыпать на паре, ты имеешь право ткнуть меня ручкой в бок. Но только один раз.

— Договорились, — Ив подхватила свою сумку и направилась к двери. — А теперь пошли, Блэкмор. У нас физиология морских экосистем через час, и если мы опоздаем, профессорша снова вызовет тебя к доске. А ты, хоть и шаршишь в этом, сегодня вряд ли сможешь связно ответить даже на вопрос «как вас зовут».

— Ты права, — я повесила сумку на плечо и поплелась за ней, чувствуя, как ноги наливаются свинцом.

Мы разминулись с Ив на перекрёстке двух коридоров — том самом, где сходились дорожки от корпуса естественных наук, библиотеки и студенческого центра, и где вечно толпились студенты, сверяющиеся с расписанием, как будто оно могло измениться за те пять минут, что они шли от общежи-

тия, — и я, бросив взгляд на время на телефоне, поняла, что если сейчас же не пойду к Хендерсону, то рискую заснуть прямо на ходу и рухнуть лицом в фонтан, который, кстати, сегодня опять не работал, так что даже освежиться было бы негде.

— Я на пару, — Ив поправила лямку сумки на плече и, заметив мой остекленевший взгляд, добавила уже мягче: — Ты справишься, Бекка. Хендерсон тебя обожает, хоть и не показывает. Ты его лучшая студентка. Он примет работу, скажет что-нибудь заумное про аксоновые волокна, и ты будешь свободна. А потом — спать. Бесконечно спать.

— Бесконечно спать, — повторила я, как заклинание, и мы разошлись: Ив свернула налево, к аудитории 312, где через десять минут должна была начаться «Физиология морских экосистем» — предмет, который она любила ровно настолько, насколько вообще можно любить что-то в восемь утра после недосыпа, а я поплелась направо, в сторону кафедры, где в своём кабинете, заваленном папками, пробирками и чучелом кальмара, восседал профессор Хендерсон.

Каждый шаг давался с трудом. Ноги были ватными, голова — тяжёлой, как чугунный шар, а веки то и дело норовили опуститься сами собой, и мне приходилось буквально силой воли удерживать их в открытом положении. В коридоре пахло хлоркой, старыми книгами и тем самым особенным запахом формалина, который, казалось, вьелся в стены этого корпуса на молекулярном уровне, и который я, как ни стран-

но, находила почти успокаивающим — наверное, потому что он ассоциировался у меня с работой, с наукой, с чем-то понятным и осязаемым в мире, который в последние дни стал слишком хаотичным.

Кабинет профессора Хендерсона находился в самом конце коридора, за пожарной лестницей, рядом с лабораторией, где мы препарировали кальмаров в прошлом семестре и где до сих пор, по слухам, стоял тот самый запах, от которого мадам Чен из 304-й комнаты когда-то интересовалась, не завелось ли у нас чумное животное. Я остановилась перед дверью — массивной, деревянной, с табличкой *«Профессор Артур Хендерсон, кафедра физиологии морских организмов»*, — и на секунду прикрыла глаза, собирая остатки сил. В руках у меня была папка — та самая, которую я собирала три месяца, тридцать семь страниц, четырнадцать диаграмм, восемь таблиц, два приложения, один график, переделанный четыре раза, — и она весила, казалось, целую тонну, хотя на самом деле в ней было не больше полуфунта бумаги.

Я постучала. Костяшки пальцев глухо ударились о дерево — раз, два, три, — и из-за двери донеслось знакомое, чуть скрипучее:

— Войдите.

Я толкнула дверь и вошла.

Кабинет профессора Хендерсона выглядел ровно так, как и должен выглядеть кабинет человека, посвятившего жизнь изучению морских организмов и, кажется, ни разу не потра-

тившего время на уборку. Вдоль стен громоздились стеллажи, забитые книгами, папками, банками с заспиртованными образцами и какими-то приборами, назначения которых я не знала, но которые выглядели так, словно им было лет сто, не меньше. На подоконнике стоял скелет рыбы — кажется, тунца, — собранный, судя по кривоватым креплениям, ещё студентами прошлого поколения. На столе, за которым сидел сам профессор — высокий, сутулый, с вечно взлохмаченными седыми волосами, которые сегодня, кажется, не видели расчёски дольше обычного, — громоздились стопки бумаг, чашка с остывшим кофе, микроскоп, какие-то пробирки и, что меня особенно порадовало, чучело кальмара, которое я помнила ещё с первого курса и которое, по легенде, было подарено кафедре каким-то выпускником в незапамятные времена.

— Мисс Блэкмор, — Хендерсон поднял глаза от бумаг, которые он, судя по всему, проверял до моего прихода, и его взгляд поверх очков был таким же, как всегда: цепким, внимательным, чуть рассеянным, но в то же время видящим больше, чем хотелось бы. — Вы сегодня рано. Обычно вы приходите после обеда.

— Я не спала, профессор, — честно призналась я, подходя к столу и кладя на него папку — ту самую, которая весила тонну и которая теперь, оказавшись на столе, выглядела почти невесомой. — Я закончила.

Хендерсон перевёл взгляд на папку, потом снова на меня,

и в его глазах мелькнуло что-то, что я, возможно, приняла бы за сочувствие, если бы не знала его лучше. Профессор Хендерсон не был злым человеком — он был справедливым, иногда дотошным, иногда саркастичным, но никогда злым, — однако он обладал уникальной способностью заставлять студентов чувствовать себя так, словно они только что провалили экзамен, даже если на самом деле они только что сдали лучшую работу в своей жизни.

— Тридцать семь страниц, — произнёс он, беря папку в руки и взвешивая её, как будто вес мог сказать ему что-то о содержании. — Я ожидал не меньше. Мисс Блэкмор, вы одна из немногих студенток, которые относятся к курсовой не как к формальности, а как к научной работе. Это похвально.

— Спасибо, профессор, — я позволила себе крошечную, едва заметную улыбку, хотя внутри всё ещё дрожало от усталости и напряжения.

— Но, — он поднял палец, и моя улыбка тут же угасла, — похвально не значит «достаточно». Я прочитаю вашу работу в течение недели — да, мисс Блэкмор, целую неделю, потому что я читаю внимательно, а не пролистываю по диагонали, — и если я найду там что-то, что можно улучшить, я скажу вам об этом. Даже если это будет запятая. Даже если это будет пробел между абзацами. Вы меня знаете.

— Знаю, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли о том, что через неделю мне, возможно, придётся снова переделывать диаграммы. — Я готова к этому,

профессор.

— Готовы? — он приподнял бровь, и его взгляд стал чуть более пристальным. — Мисс Блэкмор, вы выглядите так, словно готовы только к одному — рухнуть на пол и проспать до следующего семестра. Когда вы последний раз спали?

— Вчера, — ответила я, и это была не совсем ложь. — Немного. Хотя, если честно... кажется, позавчера.

Хендерсон вздохнул — тем самым долгим, страдальческим вздохом, который обычно предшествовал его фирменным лекциям о здоровом образе жизни, — и отложил мою папку в сторону, на стопку других папок, которые, судя по их виду, ждали проверки уже не первую неделю.

— Мисс Блэкмор, — начал он, снимая очки и протирая их краем халата, — я работаю в этом университете тридцать два года. За это время я видел тысячи студентов. Одни приходили, сдавали работу на «С» и были счастливы. Другие, как вы, не спали ночами, переписывали главы, переделывали графики, доводили себя до истощения — и всё ради того, чтобы получить «А». И знаете, что я вам скажу? — он водрузил очки обратно на нос и посмотрел на меня с тем самым выражением, которое бывает у старых профессоров, когда они решают поделиться мудростью. — Первые обычно спят лучше. Но вторые — именно вторые — становятся учёными. Не потому, что они умнее. А потому, что им не всё равно.

Я молчала, не зная, что ответить. В горле внезапно образовался ком — тот самый, который появляется, когда кто-

то говорит тебе именно то, что ты больше всего нуждаешься услышать, — и я просто кивнула, чувствуя, как глаза начинает щипать от подступающих слёз, которые я, конечно же, не позволю себе пролить в кабинете профессора.

— Идите, мисс Блэкмор, — Хендерсон махнул рукой в сторону двери, и его голос смягчился. — Идите на пары. Или, ещё лучше, идите спать. Ваша курсовая никуда не денется, а вот ваше здоровье — денется, если вы будете продолжать в том же духе. И запомните: «А» — это не главное. Главное — это то, что вы узнали, пока писали эти тридцать семь страниц. Надеюсь, вы узнали много.

— Узнала, — я наконец обрела голос, и он прозвучал чуть хрипло, но твёрдо. — Очень много, профессор. Спасибо.

Я вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь, и на секунду прижалась спиной к холодной стене коридора, чувствуя, как ноги дрожат, а сердце колотится где-то в горле. Теперь оставалось только ждать вердикта Хендерсона — целую неделю, семь дней, сто шестьдесят восемь часов неопределённости, — но прямо сейчас это не имело значения. Прямо сейчас имело значение только то, что я могу наконец пойти на пару, сесть в заднем ряду, достать блокнот и, возможно, даже не уснуть на середине лекции. Возможно.

Я отлепилась от стены и побрела по коридору обратно, в сторону аудитории 312, где меня ждала Ив и где, если расписание не поменялось за ночь, уже шла «Физиология морских экосистем». Ноги передвигались сами собой — та са-

мая мышечная память, о которой я думала сегодня утром, — а мозг, напротив, отключился, погрузившись в то самое состояние полудрёмы, которое бывает, когда ты уже не спишь, но ещё не бодрствуешь, и реальность воспринимается как сквозь толщу воды: приглушённо, искажённо, с задержкой в пару секунд.

Я завернула за угол — и врезалась в кого-то.

Удар вышел не сильным — скорее, я просто натолкнулась на чью-то грудь, которая оказалась неожиданно твёрдой, как бетонная стена, и отшатнулась, едва не выронив сумку из рук. Папки, которые я зачем-то всё ещё прижимала к себе (наверное, рефлекторно захватила со стола Хендерсона, хотя они мне не принадлежали), рассыпались по полу, и я, чертыхнувшись, опустилась на колени, чтобы собрать их, даже не подняв головы, чтобы посмотреть, в кого я, собственно, врезалась.

— Смотри, куда идёшь, — произнесла я, и мой голос прозвучал резко, раздражённо, с той особенной интонацией, которая появлялась у меня только тогда, когда я была на грани истощения, — мог бы и посторониться, коридор не резиновый, между прочим, тут люди ходят, а не стены стоят.

— Это ты в меня врезалась, Блэкмор, — ответил голос, и от этого голоса — низкого, с лёгкой хрипотцой, такого знакомого, что у меня внутри всё сначала сжалось, а потом вспыхнуло раздражением, — у меня мгновенно прошла вся сонливость, сменившись тем самым состоянием боевой готовно-

сти, которое всегда возникало в присутствии его обладателя.

Я подняла голову. Рейвен Деверо стоял передо мной — высокий, широкоплечий, в своей обычной серой майке, которая обтягивала его грудные мышцы так, словно была на размер меньше, и в спортивных штанах, которые низко сидели на бёдрах, — и смотрел на меня сверху вниз с той самой ухмылкой, которая бесила меня до скрежета зубовного. Карие глаза шурились, на скуле всё ещё красовалась та самая царапина, которую я заметила ещё в кофейне, а его руки были засунуты в карманы с той вальяжной небрежностью, которая, кажется, была его естественным состоянием.

— Ты, — выдохнула я, и в этом единственном слове смешалось всё: усталость, раздражение, злость на то, что из всех людей в этом коридоре я столкнулась именно с ним, и ещё что-то, чему я не могла дать названия, но что заставило мои щёки слегка порозоветь.

— Я, — подтвердил он, и его ухмылка стала шире. — И, судя по твоему виду, ты либо не спала всю ночь, либо решила поэкспериментировать с образом «восставшая из ада». Попала в точку, кстати. Особенно этот пучок, — он неопределённо махнул рукой в сторону моей головы, — очень... готично.

Я поднялась с колен, прижимая к груди собранные папки, и выпрямилась во весь рост — что, учитывая разницу в наших с ним габаритах, всё равно оставляло меня на уровне его плеча.

— Деверо, у меня нет ни сил, ни желания вести с тобой словесную дуэль, — произнесла я, и каждое слово падало, как камень. — Я не спала больше суток, я только что сдала курсовую, я хочу только одного — дойти до аудитории, сесть на стул и не шевелиться ближайшие полтора часа. Поэтому, будь добр, отойди с дороги и дай мне пройти.

— Ого, — он приподнял бровь, и его ухмылка стала чуть менее нахальной и чуть более... заинтересованной? — «Будь добр»? От тебя? Блэкмор, ты точно в порядке? Может, тебе в медпункт? Там есть кушетка, могу проводить.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, — отрезала я, обходя его слева, но он сделал шаг в ту же сторону, перегораживая мне путь, и я чуть не врезалась в него снова.

— Слушай, — он поднял руки в примирительном жесте, но его глаза всё ещё смеялись, — я не пытаюсь тебя задеть. Серьёзно. Ты выглядишь так, будто сейчас рухнешь, и, хотя я был бы не против посмотреть на это зрелище, моя совесть — да, представь себе, у меня есть совесть, — не позволит мне просто пройти мимо. Давай я хотя бы помогу донести... — он опустил взгляд на папки в моих руках, — что это вообще такое? Ты что, украла архив кафедры?

— Это не твоё дело, — я попыталась обойти его справа, но он снова шагнул в ту же сторону, и теперь мы стояли друг напротив друга посреди пустого коридора, как два шахматиста, застрявших в бесконечной партии, и я чувствовала, как внутри закипает та самая ярость, которая всегда появ-

лялась в его присутствии, но сегодня к ней примешивалась усталость — глубокая, всепоглощающая, — и это сочетание было взрывоопасным.

— Деверо, — произнесла я, и мой голос прозвучал так ровно, так спокойно, что это спокойствие было страшнее любого крика, — если ты сейчас же не уйдёшь с моей дороги, я, честное слово, применю к тебе тот самый приём, который я применила к Розали Брэхем. И, поверь мне, колено в живот — это не самое страшное, на что я способна. Я черлидерша, я гибкая. Я могу ударить тебя с такой точки, с какой ты даже не ожидаешь.

— Верю, — он кивнул, но не двинулся с места. — Но я не Брэхем, Блэкмор. Я тяжелее. И у меня реакция лучше. И, кстати, — он склонил голову набок, разглядывая меня с тем самым выражением, которое я ненавидела больше всего: оценивающим, прищуренным, словно он видел что-то, чего я сама о себе не знала, — я не боюсь тебя. Ни капли. Ни вот столечко.

Он показал расстояние между большим и указательным пальцем — крошечное, в миллиметр, — и ухмыльнулся.

И тогда я сломалась.

Не физически — я не рухнула на пол, не разрыдалась, не закричала, — но что-то внутри меня, какой-то барьер, который держался на чистом упрямстве и кофеине последние двадцать четыре часа, внезапно треснул, и я, вместо того чтобы продолжать спорить, вместо того чтобы дать ему

отпор, просто... выдохнула. Долгим, прерывистым выдохом, который забрал с собой остатки моей энергии, моей гордости, моего боевого настроя.

— Деверо, — сказала я, и мой голос прозвучал совсем тихо, почти жалобно, хотя я ненавидела себя за эту жалобность, — пожалуйста. Просто дай мне пройти. У меня нет сил. Ни на войну, ни на перепалку, ни на что. Я хочу только дойти до аудитории, а потом — до кровати. Всё. Больше ничего. Просто... дай мне пройти.

Он замолчал. Его ухмылка исчезла — не резко, а медленно, как улыбка Чеширского кота, тающая в воздухе.

— Ладно, Блэкмор, — сказал он, отступая в сторону и освобождая проход, и его голос прозвучал... нормально. — Иди. Но если ты рухнешь по дороге, я скажу всем, что ты упала сама. Никаких «Рейвен толкнул». Договорились?

— Договорились, — буркнула я, проходя мимо него и чувствуя, как его взгляд упирается мне в спину. — И, Деверо?

— Что?

— Спасибо. Наверное.

Я не обернулась, чтобы увидеть его реакцию, но почти физически ощутила, как его бровь поползла вверх, жест, который я видела десятки раз и который мог означать всё что угодно: удивление, скепсис, интерес. Впрочем, сейчас мне было всё равно. Сейчас единственное, что имело значение, — это дойти до аудитории 312 и найти Ив. Всё остальное — война, перемирие, странные взгляды Деверо — могло подо-

ждать до завтра.

Дверь аудитории была приоткрыта, и я проскользнула внутрь, стараясь не привлекать внимания. Профессор Линетти которая когда-то поставила мне дополнительный балл за честность, — что-то чертила на доске, объясняя круговорот питательных веществ в прибрежных экосистемах, и её голос, монотонный и успокаивающий, плыл над рядами, как колыбельная. Я заметила Ив в нашем обычном месте — третий ряд, ближе к окну, — и начала пробираться к ней, лавируя между рюкзаками и вытянутыми ногами сокурсников.

Ив, заметив меня, бросила быстрый взгляд — тревожный, вопросительный, — и я едва заметно кивнула: «всё в порядке». Она расслабилась и подвинулась, освобождая мне место, а я, плюхнувшись на стул, положила папки на стол и уронила голову на скрещенные руки, чувствуя, как усталость накрывает меня с головой, словно одеяло, — тяжёлое, душное, но такое желанное.

— Всё сдала? — прошептала Ив, наклоняясь ко мне.

— Сдала, — выдохнула я в ткань своей футболки. — Хендерсон сказал, что будет читать неделю. И что я похожа на восставшую из ада.

— Это он сказал?

— Нет, — я чуть повернула голову, глядя на неё одним глазом, — это сказал Деверо. Я столкнулась с ним в коридоре. И он... — я замолчала, подбирая слово, — он вёл себя странно.

— Странно — это как?

— Странно — это как человек, — ответила я, и Ив, услышав это, присвистнула — тихо, чтобы не привлекать внимания профессора, но достаточно выразительно, чтобы я поняла: она впечатлена.

— Рейвен Деверо вёл себя как человек? По отношению к тебе? Бекка, мне нужно больше подробностей. Это звучит как начало какого-то фанфика. Или как симптом апокалипсиса.

— Позже, — пробормотала я, закрывая глаза. — Всё позже. Сейчас — только спать. Или хотя бы просто... не шевелиться.

Ив, видимо, решила сжалиться надо мной, потому что не стала продолжать допрос, а вместо этого просто подвинула ко мне свой стакан с кофе — тот самый, который она купила по дороге, — и я, не поднимая головы, нашарила его рукой и сделала глоток. Кофе был горячим, сладким, с привкусом миндального молока — именно такой, какой я любила, — и он на несколько минут подарил мне иллюзию бодрости, которая, впрочем, быстро рассеялась, оставив после себя только усталость и странное, почти забытое чувство: где-то там, в коридоре, Рейвен Деверо впервые за всё время нашего знакомства не стал добивать меня, когда я была на грани. И это, чёрт возьми, было почти так же удивительно, как если бы профессор Хендерсон вдруг поставил мне «А» без единого замечания.

Я и не заметила, как провалилась в сон. Одна секунда — я ещё слышала голос профессора Линетти, которая с упоением рассказывала о роли мангровых зарослей в прибрежных экосистемах, и моя рука ещё выводила в блокноте что-то, отдалённо напоминающее конспект (хотя, если честно, последняя строчка оборвалась на полуслове и переходила в волнистую линию, уходящую куда-то вниз по странице, как кардиограмма засыпающего человека), а в следующую секунду — темнота, глубокая, как океанская впадина, и абсолютная, блаженная тишина, в которой не было ни диаграмм, ни аксонов, ни Деверо с его дурацкой ухмылкой, ни Кейда с его извинениями, ни даже меня самой — только пустота, мягкая, как старое одеяло, и тёплая, как нагретый солнцем песок.

Не знаю, сколько я проспала. Может быть, десять минут. Может быть, час. Время в таком состоянии теряло смысл, становилось вязким и тягучим, как патока, и единственным, что существовало, было это глубокое, почти наркотическое забытье, в котором моё тело наконец-то получило то, чего требовало последние сутки, — отдых, пусть и короткий, пусть и на неудобном стуле, пусть и в аудитории, полной студентов.

— ... Сота!

Голос донёсся откуда-то издалека, как будто сквозь толщу воды, и я, не открывая глаз, отмахнулась от него, как от назойливой мухи. Сейчас. Ещё минутку. Ещё хотя бы тридцать секунд.

— ... Есота!

Голос стал громче, настойчивее, и я почувствовала, как что-то — кажется, Ивин палец — тычет меня в плечо с той ритмичностью, с какой дятел долбит кору дерева, и от этого тычка моя голова, лежавшая на скрещенных руках, слегка подпрыгнула, но я всё ещё отказывалась просыпаться, цепляясь за остатки сна, как утопающий цепляется за обломок корабля.

— Миннесота!

Я вздрогнула и выпрямилась — резко, рывком, как будто меня ударило током, — и на секунду потеряла ориентацию в пространстве, не понимая, где я, какой сейчас день, почему вокруг так тихо и куда, чёрт возьми, делись все студенты, которые только что сидели вокруг меня, перешёптывались, скрипели стульями и создавали тот самый фоновый шум, без которого аудитория не воспринималась как аудитория. Я быстро огляделась, моргая и пытаюсь сфокусировать зрение, которое после сна отказывалось работать в полную силу, и обнаружила, что аудитория была пуста — совершенно, абсолютно, до последнего стула, — и только Ив стояла рядом со мной, уперев руки в бока и улыбаясь той самой улыбкой, которая означала, что она только что стала свидетелем чего-то очень забавного и теперь будет припоминать мне это до конца семестра.

— Что... пара закончилась? — мой голос прозвучал хрипло, как будто я не разговаривала неделю, и я прокашлялась,

чувствуя, как во рту пересохло, а язык прилипает к нёбу.

— Ага, — Ив кивнула, и её серёжки-кольца качнулись в такт этому движению, — минут десять назад. Профессор Линетти даже на тебя посмотрела перед уходом — с таким выражением, будто она всё понимает и не осуждает. По-моему, ты её любимица навеки. Но это не главное. У тебя, кстати... — она сделала неопределённый жест в районе своей щеки, — слюнка. По всей щеке размазана. Довольно живописно, я бы даже сказала — художественно. Похоже на карту Южной Америки. Вот здесь — Бразилия, а здесь, — она ткнула пальцем в воздух возле моего лица, — кажется, Аргентина.

Я поспешно вытерла рот тыльной стороной ладони — и, к своему ужасу, ладонь действительно стала влажной, — чувствуя, как щёки заливает тот самый предательский румянец, который, кажется, был моим фирменным знаком в этом семестре. Прекрасно. Просто прекрасно. Я уснула на паре, пускала слюни на блокнот, и теперь Ив будет рассказывать эту историю всем, включая Элиаса, включая Кейда, включая, возможно, даже профессора Хендерсона, если ей удастся подгадать момент.

— Сколько я проспала? — спросила я, собирая свои вещи — блокнот со знаменитой волнистой линией, ручку, которая закатилась под чужой стул, папки, которые я стащила у Хендерсона и которые теперь надо было вернуть, — и чувствуя, как тело протестует против каждого движения. Мышцы затекли, шея не поворачивалась вправо, а спина ныла так,

словно я не сидела на стуле, а таскала мешки с песком.

— Почти всю пару, — Ив уже закинула свою сумку на плечо и теперь ждала меня, прислонившись бедром к соседнему столу. — Я решила тебя не будить — ты так сладко спала, что даже не реагировала, когда Линетти задавала риторические вопросы аудитории и все хором отвечали. Ты была в полной отключке, Бекка. Полной. Я даже проверила пульс — на всякий случай. Жива.

— Спасибо за заботу, — буркнула я, наконец собрав всё и поднимаясь со стула, который жалобно скрипнул, словно прощаясь со мной. — И за то, что не дала мне умереть во сне. Это очень благородно с твоей стороны.

— Обращайся, — она махнула рукой и направилась к выходу, и я поплелась за ней, чувствуя, как ноги всё ещё дрожат, а голова остаётся тяжёлой, несмотря на короткий сон, который, кажется, только раздражил мою потребность в отдыхе, но не удовлетворил её.

В коридоре было светло и шумно — студенты спешили кто на следующую пару, кто в библиотеку, кто в кафетерий за спасительным кофе, — и я, щурясь от яркого света, который лился сквозь огромные окна, вдруг осознала, что до конца дня ещё далеко, а мои ресурсы исчерпаны полностью, до самого дна, без возможности подзарядки.

— Ну что, на следующую пару? — Ив обернулась ко мне, и её лицо выражало ту самую смесь энтузиазма и готовности к подвигам, которая была её естественным состоянием.

— К чёрту, — ответила я, и мой голос прозвучал так решительно, как только мог звучать голос человека, который не спал больше суток. — Я в общагу. Не могу уже. Если я сейчас не лягу, я просто рухну где-нибудь по дороге, и тогда меня подберут санитары или, хуже того, Рейвен Деверо, и я не знаю, что из этого страшнее.

— Эй! — Ив остановилась и театрально прижала руку к сердцу, изображая смертельную рану. — Ты меня бросаешь?! После всего, что между нами было?

Я закатила глаза, но уголки моих губ всё равно поползли вверх — Ив в режиме «драма» была неотразима, и я знала, что этот спектакль сейчас развернётся в полную силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.